

18+

Госное

Борис Вельберг

Борис Вельберг

Сосново

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50283093

ISBN 9785449814708

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. После пьянки сшибаются два мира: городская богема и пригородная банда. Думаете, ясно, кто победит? Как бы не так. У каждой кофлы свои заморочки. Любовь и убийство всегда связаны друг с другом. Убит лучший друг Глеба. А убийца – главарь банды. Теперь Глебу «как школьнику драться с отборной шпаной». Как убить человека? Не из винтовки, когда фигурка падает вдали, а глядя ему в глаза – ножом, когда его жизнь бьётся на конце твоего острия? У Глеба есть только один день. А помощи нет и не будет. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Хмурое утро	5
Мастерская	19
«Кронверк»	59
Дача	62
Лёха – Оля	81
Луна	90
Уходит	103
Сашенька – Оля	105
«Катюша»	122
Поцелуй	125
Дом на Пороховых	145
Олю привёл	165
Балёшник	177
Конец ознакомительного фрагмента.	203

СОСНОВО

Борис Вельберг

Редактор Людмила Крупич

Корректор Вера Вересиянова, Вера Яковенко

Дизайнер обложки Бэйбэй Сонг

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Борис Вельберг, 2020

© Бэйбэй Сонг, дизайн обложки, 2020

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-1470-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Хвала и слава Йошитоши,
посмевавшему переступить и, не сдерживая себя,
углубиться...
разобравшему пол под собой на дрова,
но распространившему на времена и народы
открывшееся ему...
спасавшему жизнь свою искусством.*

Хмурое утро

— ...и вот она пошла с этим новым... щёголем... а тот первый, богатый адвокат, к ней всё ходил и умолял... но она уж его знать не хотела... и всё со щёголем... а этот щёголь всё в карты играл да по пивным шлялся... и вот однажды он очень-очень много проигрался... так, что уж до конца... и его хотят убить... кто-то там хочет... потому что он денег отдать не мог... весь уж лежит прямо... плачет, чуть не умирает... что, мол, вот — ему конец... тут она к нему пришла... на грудь кинулась... а он сказал: *мне не жить!*.. и вот они обнялись и плакали вместе.

...а тот, толстый... кому он был должен... к нему пришёл, за рубаху взял, тряс и грозил... а под конец орал: *отдавай вот её!*.. его девушку... в публичный дом за свой долг... а любовник еёный возмутился даже и бросился на толстого... и они дрались... а она между ними кидалась и очень плакала... но потом согласилась, чтоб его спасти.

...и вот они прощаются так... прямо как навеки... и толстый её уводит... и вот, значит, она начала... со всякими мужчинами... а ейный любовник вроде собрал деньги одно время... чтоб её вернуть, но потом вроде опять играл... и у него то ли снова долги, то ли просто всё растранижил... а чтоб её отпустили, нужна сумма... она с ума сходила... не знала, как ей быть... думала, это ненадолго... даже в во-

ду бросалась, но её вытащили... толстый её по щекам бил... за руку таскал... и бросил на улице... под дождём... лежала и плакала... пока не простудилась... жар у неё... и вот она лежит в кроватке и умирает... а тот, щёголь ейный, с продажными женщинами в кабаке кутит.

...тут тот, раньший, богатый адвокат... кого она прогна-
ла... всё откуда-то разузнал... ночью к ней по городу бе-
жит... в публичный дом, где она служила... у неё там камор-
ка такая под лестницей... где мальчик один, поломой, за ней
ухаживал... и этот богатый адвокат на колене у кровати сто-
ит... с цветами!.. а она сказать ничего не может, только пла-
чет... и тут он её на руки взял да наружу вынес... в ночь...
в дождь... и ветер... вот они, за руки взявшись, прочь бе-
гут... а бандюги эти... из публичного дома... гонятся за ни-
ми... а она уже бежать не может... так ослабла, прямо пада-
ет... а он её на руках несёт и бежит... на углу встал как вко-
панный, по сторонам озирается... не знает, куда бежать...
а те бегут за ними изо всех сил... вот-вот догонят... я прямо
смотреть такое не могла.

– ...какой ужас!.. где найти нормальных людей?.. где най-
ти?.. сколько народу ведёт себя так... вечно ругаются и де-
рутся...

.....

– ...о, ёб твою мать, – пробормотал Глеб, ворочаясь
спросонья... мотая туда-сюда задубелой, витающей в дрему-

чих снах головой... ноющей от вчерашней бухоты... пытаюсь многочисленными шорохами заглушить... стереть... зачеркнуть... этот бормочущий, воркующий голос... ползущий через коридор из загаженной мухами коммунальной кухни... схватил какую-то шмотку с прикроватного стула... швырнул в дверь.

...тут уж сон начал медленно отступать... стали вырисовываться предметы быта и обихода... персональная шваль, накопленная непосильным трудом, неясными контурами проступила и обозначилась... вчерашние замоханые чувства повывлезали из ночного забытья... питерским холодом потянуло от замёрзшего окна... нога, неосторожно вылезшая погулять из-под одеяла, совсем околodela и просилась обратно.

...Глеб лежал, сползши вниз головой с топчана... со сна он решил, что это радио бормочет у соседа Вити... но нет... хромая еврейка, Софья Львовна Черняк... инвалидка второй группы и передовик соцсоревнования щёточной фабрики имени 18-й Партконференции... в лучшем духе пролетарского интернационализма рассказывала на кухне бесконечный индийский фильм Люции Вильгельмовне Бирнбах... немке, члену партии и, согласно местной молве, внештатному сотруднику единственно доступных ей по летам органов.

...Глеб головой мотал... с бока на бок перевернулся, усилие приложив... машинально отыскал взглядом часы на стене... времени было более ожидаемого, однако сразу встать

не мог... ни за какие коврижки... ничем было себя не поднять... никакой домкратовой силой.

...всегда одно и то же... после ночи вставал измученный донельзя... что там впотымах с ним в потустороннем мире делалось – неведомо знать никому... но всегда такое бессилие наваливало по утрам, словно за ночь в иных мирах им совершались гигантские деяния... и с ранья не было сил жить дальше... такое творилось с ним уж года три без видимых причин.

...злые силы нас трудно гнетут... нет... трудные силы нас злобно гнетут... трубные силы... силы гнетут... «крутится-вертится шар голубой»... бля, ни одной песни толком не помню.

...вчера отпахал как жучка... в понедельник надо подмалёвок для панно начинать... а подмости не готовы... ихний мудёвый столяр мастырку себе сочинил... а раствор, чтоб стенку выровнять, уже заказан... опять превратится в надгробную плиту... а без подмостей будешь на лестнице вдоль стенки макакой прыгать... пришлось самому наспех состряпаные деревянные огульно сколачивать... шаткие баррикады... потом у Юрки нагрузились... без праздника и без причин... с утра все мышцы ноют... истомно так... и башка тупая, как мешок с затвердевшим цементом.

...встать не было сил... но борьбы на эту тему могло быть ещё минут на десять... все же допущенные на этот счёт сверхурочные душевные метания сулили принести вполне

практические неприятности, способные нарушить его столь нелегко отлаженный образ жизни... а потому подлежали безжалостному раскулачиванию, искоренению, поражению в правах и представлению к высшей мере.

...стал приподниматься на локте... кинуло в кашель... кашлял долго, натужно, согнувшись и заходясь... снова и снова выплёвывая и отхаркивая вчерашнее беспробудное курево... внутри хрипы хронические пробудились... и справа в груди, где верх лёгкого, некая одичалая гланда отдалённо и нудно заныла... перевернулся на грудь... башку с топчана свесил и кашлял вниз.

...сдохну, – сказал себе, не чувствуя ни вкуса этого слова, ни надлежащего трепета, – сдохну, как туберкулёзная падла... год будудохнуть... потеть, бледнеть... нездоровый румянец давать... синяки наливать под воспалёнными глазами с красными прожилками... «голубой период»... узкая цветовая гамма... сколько всего по этому поводу можно будет перечувствовать... и какая значимость жизни появится.

...но нет... даже цинизм не заводил его сегодня... не отзывалась башка ни на какие подначки и закавыки... ничем себя, тупого, было не пронять... вот такая ты, блядь, телятина... одиночка у них наказанием сльвёт... кто бы меня в одиночку упрятал... чтоб жрать приносили да срать уносили... гром их кастрюльный и семиэтажная радость общения... а мне бы хоть какую херовенькую свободу от их мира... если уж не снаружи, то хоть внутри... свободу течь

во все пути́ и во все пространства... как ветки.

...а чуютъ – великий дар и соблазн, затемнённый и утраченный... собаки в городе обоняние теряют... нам нельзя всем вместе, нас слишком много... а то был бы хуторяником каким... дервишем... нищим абреком... но нет, нас всех тянет, чтоб вместе... камни холодные в космосе – и те зачем-то притягаются друг к дружке... хулий им надо всем вместе?.. тоже, что ль, одиноко?

...бормотал про себя, а то и вслух... на спину перевернулся... просто и свободно было вот так отрешённо лежать... покорно весу своему... распластав бессильное тело... без воли, без властных чувств.

...смятые простыни топорщились затейливыми учебными гипсами для первокурсников... серели своей двусмысленной несвежестью... складочками, фалдочками, скомканностями... и бугристым рельефом умножали суетное разнообразие.

...неяркое утреннее марево шло из окна... и между раздвинутыми занавесками в предрассветных сумерках ползли над крышами тёмные петербургские слоистые облака... тяжёлым придонным илом.

...потянулся к окну и сел на топчане... руками двигал, плечами крутил, спину мял, себя обретая... опять на облака смотрел.

...как эту корабельную краску на флоте называют?.. бортовая... уставная... базовая... в неё ещё сажу добавля-

ют, чтоб была непроходимо скучного цвета... и чтоб служба мёдом не казалась... было такое специальное безнадежное слово... забыл... сквозная дыра в башке... ничего не держится... будто утонул, но недавно... дежурные спасательные канонерки наверху ещё ходят... надеются на самопроизвольное всплытие... «душа во мне угасла не совсем».

...за окном отдалённым всплеском мутно-красным помешалось... глядел наружу... в конец улицы... сквозь голые ветки деревьев... где на хлебопекарном заводе матерчатый портрет ветром мотало... буквы на нём угадывая... людишек под ним усматривая... многоточием на снегу... в порыве развернуло к нему красное покрывало – татарский хан Брежнев щурился... колыхался, щёки раздувая... и морщился настырной кикиморой.

...это какой же праздник у них?... а-а-а, этот!.. разгром Эрмитажа... не помаршировать плечом к плечу... не раствориться в их простой футбольной радости... бя, уже нояб... ещё вчера август был... томный август... канарейки пели на каждом углу.

...сидел на топчане, тупо уставившись в окно... потянулся за сигаретой... чиркнул... затянулся и длил эту первую самую сладкую утреннюю затяжку... бестолково взглядом шарил... мохнатое что-то валялось у двери... меховая шапка... та, что со стулика швырнул.

...олух... надо было на голову надеть... чтоб их не слышать... всю жизнь ходить в шапке, чтоб никого не слы-

шать... и в чёрных очках!.. но нет тебе... опять тащишь в их навороченные кулисы... крестики и нолики расставлять... когда хочется вообще ничего не делать... не знать, не участвовать, не привлекаться... картоношей в поликлинику устроюсь.

...тускло и невесело бывало по утрам... Глеб знал это про себя... и знал приёмы, как себя переиначить, одеть, обуть и придать лицу выражение видимой причастности к окружающему, внимания и даже заинтересованности в их кислом компоте... картоношей идти как-то не хотелось... а потому надлежало выполнять иные социальные рутины.

...не спеша, с неярким отвращением представил, сколько всего штатного и табельного нужно будет претворить и совершить... прежде чем можно будет почапать на Кутузовскую набережную в мастерскую к Коробкову... усесться на однажды притащенный с помойки растерзанный кожаный диван несметных размеров... и слушать многоцветный заковыристый трёп всегдашних сайгонских прихожан... захожих гопников, алконосов и шмаровых.

...но тут вспомнилось, что Коробков сегодня на Пороховые поехал... помогать кому-то... дом старинный на дощечки разбирать.

...может, вернулся уже?.. да не... забухают они там после физических трудов... это ж ясно... но на работе всё же надо себя показать... галку в ведомости поставит... и матери надо позвонить... она уж сколько раз звонила... а те-

бя не было... потому что тебя всегда нет... тебя вообще нет... и Натали обещал... сама могла бы звякнуть, конечно... особо за тобой не та́йцится... но всё ж это твой единственный фак... цени.

...мельком в зеркало зыркнул... тошно смотреть... обычно вытянутая *скандинавская* (по утверждению Леона) морда расплылась вширь, опухла и стала ещё задумчивей, чем обычно... буркала по-японски сузились... курчавые волосы сбились в путаный ком засохших водорослей... чесанул их было пальцами... внутри налипла какая-то пришлая *кака*... *мыть тебя надо... брандспойтом... бомж в законе.*

.....

...Глебу Городецкому было слегка за тридцать... жил он один, работал художником в ДОСААФе... не ахти какая почётная должность, которая, однако, позволяла ему реально работать всего восемь-десять часов в неделю... ибо всегда он был *на объекте*... а объектов было великое множество... начальство было им довольно... потому что Глеб делал за неделю столько, сколько предыдущий художник-алкаръ за месяц... зарплата была скудная (90 рэ) ...но Юрке Коробкову, как члену Союза художников, время от времени подсовывали *жирные* заказы, которые тот брал – *чтоб помнили*, но сам делать ленился и отфутболивал их Глебу... так что, в общем и целом, Глеб зарабатывал неплохо.

...Они с Коробковым съели не один мешок соли и выпи-

ли не одну лохань водки... немало воды утекло под мостом Хризантем на реке Имамуре с тех пор, как эти двое случайно зацепились языками насчёт одной обоюдной бабы... стремительно обнаружили молочное братство по нескольким её подругам... снюхались и стали общаться... один раз даже подрались по пьяни... и Глеб удивился страшной земляной силе Юркиной хватки... Городецкий и сам был крутой мужик постоянного ломового ручного труда... приёмчики кое-какие знал... и не раз скручивал в бараний рог зарвавшихся грузных хамил... но тогда Глеб еле выполз из этих медвежьих лап, дав *Большому* с двух сторон по ушам... что тот ему долго припоминал как *нежентильменское поведение*.

...они могли спокойно проработать целый день рядом, не сказав друг другу ни слова... за исключением утилитарных «*подай*» и «*подвинь*»... потом так же молча ехать домой в размудоханной старой коробковской «Волге»... и хмуро кивнуть друг другу у подворотни Городецкого – *пока, мол, до завтра*... однако Коробков упорно отказывался работать с кем-либо, кроме Глеба... хотя легко мог найти напарника получше и попроворнее.

...но стоило Глебу приболеть... или под каким другим предлогом манкировать коробковской компанией более недели... как в дверь раздавался звонок... далее начинали скрипеть и стонать коммунальные шифоньеры и секретеры, потревоженные впотьмах в узком коммунальном коридоре могучими Юркиными плечами... слышался раскатистый

боцманский бас Коробкова... распорядившегося соседками и учившего их уму-разуму... распахивалась дверь... и Сам, с кульками и бутылкой, в расстёгнутой барской шубе-выворотке... ступал внутрь, большёя своей мощной тушей... и, почти что раздвигая собою дверной косяк... кульки на стол водружал и доминировал темой разговора:

– ...а вчера у нас был общий гвалт насчёт Маринкиных именин... ну ты помнишь Маринку... худенькая сосулька такая... Лолита несостоявшаяся... мотылёк... так вот, она вчера набегалась за продуктами... перед всеобщим слётом... и в изнеможении у меня на диване в огромном пледе заснула... ну дарёный... ты помнишь.

...а тут управдом пришёл недоимки с меня за ремонт получать... и на неё с размаху сел... пудов на семь мужчина... убил бы... но спасибо – диван мягкий... а она кричала своим ядовитым сопрано... что он ейной же брошкой ей грудь проткнул... стала лифчик растёгивать... и в нос ему окровавленной грудью тыкать... ну, мы управдома всем гуртом начали сдавать в милицию за хулиганство... так что этот гусь нахрапчатый про недоимки забыл... а то он, сука, хотел с меня несметную сумму... за дверь и побитые стены на лестнице... помнишь, когда тот кривой тютель приходил... а мы не открывали... так он трубу нашёл... в дверь бить ею начал, как дятел...

и по стенам лупить... да ты, бля, совсем дохлая муха на поверхностный взгляд... сейчас мы тебя колдовскими настоями и отварами поить будем... от Бабы-яги.

...далее начиналась заварка травяных чаёв с мёдом, выпивка, закуска... рассказы, воспоминания... общий балдёж на весь вечер с анекдотами, исповедями, сплетнями, клятвами, зарокami на будущее... с обязательным просмотром Глебовых эскизов... при этом Юрка лишь изредка хмыкал и тыкал в отдельные сомнительные места композиций, но никогда не ругал... всё это завершалось вынужденным скоропостижным выздоровлением Глеба и хоровым исполнением отдельных куплетов народных песен.

— *(Коробков): ...где ж ты, блядь, такую бациллу найдёшь, которая супротив нас устоит?!. не сопливь в бокал – нос оторву!*

...далее следовал сумбурный полуночный отъезд Юрки с долгими прощаниями и возвратами с дороги:

— *...а ещё я им сказал, что ты специалист по витражу и шелкографии... да не сцы, я те книжку про это дам... там немного... одно окно... правда, большое.*

.....

...не получится пойти сегодня к Коробкову... а завтра ж, бля, пятница!.. как же ты, тоскливый лапоть, сразу не урюхал?.. шопла на дачу гоношилась... в Сосново... Натали надо туда затащить... и многократно трахнуть под баян... чтоб иннокентия утешить... а может, всё-таки по-пробовать сегодня в мастерскую?

...Глеб на кухню к мойдодыру выкатился... харю ополоснуть... и чайник себе сварить... шорох вроде там прошёл... или померещилось ему от социального одичания?.. похоже, вода струйкой из крана течёт... ан нет – это Софья Львовна сама с собой разговаривает... она, когда одна, всё время что-то шепчет... еврейка, но как-то по-русски круглолицая.

...год назад Глеба просила жалобу написать... что один мужик на работе её *жидовкой* обзывает... бумагу дала, где было несколько её начальных попыток выразить свои чувства... с орфографическими ошибками и округлыми буквами, выведенными как в детском букваре... написал, конечно... она некоторые слова повторить просила, чтоб лучше запомнить.

...стоит себе... варит похлёбку и шепчет... в мире ином.
– ...как дела, Софья Львовна?

...смутилась, словно её за чем-то стыдным поймали... взор опустила... напевно своё стеснительное «хорошо» сказала... и, прихрамывая, заковыляла крабиком из кухни.

...бормочет, потому что поговорить не с кем... совсем одна... давно одна... видишь, так тоже можно жить...

старой, хромой и одинокой... в мире, где всё для неё трудно... а ты, сука, незнамо о чём вечно ноешь.

...матери позвонить надо... матери... единственный человек, который тебя беззаветно любит... что б ты ни выкинул... чуть ли не месяц ей не звонил.

...сосед Витя на кухню выплыл... вечный киряла и бывший матрос торгового флота... косая сажень в любом измерении... они с Глебом сошлись однажды... спелись... и теперь бухарили вместе время от времени... в те чёрные дни, когда идти никуда не хотелось.

— ...радиво, бля, сломалось, и никому дела нет... мне одному, что ль, надо?

— ...Вить... голубь... да я радио последний раз в третьем классе слушал... «Вести из леса».

— ...ну ты ж художник... ясно, что не как люди... а остальные что?.. полная квартира народу... я один тут шумлю... ремонт на лестнице делали... проводку, гады, порвали... и никто не знает где!

— ...а чё ты там слушаешь по радио?

— ...да утром... музыку... и вообще... ну, чтоб веселей.

...жена его, бля, пилит смертным боем... вот он радио и слушает... тоже выход в небесные сферы... все находят отдушину, закутки и вентили... и как-то устраиваются... все... кроме тебя.

Мастерская

...на этот раз у Коробкова в мастерской досужий люд был озабочен пропажей приبلудной кошки... её однажды принёс и забыл один из неопознанных коробковских прихожан... с этой кошкой дружили и шутили... ей рассказывали душевные тайны и объяснялись в любви... подливали водку в молоко... рисовали на ней охрой полосы, пытаясь сделать тигра... подвязывали вымя на шнурках... приклеивали бумажные шляпки и лифчики... приматывали резинкой колбаску на хвостик... который она потом безуспешно ловила... про неё рассказывали анекдоты и мистические истории.

...и вдруг она прямо-таки растворилась посреди петербургской полярной ночи... *ушла в пейзаж*... или – согласно Коробкову – *замазалась*.

– ...что кошка... я как-то по весне начал деревенскую хреновень с поленницей писать... с лошадьё там... и дровнями... но увлёкся, бля, кустами... стал их укрупнять... через три дня глядю – лошадь пропала, – гундосил Коробков, приподымаясь над проблемой и демонстрируя независимость от преобладающих эмоций.

...несмотря на наличие прочих знаменательных событий, все дружно забеспокоились и принялись состязаться в предсказании кошкиной судьбы... начали припоминать, что на той неделе кто-то в качестве еды принёс в мастерскую

якобы кролика... который не очень-то был похож на кролика... даты не совпадали... но легенда, что кошку по пьяни съели, стала обрастать плотью.

...у Коробкова собиралась самая разникудышная шопла... с недавних пор сюда начали таскаться такие рукосуи, которых в кино даже с билетами не пускали... пока спустя некоторое время с момента их появления Юрка не отметил отвлечённым умом, что они пиздят не только то, что плохо лежит... а вообще всё, что лежит, висит, стоит, ходит, размазано по полу, прибито, упомянуто всуе, оставлено на потом и помыслено в сердцах... вне зависимости от ценности.

— *...всё ходют и хитют... ходют и хитют... кружку вот похитили,* – нудил Коробков ...безнадёжно в десятый раз роясь в шкафу в поисках алюминиевой, мятой, похеренной чернецой, как гнилой зуб... якобы *блокадной кружки...* из которой Юрка с незапамятных времён дул свои бесконечные полуночные чаи.

...стал спрашивать заблудших незнакомцев, кто они такие и откуда его знают... и дошёл до такого беспредела, что начал кое-кому отказывать в ночлеге... ряды собутыльников слегка поредели... а из новых всё больше попадались подростки в эпоху становления характера.

...но уж по традиции было так заведено, что, мол, хоть весь вечер сиди себе уютгом без ручки... или туманную вуаль на себя кинь полумесяцем... а Коробков то ли маслами

трёт по свежаку седьмой раз... то ли починает свои вспомогательные конструктивные деревянные... то ли жрёт и пьёт... то ли с бабой какой о вечной совместной жизни в кладовке договаривается... а то, за нефиг делать, бросит всех и едет вон по неведомым околоточным делам... Коробков на миру живёт... и кого не хочет – не видит... и прочим не противопоставлено изъяслять любым способом строптивное своеволие, просветление, мракобесие и прочую разноякую блажь... будь на то любая неплюская фантазия... подходящая гармония текущего момента... и непротивление духу ежедневного разношёрстного коллектива.

...и кто такой этот Юрка Коробков?.. тяжёлый детина чуть ли не двухметрового роста... расплзшийся за все мыслимые телесные габариты, как морж... с жёстким пронизательным взглядом, не оставляющим шансов на миролюбивый исход... и надёжно скрывающим врождённое добродушие... всегда в фаворе у любого начальства... особенно у своего, в Союзе художников... ибо вёл себя с ним, как свой среди своих... не к чину апеллируя, а к крутой мужиковской закваске... да и находясь под распоряжением... редко спорил... покрывал все нелепости и недоразумения общим благодушием и весёлым ядрёным матом... отмечалась, правда, в этой дежурной разухабистости и панибратстве такая слюнявая нотка, от которой Коробкову бывало не по себе... в похмельное утро мерещилось во вчерашней бравате – унижение и фиглярство... но скреплял грудь –

мол, так надо... ну а от начальства заказики шли и командировки получше, чем по рангу положено... мастерская вот досталась на Кутузовской набережной... старая, конечно... но место-то неслабое... со многих сторон лучше, чем те, новые, на Московском проспекте... да и невольно хотелось его чем-то отметить... уж больно у всех на виду был Коробков... свой, понятный русский мужик... казацких кровей... прихватывавший секретарш за утверждённые и медицински освидетельствованные попки у кабинета САМОГО... и отчитанный за это якобы тоже САМИМ.

– (Коробков): ...не, ну она такая была обтянутая... кругленькая и правильная... просто не было сил устоять... я же проверить хотел... что это не видение мне... за грехи, положим... и только так слегка пощупал... убедиться... а девочка эта как развернётся... вроде даже что-то решительное хотела сказать... но вдруг поперхнулась на полуслове.

...и вижу, заморозённо мимо меня глядит... я тоже за собственное плечо одним глазом зыркнул... а там – САМ стоит в двух шагах и головой, как кукушка, укоризненно отмечает двенадцатый час... интересно, что он лекцию нам обоим прочёл... и ей тоже... наверно, за то, что у неё такая вкусная попка... и оставил на мне отпечаток своей личности на всю жизнь.

...и вот одной беспробудной зимней ночью предфстаёт он мне во сне в парадном кинтеле... во всех орденах, как в кольчуге... ниже ящ... и своей чугунной мордой утвердительно так кивает... мол, всяческий одобрямс... а я ему – ну, Демонид Кулич, ты прям на целкового тянешь... последней чеканки.

...а утром проснулся и думаю, что это за слово такое – «целковый»... есть в нём ехидный намёк на вечную связь между бабами и деньгами.

...много таких сказаний за Юркой тянулось... и как в Саратове, в день отъезда, все оттраханые им бабцы... стихийно и независимо на вокзал прибыли его провожать... облепили его со всех сторон... а он им по очереди на прощанье на перроне ручкой через карман подержать давал... пока милиция не заинтересовалась этой необычной активностью... и что в Суздале после его полугодовой побывки на реставрации местных церквей... решили всем вновь подкинутым в детский дом младенцам давать одни и те же наречённые отчества – Юрьевич или Юрьевна.

...но то была лишь поверхностная видь... знал Глеб, как мучительно и трудно работает Коробков... как тянется ко всякому новому альбому с Запада... копирует, подражает... своё неподкупное и непродажное пытается сохранить... а изначальное наитие куда-то подевалось... здесь руку хорошо напишет... там – поворот головы... размытый контур най-

дёт... или станет целую зиму писать чистыми красками прямо из банок.

...а потом вновь придёт жирный заказ *на лысого*... и запёт Коробков... по полу кататься будет и кричать: *годы мои, птички... лучшие мои годы... харчи метать буду с этой образины*... спьяну будет *лысому* рога подрисовывать... однако по неминуемой трезвости... рога соскребёт и сдаст приемлемую работу в срок.

– ...иногда всё само собой идёт... – объяснял Юрка, – краски берёшь, на кисть не глядя... и всё сходится... и в строку ложится... рука сама всё знает... и линии все такие – смотришь остолбенело... словно это вовсе не ты... водили тобой посторонние горные силы... а в другие разы после такого же душевного пожара на следующее утро глянешь – кошачья мазня... как с оторвой какой зачумлённой по пьяни переспал... и в чём же тут правда?.. вдохновение – это, конечно, слепота... но торжественная слепота!.. а если нет хода в высшие сферы, то всё в дымке пеленой и зябью подёрнуто... цвет какой ни положи, хоть сотню раз меняй — всё не тот... контур скучный... и натурщица, синюшная блядь, злеть начинает... одному портрету чуть морду не набил... ору ему – не вертись, мамонт, уши к шкафу прибью!.. слава Богу, вовремя понял, что это солнечный блик по потолку скользит... и отражением тени меняет.

...Глеб долго не понимал, как относится Юрка к своей работе... иной раз, бывало, прямо на глазах небрежно кистью такое набросает, что хоть в рамку ставь... а вот законченные картины всегда получались почему-то слабее и абстрактнее... из них уходили те самые лучшие детали, которые виделись в набросках.

— ...я лентяй, — говаривал Коробков, — мне уже большого не сделать... я своё письмо по заказам просрал... отсоединилась рука от высшей благодати... и самонадеянная душа не восхуолит от ититьской блажи по нездеишему... сидишь кротом... скрипишь-скрипишь... а пламень пропал... и то, что имелось тебе в виду, уже не напишешь.

...Глеб не верил этим объяснениям... но всё же задумывался иногда, почему этот так сочно и вольно живущий человек... даже не пробует сделать что-либо настоящее в своём ремесле.

— (Юрка): ...вот ставишь композицию... скажем там, бутылку, селёдку, фотографию дедушки, давленную пачку папирос, жёванные трамвайные билеты... всё это на бывалую скатерть с жирными пятнами и соплями... вроде всё хорошо... а потом посмотришь в зеркало — херня... мешок с мусором... и перспектива перекошена... нет, умом-то я понимаю, что гармония от прямой и обратной симметрии не должна бы зависеть... ведь

своя-то розга в зеркале не надоедает!.. а начнёшь писать без верховной нити – пропал с концами... чем дальше – тем хуже.

...однажды для оформления витрины им понадобились столярные дела... решили откопать верстак у Юрки в кладовке из-под груды хлама... Коробков вдруг вспомнил про свой давний заказ и улетел на базу комбината... а Глеб, освобождая верстак и с трудом ворочая горы порченных холстов, нашёл толстую пачку вариантов одного и того же портрета... рисунки были свежие... вполне реалистичные... Городецкий знал изображённую на них бабёху... он вертел их так и сяк... пока, глядя на вспомогательные линии и ступенчатые пробы цвета по краям, с тоской не понял... как отчаянно и безнадёжно бился Коробков, чтобы одушевить своё творение... пытался начать заново... с азов... с реализма... как студент.

...он больше не ждёт, когда Оно придёт, – думал тогда Глеб, — он не верит, что Оно вообще когда-либо придёт... подсадных уток пробует.

...Глеб вполне сознавал свою посредственность в живописи... к нему это загадочное *Оно* приходило, может, раз в год на пять минут... но у Юрки ранее *Оно* «жило не выходя»... а тут вдруг... полный облом... ему тогда стало очень жаль Юрку.

...Глеб отмечал и ценил в Коробкове художника в том ста-

ром цеховом смысле... из тех, кому в Лувре не висеть... кто у Тициана второй план писал... а у Рафаэля – ангелочков... но Глеб знал, что именно из постоянной работы таких людей и складывается культура.

.....

...однако сегодня в мастерской никого из стоящих людей не было... не было даже Никанора Кидали – туркогрека, поэта и любимца дам... который обычно обособленно сидел в углу со страдальческим лицом Овода в изгнании... и если вокруг него собиралось больше двух почитателей... скоропостижно и громко начинал читать свои лаконичные казуистические притчи.

...а потом вечер и вовсе пошёл в хлам, потому что к Юрке пришла Алёна, то есть Ленка для знающих подноготную людей... которая однажды решила стать Алёной... и для общей пользы быстро выучила всех своему новому имени... ибо никому беззаботно не шутилось с этой невысокой, красивой и волевой бабой... с её приходом рассеялась раскидчивая кисея полётных дум и начался отъявленный нагой материализм.

– ...вы, Юрочка, вечный дурак, – своим певучим бархатным голоском повествовала Алёна... по-хозяйски мягко похаживая вокруг Коробкова... как «кот в сапогах» в своих дизайнерских сапожках-ботфортах, по-петровски закатанных до колен, – и не надо вам вести себя так, словно вы – де-

ти... мне неловко и неудобно приходиться к вам по таким пустякам... зная заранее, что вы будете говорить о чём угодно, кроме сути дела... и что пошлейшие денежные разговоры придётся вести прилюдно... при плохо скрытом интересе, написанном на лицах ваших всегдашних Валь и Шур... не хочу напоминать, что пока вы пропиваете тысячи... я вынуждена поднимать ваших детей на сто тридцать рублей в месяц!

– ...было ж сто двадцать, – автоматически ляпнул Глеб с дивана, имея в виду ехидство насчёт повышения оклада.

...Алёна остановилась... подчёркнуто замолчала... повернулась к Глебу... кудрями слегка тряхнула... как бы внутренне изумляясь такому нахальству... качнулась слегка... грудью повела, туго обтянутой стерильно белой рубашечкой... выдвинула её (не рубашечку, а грудь) немного вперёд из кругленькой расписной жилетки на выворотке... свидетельствуя о самых высоких своих дарованиях и отвергая любые намёки на демократическое равенство.

– ...если вы решили меня перебить, Глеб, то прежде всего следовало бы поздороваться... здравствуйте!.. мы всё же были представлены друг другу... я с сочувствием отмечаю, что вы всё ещё ходите сюда... несмотря на годы... и у вас всё такие же усталые, всё понимающие глаза... наверно, вам в этом инкубаторе легче быть тем, кто вы есть... возьмите стакан, что ли... а то здесь без выпивки неприлично находиться.

– ...Алёна Никифоровна... голубушка... жизни и так нет, а есть круглосуточный быт... наполненный шизовой ахинеёй до краёв... зачем же этот естественный... отвар... кошмар... сумбур... усугублять упорным дополнительным пере­мешиванием?

– (Алёна): ...ну, что ж!.. вы, по крайней мере, если уж не слишком вежливы, то хотя бы откровенны... отведу вам тем же... пожалуйста, наслаждайтесь остальным обществом... оставьте нас на время... и позвольте решить наши семейные дела... а если уж так любопытно... то сделайте хотя бы вид, что слушаете не нас, а шум ветра за окном... право слово, это, наверно, та малость, которая ещё посильна для вас... чтобы вы продолжали считать себя порядочным человеком... и хоть изредка могли с должным чувством по­мнить ваших весьма сомнительных дворянских предков.

– (Глеб): ...и вам желаю многочисленных успехов и побед во всяческих трениях и пререканиях.

– (Алёна): ...попрошу вас помолчать!

– (Глеб): ...всегда готов! – прямую спину сделал, копируя её помпезность... даже под козырёк отдал.

– (Алёна): ...да эт-то!.. Бог знает, что здесь делается!..

...и пошла... и пошла заводиться, себя не помня... Глеб посмотрел в окно, на потолок, на дверь... пытаюсь взглядом показать, что рад бы прекратить дебаты... Алёна продолжала громко и подробно удивляться упадку его нравов.

...Глеб почувствовал себя школьником на скучном уро-

ке... взял чей-то стакан с недопитой водкой... наглядно продемонстрировал его Алёне, показывая что, дескать, выполняет её распоряжение... и ушёл к окну, где дуло... сел там за стол... карандаш на газете валялся... невольно начал крутить его... вензель нарисовал... ещё один позаковыристей... якобы для подсвечников из будущей халтуры... локоны... женские профили... как Пушкин на полях своих стихотворений... потом груди... и опять груди... много задорных и нахальных грудей... и попки с талиями... и лошадиные зады, как у Тулуз-Лотрека... и оленей с рогами... и дворян из XVIII века в треугольных шляпах и обтягивающих штанах, как у клоунов... и корабли с наклонёнными парусами... в бейдевинд¹... и пушки корабельные с дымом... увлёкся да же.

...дверь сзади отворилась... Глеб глазом дёрнулся... может, Натали?... обещала в мастерскую прийти... Тростников с Леоном вошли... и с ними две девочки... одна – *Фимка Собак* с гуманитарным выражением лица... а вторая – такая спокойненькая, ладненькая... «укромный палисадник»... дублёнку с большим воротником на гвоздик повесила... и маленькую вязаную шапочку в карманчик дублёнки аккуратно засунула.

...джинсики на бёдрах в обтяжку и свитерок таллинский древний... с махрой и зубчиками снизу... плотненько так сидит на талии... и джинсики плотненько сидят... *прямо ку-*

---

¹ Положение морского судна относительно ветра.

сидеть в попку хочется... и в грудку тоже... но если задуматься над последствиями... то всё меньше и меньше хочется... губы у неё слегка навывкате... навывпуск... как у рыбы... у баб, даже молодых, всегда такие старые морщинистые губы... словно истратились на любовь... нет, не мой кандидат... ну почему, на хер тебя ничего не заводит?!

...о Натали взгрустнулось... у неё балдёжная спина... можно гладить долго-долго и самозабвенно... пока она, сука, болтать не начнёт.

...Натали, где тебя черти носят?.. обещала же... моя зазноба и улада... но с другой стороны – зачем она тебе?.. ну трахаетесь по выходным... что тебе ещё от неё надо?.. вид делаешь, что у вас узы... а на деле – если она уедет завтра в Семипалатинск на всю оставшуюся жизнь, то всех твоих страданий будет минут на десять... может, позвонить ей всё же?.. надо же иполита утешить... а то он уже на баб не реагирует... отчаялся по поводу хозяина... херового – в двух смыслах.

– (Алёна): ...я вас чётко и неоднократно спрашиваю.

– ...да что спрашивать-то?.. я платить никогда не отказывался, – глядя мимо, бубнил нахохленный Коробков.

– (Алёна): ...пожалуйста, не надо делать жесты, что вы согласны на всё!.. слишком часто любая договорённость с вами оказывалась впоследствии фиктивной... и списывалась вами на ваш былинный размах... который при ближайшем рассмотрении сродни популярному творению вашего духов-

ного коллеги Васнецова... на полотнище которого плотно-го вида мужчины неподвижно сидят в неведомой глухомани на раздобревших от безделья, скучающих лошадях... и ожидают повода для приложения сил никак иначе как в форме подвига... и нигде иначе как в окрестных трёх верстах.

...богатыри – это всё же профессия... хоть и печально-го образа... предполагается, что им надлежит скитаться туда-сюда... но этим уже с места не сдвинуться... ну как, например, поедет этот их средний?.. который толще, чем его кобыла... лошадь жалко... а с вами, Юрочка, проблема точно такая же: вы уже не способны ни на какое целенаправленное действие!.. и уж если в результате, как вы выразились, броуновского движения... у нас с вами появились дети... то извольте нести все умиленные радости отцовства, полагающиеся вам по закону.

– (Коробков): ...да Катерина выйдет.

– (Алёна): ...если Екатерина Ивановна и выпишется вскоре из больницы... на что шансов не так уж много... то, наверно, первые дни она потратит на попытки вернуть свои вещи, похищенные её сожителем... а также на походы в милицию и поликлинику... что же касается вас... то вне зависимости от вашего текущего материального положения... которое, впрочем, всегда одно и то же... я настоятельно прошу вас... под любые ваши юбилейные премии... под все эти профили и анфасы одного и того же политического лидера... любимого героя вашей творческой музы... которого вы

с редким шизофреническим упорством бесконечно рисуете... и под другое ваше, легко находящее сбыт искусство...

...сейчас будет места себе не находить, – подумал Глеб... знал он эти разговоры... не раз уж бывало.

...ходил туда-сюда по комнате, соображая, не позвонить ли Натали... от холода и по пьяни трахаться хотелось... всё больше и больше... кила соком наливалась и звала в поход... может, просто к ней завалить... без спроса... а что?

...лох приبلудный в рисунках копался... энтузиаст вечный... молодухи из новеньких на диванчике веселились... якобы интересуясь лишь друг дружкой... но всё же исподтишка озираясь на центральный семейный скандал... случайный алкаш в углу на стуле крутил худой шеей... и соображал, когда начнут разливать... а если не начнут, то зачем он здесь.

...Глеб пошёл было к телефону... решил позвонить Натали... занят был телефон... девочка эта ладненькая – «палисадник»... там клекотала и очень радовалась за кого-то на другом конце провода... отошёл обратно к окну... опять начал на газете рисовать... на этот раз демонов и баб со змеями в причёсках.

– (Алёна): ...вы же знаете, сколько мне стоит эта бабушка... а я не могу сидеть с вашими детьми безотлучно... я должна зарабатывать на пропитание... и даже одного из них совершенно невозможно оставить у вас... о, тут дело отнюдь не в порочном влиянии!.. ибо уж, наверно, наслед-

ственность, как это ни печально, всё равно своё возьмёт... но вы с вашим пэтэушным шлейфом докатились до такого амёбного состояния... что просто можете дать ему однажды бутылку с ацетоном вместо молока... или забудете вашего потомка на лестнице... как в прошлый раз вы забыли у своих дверей вашу сумку с деньгами для меня и моим фотоаппаратом... и хватились через два дня!.. или просто в пьяном виде обнимете маленького... как вы однажды полным весом обрушились на одну из ваших наложниц, так что она чуть не умерла... слишком брутто!

– ...да сколько можно!.. – Коробков до ручки дошёл, – сколько можно об одном!.. чего тебе надо от меня?! я тебе не сделал ничего плохого, а ты мне – ничего хорошего!.. никогда!

...Юрка со стула вскочил... страстью своей стиснутой беззащитно грохотал по-мужски... разметавшись в расступающихся просторах... удержу не зная... был вне себя... прорубь на выход ища в мирских закавыках... и опять своим непреклонным твёрдым чеканным голосом, преодолевая и побеждая все возражения, заговорила Алёна... ровной немецкой пулемётной строчкой прерывая эту бездумную атаку польской кавалерии... и сник Коробков... упал внутрь... не могучи себя сказать... в груди немые глыбы ворочал... головой крутил, исходясь внутренней болью от Алёниной звериной пунктуальности.

...крик их об розно понимаемых коробковских доходах

продолжался ещё минут пятнадцать... Юрка денег никогда не считал... и Алёне выдавал суммы, что называется, *от фонаря*... отстёгивая наугад казначейские билеты от очередной недолгой пачки... но в результате всегда получалось, что баланс складывался не в его пользу.

...Глеб через комнату двинул... Леону – *наше вам с кисточкой* отвесил... Леон заулыбался и умудрился одной рукой изобразить версальский политес *в три поклона*... с Тростниковым молча руками схлестнулись... в плечо того пихнул... Глеб обрадовался им... свои кореша в доску.

...Толю Тростникова в мастерской прозвали Петров-Водкин... потому что он в самом деле был похож на известный автопортрет... добавляя при этом – *ну Петрова, положим, можно и опустить*... хотя Тростников пил только в компании и не больше других... однако он имел скуластое измождённое лицо убеждённого алкоголика... и это наводило на мысли... а ещё его звали ТТ, имея в виду не столько инициалы, сколько воинственные наклонности.

...он ходил в каратистскую секцию... умудрился затащить туда Глеба на несколько месяцев... а теперь – Леона... Глеб однажды попал с ним в драку в электричке... кирпичная шопла к ним приклеилась ни с того ни с сего... Тростников долго не отвечал... только желваками играл на своём худом лице и нацеленно смотрел в окно... тут они с Глеба шапку стащили... Глеб дал в рог с разворота и отнял шапку... а Тростников вдруг сорвался с места в карьер и избил троих так, что

они еле по полу ползали... Глеб тогда поморщился – *пожалуй, слишком.*

...ещё ТТ писал стихи... юмористические для публики и серьёзные для себя... ещё он был безнадёжно влюблён... и об этом никому не говорил... однажды Глеб увидел её случайно... девочка эта была и впрямь красавица... лет двадцати... шла с задумчивым лицом и смотрела насквозь... типа, *Снежная королева*... она пережила ранний трудный аборт лет в пятнадцать... и теперь холодно и спокойно относилась к мужикам... досужие языки утверждали, что ТТ ходит к ней безотлучно, что она держит его на дистанции, несмотря на цветы и стихи... и что там для него – *глухо, как в танке*... в отместку своей непреклонной деве Толя время от времени заводил короткие романы с разными простыми существами... был при этом откровенно циничен и неразборчив... а потом вновь возвращался к своей несчастной любви.

...Глеб подошёл к верстаку... откопал в общей с Юркой рабочей папке серию эскизов к мозаике про Ленина для Дома культуры в Лодейном Поле... разглядывал, что Юрка напортачил... соображал, на сколько туда надо будет умотать... и как свет и подмости ставить.

...казалось бы, миллион раз утверждённый профиль... во Дворце съездов висит... но нет, подавай им эскизы во всех ракурсах и размерах... и чтоб, бля, один в один... надо бы из начальства командировку в Москву выбить... якобы для сравнения с оригиналом... Юрка под Парижскую коммуны

в Париж просился... хмыкнули только.

– (Алёна): ...я вечно пытаюсь сотрудничать с вами... вечно хочу хоть что-нибудь сделать совместно, но я окончательно устала от вас... потому что всё!.. слышите?.. абсолютно всё мне приходится делать самой!.. в этом, если хотите знать, и была основная причина нашего развода... с меня было достаточно обслуживать детей... я не могла обслуживать ещё и вас!.. я думала, наш развод вас хоть чему-то научит... но вы, похоже, превращаетесь в какой-то пудинг... а у меня уже нет денег, чтобы платить за квартиру... словом, или я получу от вас причитающуюся вашим детям сумму к среде, или я начинаю действовать официально... при всём моём омерзении к этим пошлым бюрократическим инстанциям... у меня просто нет выбора... и это ещё не всё... мною написаны письма...

...обычно в затруднительных случаях Коробков решительно и просто расправлялся с бабами, но с Алёной робел, молчал и мямлил... Глебу временами казалось, что, несмотря на показное беспардонное отношение к бабам, не мог Коробков по-настоящему примириться с этим разводом.

...однажды по пьяни в лёгкую минуту... ТТ вякнул, что Коробков до сих пор иногда ночует у Алёны... что он это тщательно скрывает... и какие-то узы меж ними ещё сохранились... но теперь она им верховодит и помыкает... и Юрка каждый раз после этих ночёвок является домой чернее тучи... и пару дней лютует над безответными неодошевлён-

ными предметами и зазевавшейся домашней утварью.

...потом, правда... на трезвую голову... Тростников твёрдо и жёстко заявил, что всё сказанное им было пьяной брехнёй... однако Глеб знал, что ТТ никогда не врёт... и презрительно кривится, когда при нём рассказывают сомнительные слухи.

...у баб орган чести – это пизда, а у мужиков – рот, — говаривал Тростников.

...наконец, получив очередные непреложные, нерушимые и смертельные клятвы, Алёна ушла... Глеб к Коробкову пошёл – подмалёвок разглядывать:

– ...опять ту, новгородскую?

– ...да не.

– ...а чё это такое?

– ...как Муму сошёл с уму, – буркнул Коробков... весь ещё в пятнах от гнева... грузно дыша... вокруг не видя, – чего она, сука, ходит?!. душу мне рвёт!!! все денег хотят... да я забыл, как они выглядят... я их только изредка вижу!.. кто там у них теперь на обложке?!. всё этот, шурявый?.. пищи в доме нет... и отрады... отравы, впрочем, тоже... стяжанием и так всечасно озабочен... ибо надо же на что-то пить, жить, спать... и чем-то срать!

...мы прошлой осенью в заливе на лодке перевернулись... чуть не утопли... вода ледяная... слава Богу, один из наших грядку каменную на дне ногами нащупал... мы по ней, зубами стуча, до мели добрались... а потом я подумал, что и не мог

утопнуть... слишком лёгкий конец... для осмысленного утопа надо всё же ощущать... ну хоть какое-то заплёванное благородство... кое нам неведомо как иметь, бредя в ежедневной блевотине по колено... а мне тонуть – смех один... топить-то уже нечего!.. нет же по большому счёту у меня ни хуя!.. грибами обрастаю и привыкаю к месту своему... стационарным зрителем стал... бесконным вестовым и подхерненным подхорунжим... ходики с двумя кукушками по ночам снятся... которые разное время одновременно кукукают.

...слова, как льдины, наезжали друг на друга... топорщились... крошились в мелочь... душевно метался Коробков... и необузданно повторял:

– ...чего она, сука, всё ходит и ходит...

...чувствовалось в этом нечто подкожное, личностное... среди сопрягаемых невпопад незаконченных выкриков и разномастных междометий.

– (Коробков): ...в кабалу меня запрягла!.. удила в пасть вставила... за морду тянет и пашет... тянет и пашет!

...Глеб знал, что с Коробковым лучше не говорить об Алёне... несмотря на всё своё разгульное многолетнее блядство, Юрка женился по горячей любви... и любил в своё время Алёну, «как сорок тысяч братьев любить не могут».

...но Лена Третьякова, придя однажды в коробковскую мастерскую молчаливой замкнутой девочкой, росла как на дрожжах... впитывая особенности и отменяя заурядности

проточного человеческого материала... Впрочем, уже в самом начале скрытая натура временами проглядывала... когда при гостях царственно и свободно раздевалась она позировать нагая пьяному Коробкову... Глеб однажды при этом заметил чуть проступившую у неё торжествующую усмешку... Коробков спьяну свою власть показывал... но она-то знала, что это не его, а её власть... знала, как на неё сейчас все смотреть будут.

...а потом у них с Юркой появились дети... Алёна стала быстро взрослеть и научилась командовать детьми, Коробковым и гостями... и тут стало ясно, что взрослеет она в какую-то другую – некоробковскую – сторону... перед ней уже в магазинах расступался народ... Глеб помнил, как однажды в тёмном парадняке компания пьяных забулдыг пристыжено затихла... когда, проходя мимо, Ленка-Алёна грозно прикрикнула на них и обозвала баранами за то, что они слишком громко галдели, и она не расслышала, что сказал Глеб.

...её знакомые не имели ничего общего с обычной сайгонской шоплой, ошивавшейся у Коробкова... она принимала их за отдельным столиком и заваривала для них отдельный кофе... который не разрешалось пить всем прочим... кроме того, Алёна сделалась вегетарианкой, йогом и начала ездить к *учителю* в Левашово... который организовал надомный культ для стихийно верующих в Бога без определённой религии.

...Коробкову Алёна изменила столь же открыто и свобод-

но, как ранее позировала... а вернувшись утром домой, с порога выложила всё начистоту... он даже не врезал ей... настолько был озадачен её спокойным тоном... только тупо промычал:

— ...ты шо?.. сасем с дуба рихнула?

...она на неделю как бы съехала... но без детей и вещей... потом забрала детей... и всё время возвращалась за вещами... однажды, по рассказам случайных очевидцев, Коробков спьяну трахнул её в кладовке... вроде даже с применением силы... тем не менее Алёна продолжала приезжать.

...с полгода они так жили... она то приходила, то уходила... Коробков, любивший излить душу по многим темам... лишь один раз по глубокой пьяни в разговоре с Глебом припомнил то время... а Глеб больше не спрашивал... зная, как неумел и глуп Юрка в притворстве перед друзьями.

— ...Господи, я уже и времени того не помню... — опустив голову, бубнил Коробков, — что ж меня повело валандаться с бабой, которая изменила, да ещё и рассказывала об этом прилюдно?.. повсюду... говорю ей: блядью пахнешь!.. знал же, что всему конец... а тащились вместе ещё сколько... не то чтоб её простил... а всё было не разойтись, чтоб насовсем... и потом — везде блядство... в душе и вокруг... времена такие вышли хуёвые... я вот всё говорю и говорю, но мне

ведь по-настоящему об этом толком никак не сказать... как вспомню, так у меня одни ущербные были!.. ни одной толковой бабы.

...и картин больше не вижу... раньше во сне видел... и утром точно знал, что делать... а сейчас – как на ощупь угадываю... думал, что это мне всегда будет падать с неба... но вот вышла заминка... думал, что без этого умру... но нет!.. жив, сука... сколько же я врал себе!.. движениям своим уже не верю... пальцы, суки, и те врут... фокусы помнят... приёмчики наработали.

...да если б я тогда с ней не начал... то, может, потом у меня любви бы вовсе не было... и если б всего этого маразма не написал, то, может, и писать бы тогда бросил... я ведь раньше знал, «что такое хорошо и что такое плохо»... а теперь, – безнадёжно рукой махнул.

...Коробков тогда был пьян... говорил не Глебу, а скорее себе... как бы решая что-то... или с кем-то невидимым разговаривая... доказывал, отвечал на чьи-то неслышимые вопросы... но Глеб помнил, как тяжело и трудно Юрка думал в ходе этого монолога.

...история с Алёной состарила Коробкова... он расплылся... отёк... стал раздражительным и резким... иногда в нём прорывалась беспричинная слепая ярость, которой Глеб не помнил раньше... сбавил обороты тот внутренний мотор,

всегда им двигавший... он даже баб выбирал себе лениво... словно не очень-то хотелось... а ведь ему ещё не было и со-рока.

...потом появилась Тамара, тихая такая выпускница без прописки... брак их быстро перестал быть фиктивным... но Коробков уж прямо при ней щупал других баб... она сперва стеснялась и очень ухаживала за ним... но после и к ней повадились ходить такие же тихие землемеры и мелиораторы.

...Коробков её бил за измены... что уж было совсем смешно при их безлюбой жизни... и она в конце концов тоже ушла от него.

...стоял на половине жизни измятый, изношенный Коробков... и несло его по мутной житейской стремнине... опутанного мирской тиной, охомутанного.

– ...да я лет десять назад убить её мог за один такой разговор! – докипал Юрка после визита Алёны, – не от злости, а в изнеможении любви убить... а теперь вот усердно и настойчиво возражаю по пунктам... а стоит мне взвиться – *ах-ах!*.. *сколько невыносимости!* – скажет.

– ...Юрик, ну конечно же, всё, что она говорит, – это ложная неправда, – бухтел Тростников, – но ты не сцы... не ты первый... мужикам на роду написано такое терпеть... в конце концов все мы вышли из баб... и нам снова туда надо... каждый день... бабы как раз для того и созданы, чтобы сперва нас рожать, а потом убивать в нас жизнь... вот в старые

времена один поэт по аналогичному поводу писал своей кра-
ле: «Твою погибель, смерть детей с жестокой радостью ви-
жу»... тоже, видать, убить её рука не поднималась... на по-
стороннее чудо надеялся... ты твори себе взамен... на то Бог
её и послал, чтоб она тебя доводила до белого каления, а ты
творил.

– (Леон): ...м-да... «его пример – другим наука»... но, Бо-
же мой, какая сука...

– (Юрка – Леону): ...тебе хорошо... твои школьницы ещё
не скоро до такого сволочизма дорастут.

– (Леон): ...но в смысле вытряхивания из меня денег – они
очень даже...

– (Глеб): ...женись, Леон... дешевле... и макароны всегда
будут тёплые.

– (Леон): ...с ними что-то происходит примерно после
двадцати... и в один прекрасный день прежний ангел обо-
рачивается вот такой же ихней пресветлостью... дукессой²
Третьяковой... лучше я сам себе макароны варить буду.

– (ТТ – Юрке): ...вот что такое мужская биография?... вот
твоя, к примеру?... ты ж до двадцати пяти пианствовал, ру-
копашничал и девами баловался вне границ... а к тридца-
ти усмирел, заматерел, приосанился, перестал молоть дешё-
вую хуйню и начал искать уважения к себе... и теперь, яс-
ное дело, тебе нужны просторы высшей житейской мудро-
сти, а потому надобно претерпеть... вот Алёна тебе Богом

---

² Искажение от англ. duchess – герцогиня.

дадена именно с этой целью... она на тебя всю эту меркантильную смуту и детей навесит, а ты учишь поверх всего этого парить.

...а шумит она и елдосит от собственной подчинённости и бесцельности ейного бытия... при отсутствии такого строгого мужчины, как ты... ранее направлявшего её хаотическую жизнь... а ты не поддавайся этому постороннему угару... теперь у тебя раз в месяц скандал – и всё... а если бы она тут постоянно жила?.. и каждый Божий день тебе такое закатывала?.. да и детишки бы вокруг прыгали... «тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца».

– ...нет, решительно... дети делают из меня жуткого циника, – говорил охотно отлучившийся от давешней магистральной темы Коробков, – ревёт, бывает, такими неправдашными слезами... и таким невозможным по надрыву пронзительным голоском... что невольно защемит сердце и обнаружится непритворное сочувствие... но дашь ему пробкой от лака поиграть... и слёз как не бывало!

...у тебя у самого комок в горле ещё стоит... а это создание уже ликует... и таким облапошенным олухом ощущаешь себя рядом с этим закалённым ушлягой... они ж, оказывается, сизмальства приурочивают все самые интимные свои эмоции к вполне пошлейшим практическим целям... откуда ж потом быть правде?

...Глеб опять пошёл к телефону – опять звонить Натали... но по дороге ту ладненькую девочку увидел... она стояла, об-

локотившись на стол у окна, и разглядывала его мазню на газете.

...а за ней – вечная темь плыла за окном... холодным провалом в никуда... а на фоне этой теми – её головка двигалась... выпукло... отдельно... и грудки птенчиками в профиль стояли... и попка, джинсиками плотно обтянутая, клёво выступала плавным отдельным изгибом.

...не может быть таких джисников в продаже... сама, наверно, их ушивает... и свитерок... всё так тщательно подогнано... тютелька в тютельку... и каждая обтягиваемая тютелька доподлинно и подробно обведена и выставлена на показ.

...Глеб задержался... отвлёкся от мысли о звонке... стоял, смотрел на попку... в образах блуждая... пока девочка не повернулась и не повела глазами вверх... всё ещё не видя, но всё же в его сторону... *птичьи глаза такие... глубокие, но без выражения...* подошёл Глеб к столу... встал рядом с ней... она чуть отшатнулась от него... как бы место давая.

– ...мой стакан, – кивнул он... взял со стола... пил... смотрел на неё.

– ...а это, – она на газетные каракули кивнула, – тоже ваше?

...тонкий и тихий голос... совсем детский и музыкальный... *трудно с таким голосишкой с кем-либо спорить,* – усмехнулся про себя.

– ...груди и попки мои... в зеркале себя натурой назначил... и срисовывал... а остальное – так... по памяти.

...она на него мельком посмотрела... не среагировала на шутку... и опять к рисункам отвернулась... лицо детское, но глядит сосредоточенно, как старушка... голову подняла, взглядом вокруг повела... ни на кого... глаза промывая... *кино внутри смотрит... и профиль птичий.*

– ...вы легко рисуете... словно вам всё равно, что получится.

– ...давай на «ты»... а то я ещё возомню о себе.

– ...ты, – нехотя... отвернулась и нахмурилась зачем-то.

...не слишком красивая и с закидонами... начни с такой – и скоро надоест под все эти выверты подстраиваться... вот девочка, которую ты никогда не полюбишь... которую легко подклеить, махнуть с ней на выходные куда-нибудь в Лисий Нос... ходить там по берегу залива между валунами... есть в привокзальной забегаловке... сидеть напротив... в глаза ей глядеть... пусть плетёт свои пустопорожние вирши, выражения меняет, глазками играет и смотрит исподтишка на тебя... потом костёр развести на берегу... сидеть на ветру в обнимку... под одной курткой... портвейн пить из горла... трогать её под курткой и знать, что она чувствует это и думает об этом... провести целый день с девочкой, которую ты не любишь и которая не любит тебя... зная, что вечером ты её будешь трахать.

...не хочется перед ней дежурную рожу строить... а ес-

ли убрать весь поверхностный, самолюбивый хлам?.. если бросить ей себя вот таким, какой ты есть?.. должно же быть что-то там за гордыней, надеждами, враньём, позёрством... обычно по подвалам попрятанное и открывающееся, когда обоим нечего терять... можно ли хоть с кем-нибудь вот так?.. свои дежурные морды убрав... молчать, когда не хочется говорить... не отвечать на вопросы, на которые не нужно отвечать... тебе надо подцепить именно такую... ничего серьёзного ты сейчас не выдержишь... интересно, как она в самом конце дышать будет, головку запрокинув и глазки закрыв... вот тогда и узнаешь, кто она на самом деле... когда внутри неё будешь... раньше говорили «*познал её*»... так и есть.

– (Глеб): ...кто ты?

...глазами плавно повела, казалось, не видя и не услышав вопроса... словно возвращаясь откуда-то и напрягаясь, чтоб его услышать... пауза тянулась... он вздрогнул от её голоса, когда она вдруг ответила:

– ...Анна.

– ...а я – Глеб... а ещё кто ты?

...глазами опять повела... словно не зная, нужно ли отвечать.

– (Глеб): ...ну надо же где-то состоять... числиться... быть прописанной... причисленной... подшитой к делу?

...но Анна уже оправилась... или скорее вернулась... и посмотрела на него прямо и спокойно, без вызова... как фотограф.

– (Анна): ...у вас рукав краской перемазан.

– (Глеб): ...как говорил Том Сойер, «не каждый день нашему брату выдаётся красить забор».

– (Анна): ...вот об этом вы мне сейчас и расскажете... но сначала принесите какого-нибудь вина.

– (Глеб): ...вино тут только по праздникам... водка разве что.

– (Анна): ...а вы убедите меня, что это вино... должна же у вас быть какая-нибудь поэзия... фантазия... не могу же я сама себя охмурять.

.....

– (Коробков): ...ты знаешь, что она в Союзе начальству моему отчебучила?.. *я пришла в своём праве и с определёнными запросами...* Луховицкий аж пасть открыл... и до сих пор, по-моему, закрыть не может... теперь при встречах он на меня загадочные взгляды кидает... а он-то уж насмотрелся... к нему бабы по этим вопросам бурным потоком текут... как Терек.

...но это уже не баба... ты не поверишь... с тех пор, как я её знаю, она настолько утратила девическое начало, что даже ейная канарейка оказалась кобелём... она же в автобусе холопами людей обзывает, когда ей пройти не дают... и они дают ей пройти... в любой толкучке... если она, не дай Бог, в партию вступит, то я в Израиль эмигрирую.

– (Леон): ...она тебя и там достанет... кровавой рукой Ко-

минтерна.

– (ТТ): ... в прошлом веке граф Вронский от своей стервы в Сербию умотал.

– (Глеб): ... «мне в холодной землянке тепло от твоей негасучей любви»

– (ТТ – женским голосом, передразнивая Алёну): ... я хочу вам сказать визуально и конфиденциозно.

– (Леон): ... а уж как досаждали великому человеку мухи – об том и слов нет!

– (ТТ): ... мухи и комары суть есть совсем не насекомые, а наглядное отображение грехов наших, посланных нам Богом в овеществлённом виде... Марта спроси.

... пошла общая перекидчивая галиматья без путеводной звезды, в которой Тростников обычно выступал первой скрипкой... а Леон частенько бывал неплохой второй... но Глеб, отыскав алкоголь, мимо них к той девочке у окна устремил коромысла.

– (Глеб): ... ну вот и вино... выглядит, правда, совсем как водка... но я уверяю тебя, что это вино.

– (Анна): ... вы не могли бы её водой... я так не пью.

– (Глеб): ... если на «ты», то смог бы.

– (Анна): ... мы ещё успеем на «ты»... а «вы» уже не будет никогда.

... девочка оказалась с подтекстом... пришлось разговаривать всерьёз... довольно быстро обнаружилось, что у них много общих знакомых и есть о чём посудачить.

...Анна Гордон была поздним отпрыском старого обрусевшего служилого рода... с расползающимися от времён книгами... порченными пятнистыми гравюрами... циркулярами в бархатных футлярах... медными барометрами и астролябиями... рукописными грамотами от неведомых прошлых людей... и прочими реликтами, свидетельствующими об участии предков в отдалённых событиях и злобе прошедших веков.

...до войны обширный архив семьи был разорён... когда прямоугольный и твердолобый сталинец Киров приказал в двадцать четыре часа выселить всех *мироедов* и *кровопийц простого народа* из центра Санкт-Петербурга (скрывавшего тогда от стыда своё настоящее имя под уголовной кличкой *Ленинград*) ...Гордоны потеряли весь день, пытаясь добиться правды в разных советских инстанциях и строча заявления о столетних заслугах... дело кончилось тем, что поздно вечером бабка Анны бегала по парадной лестнице с тарелками из сервиза саксонского фарфора на сто шестьдесят персон... подарком 1813 года обалдевших от чудесного освобождения австрияков одному из семейных предков – Гордону-освободителю... и пыталась продать поштучно сонным, шарахавшимся от неё соседям... всю ночь паковались и затемно выехали... второпях пришлось оставить многое, погрузить на подводы первые попавшиеся под руку насущные пожитки и отбыть на *вечное поселение* в Гатчину.

...однако в историческом плане оказалось, что Киров, бу-

дучи по своей духовной сути искренним и пламенным сподвижником дьявола... в данном случае нечаянно совершил доброе дело и спас им жизнь... семья Гордонов выжила в Гатчине, когда многие их друзья погибли в городе в Блокаде... Анна родилась уже в Петербурге (то бишь в *Ленинграде*, извиняюсь за выражение), куда семье разрешили вернуться после 1956 года... семейство быстро начало обустраиваться... и по привычке потянулось на государственную службу... вскоре несколько родственников дослужились до заметных чинов... а один уехал дипломатом за границу... все дети также были престижно устроены... когда Анна поступила в «Муху»³, то быстро появились левые заработки... вскоре она сняла комнатушку и начала жить отдельно.

...Глеб вспомнил свою бабку (из недобитых дворян), которую по причине смены фамилии забыли включить в эти самые ссылочные, а потом и в расстрельные списки... и она, дважды обманув НКВД, умерла от голода в Блокаду... отец вернулся с войны... и дворник показал ему пятно на парадной гранитной лестнице... где тело её лежало с неделю и разлагалось... лестницу мыли много раз, но пятно не смывалось... отец бросил пятикомнатную квартиру у Елисеевского и уехал жить в восьмиметровую комнатку на Петроградской стороне, которую ему срочно выдал военкомат... сказал, что не смог бы вот так каждый день ходить по лестнице

---

³

и смотреть на это пятно.

...тут Тростников к ним подошёл... сбил тему, заполнил новой энергией, эмоциями, страстями... ликом замельтешил, гримасы строил... девочка уже на ТТ с обожанием смотрела и шуткам его смеялась... Глеб немного постоял третьим лишним... и в сторону отошёл.

...чё ты решил этой Клаве про бабушку рассказывать – тоже мне тема... олух ты, паря... да и кто ты ей?.. может с тобой пойти, может с Тростниковым... «что он Гекубе, что ему Гекуба?»... вот увезёшь такую в Лисий Нос, а она завтра с другим пойдёт... вряд ли тебе это понравится... скучно всё же без любви.

...Глеб к Коробкову подошёл... бузонил, что деревьяхи из «Мухи» надо бы натырить... уже заплачено... но Юрка не слушал и только лыбился на весь белый свет... он уже принял на грудь, забыл давешние разборки и клеил молодуху.

– ...девуля... деву-у-у-у-ля, – нудил Коробков, – вон, вон... тот стаканчик... ух ты, какая у нас щёчка... ну сядь, сядь вот здесь.

...девчонка принесла стакан и засмушалась, когда Юрка взял её за руку... медленно и церемонно посадил себе на одно колено... приобнял... смотрел в профиль умильно и елейно... Глеб по Юркиным глазам видел, что Коробков теряет нить и смутно ощущает окрестности.

– (Коробков): ...пальчики на стакане какие тонкие...

двойные... как рыбки в стекле... ну, пои меня, пои... а я как бы без рук... лётчик Маресьев.

...она осторожно подала ему стакан с водкой... Юрка, держа руки за спиной, хлюпал, сипел, цедил сквозь губу... и шумно дышал в стакан... к дежулиной ручке припал и долго старательно целовал... со стороны казалось – *ел ручку*.

...за шейку дежулю взял и медленно потянул к себе... она напряглась и вроде сопротивлялась, но не сильно... в щёчку нежно чмокнул... а потом к ушку наклонился и тихо спросил:

– ...как отчество твоё?

– ...Матвеевна, – она пробовала отвернуть голову и отодвинуться... как если бы хотела взглянуть на него издали.

– (*Коробков*): ...Татьяна Матвеевна... какое просторное имя... со всех концов света ветра сошлись – Борей, Хорей, Шалфей и Матвей... по полям гуляют... три дня скачи – никого не встретишь... а некоторые, велеречивые, всё своё отскрести нороят... но ты не такая... Татьяна Матвеевна... голубушка... Танечка, милый цветок... душа горит... растегни мне рубашечку... саван мой... вон из себя пойду... я ж без рук... с вот этой пуговички... вот... пальчики твои, что пёрышки.

...девочка, боясь случайно дотронуться до него, растёгивала пуговицы.

– (*Коробков*): ...ещё, ещё одну... вот так... а теперь руку мне на сердце положи... скажи, как оно стучит.

...девочка засмушалась и убрала руку за спину... но Юрка осторожно взял её ладонь... на весу неся... медленно и торжественно просунул себе под рубаху на грудь.

– (Коробков): ...вот тебе вся печаль моя безотрадная... слышишь, как птичкой бьётся моя судьба?.. как другим расскажешь-то?..

...он отпустил её руку... и, глядя в глаза, осторожно гладил девулю пальцем по ушку, по щеке, по шее... ей было неловко... она натянуто улыбалась... и явно не знала, как быть.

– (Коробков): ...не тревожься, голубушка... я тебя нагую золотыми звёздами изрисую... ириску мою... закрой глазки, видь ручками, – она не закрыла, – ...ниже, ниже ручку веди... вот так... ой, не хочет... боится... что ж ты замуж-то за меня не хочешь, крохотуленька моя?.. ну только сверху, сверху пальчики положи... как бы там ничего нет... и вдруг – есть!.. ха-ха-ха!.. не бойся его... кита подводного... ну погладь... погладь...

...девочка быстро отдернула руку... но Коробков взял её за плечи и бережно притянул к себе:

– ...я тебе по ручке сейчас погадаю... видишь, голубушка, выпадает тебе сегодня ночлег с лесным великаном... который потом обернётся прекрасным принцем.

– ...пьяный матрос... капитанская дочка!.. – встрял Леон.
– ...и снится страшный сон Тарасу: ...как будто бы одна девчоночка ему гладит волосёночки, – нудил Тростников.

– (Леон): ...долго я тяжкие цепи влачил... ЗВЯК-ЗВЯК-ЗВЯК... ожил я, Олю почуя.

– (ТТ): ...матерела тучка золотая у пупка утёса-великана.

– (Коробков): ...цыц, гарнизон!.. суфлёры-шаромыжники... времени нет поубивать вас всех... ты видишь, крохотуленька моя, они мне слов душевных больше не говорят... кусаются только, как собаки бездомные... хулу вечно на меня гонят... хульники... некому мне свою душу рассказать... вот я вижу, что ты одна мне веришь... ибо я среди них тоже один... как перс... перст... под Полтавой... и «некуда больше спешить»... вот она, пристань моя тихая... га-а-вань, можно сказать... по уши в этой га-а-вани и сижу.

...под Коробковым стул деревянный конторский заскрипел простуженной Бабой-ягой, предрекая житейские сложности, зловерные козни и непростой выбор у камня на глухом распутье.

– (ТТ): ...и залез атаман на свою атаманку... и спалось ему-у-у-у... как нигде никому-у-у-у... му-му.

– (Глеб): ...ну чё шпынять человека?.. он там, положим, другиню к любви склоняет... житейский сюжет... и не надо в замочную скважину...

– (Леон): ...и восходит солнце, и заходит солнце, а хуйня эта продолжается вовеки.

.....

– ...проводите меня, – услышал Глеб голос Анны за спи-

ной... – уже поздно... я боюсь одна до метро.

– (Глеб): ...отчего же нет?.. наше дело кучерское: подъедь, выедь и уедь, – ему тоже надо было идти... завтра встать к восьми.

...проводил её до метро... говорил всю дорогу... она уже называла его на «ты» и смеялась шуткам... не заметил, как они вместе вошли и спустились по эскалатору... на перроне он начал её целовать... она увернулась.

– (Анна): ...ну зачем?.. тебе это – ничего, мне это – ничего, – спокойно так сказала... как бы застенчившись за них обоих.

– (Глеб): ...ты бы обиделась, если бы я даже не попробовал, – он всё ещё обнимал и не отпускал её.

– (Анна): ...зато я бы ехала домой и воображала, что у тебя есть хорошая девочка... и начала влюбляться в тебя, – она не пыталась высвободиться.

...поезд из туннеля пригромыхал... тормозил со скрипом.
...он притянул её к себе и поцеловал в губы... она не отталкивала, но и не завелась... он слегка отстранился и посмотрел на неё... она снова застенчивалась... быстро чмокнула его в губы и резко отвернулась.

– (Анна): ...ну всё... пока.

– (Глеб): ...«пока» – это срок... маханём в Лисий Нос на выходные?..

– (Анна): ...«пока» – это не срок, а случай.

– (Глеб): ...а телефон?

– (Анна): ...случай, он всегда без телефона.
...двери в вагон открылись.

«Кронверк»

...матёра вошь... её ж нигде не было!

...Лёха уже третий раз выбегал к трапу... круги давал... вниз в трюм – по раздевалке – сцене – куцей кулисе – другому проходу – вверх на палубу – на бак – под тентами – опять к трапу... *с-сука!*.. вчера в перерыве за кулисами отсосала любо-дорого... рядом за вешалками квохтали и костюмами буртешили... плечиками звякали и нагибались шнурки вязать... что уж сасем отвальный стрём!.. а она в полном забытьи и с жуткой подробностью довела его до таких вершин... что аж губу прикусил... чтоб не забыться и не застонать... а вот сегодня на пять минут с Игнатъичем встрял побузить о колонках... и на тебе – «не вышла в назначенный срок».

...Лёха Коробков стоял на сходнях, плавно покачивая их ногами... куда-то надо было себя бросить.

...не хер тут делать... это ясно... их деревяшку, как они по-свойски называли плавучий ресторан «Кронверк», неожиданно закрыли на пару дней... инспекция нашла обугленную проводку на кухне... Галины, чтоб дать в лапу, не было... заболела посреди зимы по весенней распутице... Арташес сперва на принцип пошёл... инструкции громко вслух читал... хотел зажмотить, ясное дело... потом начал в коридоре совать конверт второпях... при всей кухонной обслуге... инспектор взбычился и наорал... что он, дурак

что ли – при свидетелях брать?.. им, рок-ансамблю, конечно, заранее никто не позвонил... и все притащились к половине восьмого вечернее представление давать... *завтра точно не починят – мать их в качель... но велено быть к обресту в полном параде... опять, как тогда, в ДК «Нарвский» ушлиот... бляди!*

...снег набух и по-тихому сочил исподнизу... пар шёл от сугробов на набережной... фонари на просвет дымкой заволокло... и потёртая луна, похеренная тучкой сбоку, едва обозначала себя расплывчатым призраком в светящихся белёсых эфирах... мокретью веток... столетней чухной... грибами прелыми било в нос из-под снега и шло в грудь... пóлы и пáхи развевая... ноздри шевеля... замороченной хернёй мутило ум... гусями какими-то кастальскими.

...призадумался Лёха... глазами туда-сюда бесцельно водил...

...подзаборная птица сучила по насту, отыскивая объедки... ссутулившиеся, редкие на набережной пешеходы натужно утверждали свои бахилы по нелёгкой кривой в раскисших снегах... *выпить бы... но кухонные разошлись ещё днём... а Гаврила не даст... прошлый раз выябывался... начальника строит.*

...Лёха вспомнил было про дачу... в Сосново... но брата не будет... а без него – одне песни под баян... у него кир, конечно, есть в мастерской... но он же небось с полдня умотал этому учёному лаптю трапезную расписывать...

благодетелю... ну откуда у учёного может быть столько капусты?.. и ещё собрание у него вроде сегодня – ему картину военно-морскую заказали... или на разборку дома на Пороховых укатил... хуй его знает.

...стоял себе Лёха сиротой... на краю тёмных невских просторов... задумчиво и потерянно... скобля ногой обледенелую бросовую дощечку... совсем ни к чёрту этот половинчатый отгул... потом опять положенный выходной скрутят... *но делать нечего – мотать отсюда надо... на дачу, что ли?*

Дача

...Лёха швырнул дверь от себя и вошёл, растёгивая дублёнку... печной духотой, как ватой, забило грудь... шёл в середину, к столу... на ходу стащил шубу и швырнул в общую кучу в углу на полу... не видя впотьмах и не осязая... медленно отходя кожей, застывшей после ходьбы по морозу от станции... свет, конечно же, был выключен... орал магнитофон... кто-то танцевал... на диванах сосались... бутылки на столе все пустые, ясное дело... в одном стакане ещё было на два пальца... Лёха выпил, не чувствуя... набираясь тепла... оглядываясь... Полищук с какой-то лошадю в обнимку шатался... танцевал якобы... все девки вроде разобраны... на столе пошукал – ни хера... под столом на полу пошарил... нашёл упавшую бутылку и из неё крохи допил.

...вышел в коридор... в соседнюю комнату заглянул... темно... *товарный трюм, бля...* один меркнувший подслеповатый огарок скучал на дне приземистой консервной банки, скудно освещая потолок... еле лица видать... Март – пьяный, в покривившихся очках – с ехидной задумчивостью тренькал на гитаре... издавая плывущие аккорды... дядя Глеб ему полусонно подпевал... как всегда перевирая слова и калеча мелодию... Юлька Мартова спала на плече у своего мужика... магнитофон из соседней комнаты было слышно в Мартовых паузах... то Март, то магнитофон... *херня*

вместо музыки... Леон с ТТ бакланил... *эти баб не водят, но про баб вечно чеишт...* на кроватях за ними блядки шли вне зависимости... незнакомые пришлые и временные хлопотали.

...глаза ещё не привыкли к полутьме... но луна в окне, как ни крути, сквозь замусоленные кружевные завесы свой полуночный свет в комнату кидала.

...у дверей девочка сидела... Лёша, стоя спиной к окну, смотрел на неё издали... она заметила и глаза отвела... медленно подошёл через комнату и встал близко напротив, ноги расставив... мошонкой метя ей прямо в лицо и наглядно почёсывая себя под яйцами... баба не двинулась и сидела молча... но, даже не видя, Лёха почувствовал, как она напряглась... чиркнул газовой зажигалкой... провёл пару раз совсем близко от её лица... нарочито... чуть ли не задевая... якобы рассматривая... баба отпрянула слегка, но осталась сидеть... волосы назад откинула... морда была на сдачу... потому и сидела одна.

– ...так близко не надо, – тихо сказала.

...Лёха поднёс зажигалку к своему лицу... она глаз не подняла и упрямо смотрела мимо... Лёха пялился внаглую.

...рожу тупую держит... как на паспорт... дежурное блюдо... спать с такой – скука сивая... лежать будет колода колодой... потом повадится приезжать раз в месяц к ресторану и смотреть издали исподтишка... вся кухня ржать будет.

– (Лёха): ...пойдём, я тебе нос погреть дам.

...она осталась сидеть, стараясь не глядеть на него... неподвижно так... *боится, дура*... парень с коридора вошёл... баба резко встала со стула, шагнула к нему и заулыбалась... словно ждала его... угодливо завохотала... Лёха посмотрел на парня, стоявшего с тупой рожей... *ваньку лепит, не её чувак*... ну пусть... погасил зажигалку... пошёл на кухню.

...там, под пустыми бутылками, в бумажном пакете с макаронами одиноличник Тростников держал записку на завтра... Лёха никогда бы сам не допёр... но Мусёк прошлым месяцем, отойдя по малой, но неотложной нужде... и тихонько досиживая своё за фанерной стенкой... вернулась с подробным и проницательным рассказом обо всех шорохах и бульканьях в безнадёжном пятом часу утра... бутылка была уже початая... и если особенно не напрягать тростниковское доверие к евоному похмельному глазомеру... вот и в этот раз место не поменял... *мнит себя Пинкертоном*.

...пакет размок, подмёрз и опять размок... сначала Лёхе показалось, что там одна полузамёрзшая бесформенная жижа, но потом он нащупал внутри бутылку с налипшими макаронами... это придавало посуде фантастический вид... но пробка легко нащупалась... пил... палец на стекле у прошлого уровня меткой держал... закрывать собрался... передумал и ещё пил... спрятал в те же макароны.

...по лестнице наверх взобрался... на втором этаже в большой комнате натопили, как в бане... у окна голая жо-

па впотьмах луной летала... выныривала над одеялом... как упругий дельфин из-под воды.

...в углу на кровати Витюшу узнал... баба какая-то с ним... пристроился к ним сбоку... Витёк возник было с нелицеприятными матюгами... но узнал Лёху и залыбился, подмигнул... молочные братья... по многим сисям.

...Лёха к девочке с другой стороны притёрся... на ней уж все защёлочки были расстёгнуты и ляпочки приспущены... Витюша её мощно лобзал, то вздымаясь, то сползая... она смутилась от Лёхиного присутствия... всё оборачивалась на него... а он её не трогал сперва... лежал рядом и смотрел на профиль пристально... тихо дул на неё.

...легонько так завиток волосиков и ушко стал гладить... она снова забеспокоилась и хотела рукой его отодвинуть... он за локоть перехватил и себе под голову сунул... и своей лишней рукой на отдалении держал... а нижней губой осторожно так, едва касаясь, стал по краю её ушка водить... она дёрнулась, повернулась к нему, шёпотом своё «уйди» сказала... а он легонько, пушок губами чувствуя, поцеловал в щёчку... в шейку... ещё, ещё... не торопясь... выбирая куда, наливаясь силой... она отворачивалась и хотела высвободиться... но Витюша её тоже держал и елозил рукой по грудям, иногда локтем Лёху толкая... а Лёха ручку вниз спустил, на животик... баба рванулась от него очень решительно... но Лёха держал и животик гладил, чувствуя, как заходитя всё внутри... но дря, сдерживая свой порыв... осажива

вая себя... она снова рванулась... теперь уже изо всех сил... его и Витюшу в разные стороны раздвигая... они опять удержали.

...Лёха руку меж ножек в трусики спустил... волосики ей ласково вороша... глядя её мокренькую одним пальцем сверху по губкам и чуть раздвигая их... она опять к нему повернулась и резко дёрнулась прижатой рукой... а он поцеловал девулю в губки и на ушко прошептал:

– ...ну что ты, глупенькая?... ты же самая хорошая на свете, и я тебя люблю.

...целовал взасос... легко, лишь играя её губами... не давая отнять... она резко отвернула рот... а он целовал в шею, в щёку, за ухом, снова в губы... изгибаясь... точно находя... предвидя каждый её уклон... нарастая внутри... чувствуя... и замедлялся вдруг... осторожно водил губами по её шее.

...опять руку вниз спустил... по её волосикам стал нежно пальцем водить... останавливался и ждал... а потом вновь начинал легко и бережно по губкам водить... и снова застывал... зашлось и запрокинулось в нём... и рука то нежно, то уверенно ласкала её животик и мокрые нежные губки под ним... там, где зажато, сдавлено всё, жарко, потно... каким-то неведомым чувством уже знал её... чувствовал всю... изнутри держал... отыскивая те самые неслышные ноты и струны... она задышала, его ритм ловя... глаза закрыла... и, как бы отыскивая что-то, повернула к нему нелепо открытый рот... не поцелуя ожидая, а прислушива-

ясь... навстречу чему-то идя... а он держать её забыл... весь там, на руке своей нижней сойдясь... истоньшаясь... доводя до небес истому... давая ей уйти вперёд и ждать его... вновь догоняя и отставая... и тут началось... через край пошло, нарастая... волна эта в ней... запрокидывая, унося, закипая пеной и накрывая их обоих... он чуть замедлил было... а она уж всем телом подавалась навстречу каждому его движению... собой беззвучно моля... тут, почти у самого верха, он сам в разгон пошёл... быстро, точно, попадая в её ритм... убыстряя и раскачивая... выгнулась она... беззвучно губами шепча... лепетно... опала в беспомощности... этот бесконечный выдох пошёл... и в ту же секунду у него началось... а он продолжал её ласкать... остановиться не мог... совсем бешеный был, чувствуя, как заливает внутри штаны тёплой спермой, течёт под яйца и вбок по бедру.

...выдохнул... отвалился... руку вынул, обтёр об одеяло... пьянило, лихорадило... знал за собой, как заводит его это изначально чужое ощущение женского оргазма... повернулся на другой бок... углом простыни залез к себе в ширинку... вытирался, морду кривя... всё там было перемазано... трусы насквозь... *как в соплях*... всегда любил кончать в неё... чтоб не видеть своего кефира.

...застегнулся... лежал... в тёмное окно смотрел... белёсые рамы, слегка луной подсвеченные... ни хера там не было видно... сел на кровати... Витюша нос нафуфырил... подмигнул и кивнул на бабу... Лёха отрицательно мотнул го-

ловой... идти с Витюшей в бутерброд смысла не было.

...Витюша – неслабый бомбила... а баба – нетянушка... на двоих её не хватит... в конце стала ноги сжимать изо всех сил и торопиться... словно чудо какое свершается, которое любой мелочью можно превратить в облом... небось давно не кончала как надо... даст по разу и в кисель уйдёт.

...встал с кровати... вышел... вниз спустился на первый этаж... пошёл на кухню... раздумал вновь трогать тростниковский резерв... может, потом... если уж совсем херня наступит.

...возгласы услышал... пошёл на шум в прежнюю комнату... *во бля!.. все бабы пристроены... дядя Глеб тихо лимонит с Мартом... шепчутся, как декабристы... про сотворение мира, конечно... о чём же ещё?.. у дяди Глеба есть отхожая ляля... но к братану он её не водит... и сюда не привёз.*

...Тростников пьяный на кровати сидел... засунув Нинке руку сзади в шаровары... и громко руководил темой дня... *ему б на стадионах выступать... душа общества:*

– ...«слышен ропот: „Нас на бабу променял“» – это только так... для отвода глаз... на самом деле кореша его на зуб пробовали... нельзя ли спихнуть... они его на прочность всё время проверяли... и в том была высокая внутренняя политика этой сумбурной банды... а ему, чтобы сохранить за собой не только гетманский пост, но и самоё жизнь, надо было время от времени кого-то *мочить*... извиняюсь за каламбур... все эти мокрушные авторитеты всегда висят на волос-

ке... вот и приходится регулярно и наглядно показывать своим подручным волкодавам, что с любым из них может случиться в любой досужий момент.

...а может, дело усугубилось ещё и тем, что, когда он её трахал... она... всё ж княжна... его презрением обдала... а у него... у простолюдина... от этого комплекс неполноценности развился... моить, не было у него утром чувства полного преобладания над этой оттраханной бабой... всё же после ночи пылкой любви мог бы и заступиться за свою чувиху... и, обладая абсолютным самодержавием, поприжать шутничков любым другим способом... кроме купания персидского сиятельного лица «на просторе речной волны»... но... как ни крути, а мужичонка, выходит, был кишкой слабоват против своих подельников... и падок на грошовый аплодисман, как все эти авторитеты... а потому и решил учинить описанный выше простенький концепт.

...я всегда подозревал, что без некоторого пристрастия к дешёвке народным вождём ни в жисть не стать... все эти Наполеоны, хамелеоны и Мао Цзэдуны любую высоту полётов и широту взглядов сводят к понятной площадям пошлянке... эти организуемые ими массовые хождения с хоругвями и плакатами для меня полнейшая загадка... как, впрочем, и все остальные их публичные деяния... поэтому я лучше, как говаривал наш дворник Хрихорий, *с дорогой душой* вернусь к подотчётному центральному герою данной песни.

...так вот... утопив свою полюбовницу... можно сказать,

без видимых на то причин... он ещё спрашивает: «что ж вы, черти, приуныли?»

...занятная любознательность!.. приуноешь тут, когда до ближайшей пристани неведомо куда... а верховный бригадир с апохмелья изволит малопонятно шалить... и делать всем присутствующим душещипательные намёки... эдак он, под предлогом душевного кризиса средних лет, мог всё своё приبلудное воинство поштучно за борт перекидать... а народ в те годы был весь увешан железом!

– (Глеб): ...«ну-ка, Филька-чёрт, пляши!» – ну, ясное дело, после смертоубийства самое время для танцев.

– ...тут слово «чёрт» надо понимать буквально, – бубнил пьяненький Март.

– (ТТ): ...это в вашем сюжете, господин послушник... а в моей транскрипции – Филька был шестёркой... и, жизнь свою ежесекундно спасаючи, со всей невозможной самоотверженностью плясал... с натуральным вложением души и вдохновенным рвением... кому как не ему было знать, что до смерти и впрямь четыре шага... или ровно столько, сколько до ближайшего борта... ибо если княжон топить – дело хоть отдалённо, но всё же трагическое... не потому, что баба, а всё ж таки – сан... то уж Фильку за борт на шлейке спустить – затейно, прибаутно, улюлюйно и невсамделишно... и свидетельствует отнюдь не о злодействе, а о широте души... поэтому Фильке надлежало энергией себя уберечь... неуёмностью таланта и лихим, неудержимым простором...

надо было такой лихой кометой по небу просиять... чтоб у самого бригадира и у прочих душегубов надёжно отложилось: *песню не убьёшь!*.. одним словом, Филька так плясал, что жопа по швам трещала.

...а на месте остальных мародёров я бы стал друженько поддерживать это веселье общим притопом, прихлопом, видимым ликованием и неким вывертом с заковыкостью... ибо тут была возможность сбить бригадирову хмарь... и всем кагалом повернуть оглоблю евоного ндрава в любую другую безопасную для коллектива сторону.

– ...челны-княжны... ради рифмы мать родную продадут... не верь им, поэтам, – томно тянул Март.

– (*Глеб*): ...челны-то были расписные... стало быть художников пользовал... бандюгам художники, музыка и танцы всегда нужны.

...Тростников зверскую рожу состроил и приготовился съесть Нинку... Нинка захихикала и ручками закрылась... ТТ зубы наглядно показал и кровь из неё пить полез... за ушком лизал и в шейку кусал... она в полном восторге запрыгала и шейкой завертела... а он объял её за вкусные округлости и запел в ушко, пародируя оперные страсти:

– ...Крузенштерном загадочным я к тебе приплыву!.. что может быть круглей твоих грудей?! твоих колен... моя Грехен!.. моя Нинон!.. дас айн батон... ну, обойми... обойми меня, непутёвого, моя булочка!

...она невинную кису состроила... и норовила его ного-

ками царапнуть... махались друг на дружку... руки балетно вздымали... ржали... бутылку со стола опрокинули... водкой запахло.

– ...стой! – заорал Тростников, – не шелуди ногами... усех поубиваю, усем кроу пусчу!

...народ под стол полез искать впотьмах... елозили многочисленно и вроде нашли... ТТ содержимое на просвет в окно смотрел:

– ...так приучал трёхлетний Коля свою собаку к алкоголю.

...Лёха между столом протиснулся к Тростникову:

– ...Анатолий Лухьяныч, дайте подержаться трудовому народу за ваш интимный предмет... вам больше нельзя... девушки любить не будут.

...из его рук бутылку резко выдернул... опрокинул и пил... Тростников хлестанул впотьмах рукой... вырвал обратно... стекло у Лёхи скрипнуло по зубам.

– (ТТ): ...эт-то что за морская свинка?!.. кто?!.. ты, что ли, Лёха?.. что?.. свежего жмурика лабать не позвали?.. слишком тёплый?.. ему ещё брови рисуют... а у вас – простой... и сразу лапой за чужое... своего, конечно, не привёз... идейный шаромыжник... комиссар... будешь номер сто двадцать восьмой... на ладони запиши... *архипел-ла-аги души моей... бежат бумаги, лежат вне ей-й-й!*

...Тростников изрядно подзаложил и намеревался петь... опять за гитару схватился... охнул Лёха про себя... *охуюю я от его пения.*

...вышел в коридор бесцельно... *не хер тут делать, просто не хер...* магнитофон из соседней комнаты «Муди блюз» тянул... заслушался... любил «Мудей»... дверь в ту комнату слегка приоткрыл... потёмки... посреди какой-то *педрила* в синем свитерке томно в танце гнулся с бабой в обнимку.

...Лёха в дверях стоял... то в комнату, то в коридор поглядывал... Кулич из-за дальней двери выполз... мятый весь, жуткий... со сползшей мордой... сцать пошёл... кивнул побито... Лёха молча ответный приветик послал.

...*педрила* ни черта не умел танцевать... Лёха, кому по роду службы всё же полагалось с гитарой пританцовывать на сцене, понатаскавшись по гастролям, обычно с усталой безгливостью терпел все эти нынешние роковые танцы в народном исполнении... и довольно неплохо передразнивал губернские оттенки провинциального понта... но баба!.. спокойненько, томненько так... то ручкой поведёт, то бёдрышком качнёт... словно в ней костей нет... не спешит себя показать, и такое чувство меры... что, знаете ли, не каждый день... засмотрелся Лёха... *вай-вай, если она трахается так же...* лица её он не видел сзади... но ладненькая, кругленькая, обтянутая правильными штанцами попка обещала много утех... опять пошло-поехало у него... в яйцах забурило... больно стало, когда бугор этот, штанами стиснутый, стал тихой сапой пробираться с полшестого на пять минут первого.

...*педрила* бабу свою целовать полез... стояли посреди,

ластились... Лёха на её зад смотрел... угадывая те самые линии впотьмах... воображая скрытые детали... от этого видения его так прихватило, что яйца завыли от боли... он даже отвернулся.

– ...эй, парень! – крикнул Лёха, – там тебя Кулич зовёт.

...недрила растерянно оглянулся и спросил, *какой Кулич...* Лёха степенно пояснил, что там с Куличом ещё кто-то... из города приехал... *говорят, «срочно»...* *сказали, что ты в синем свитерке...* недрила неуверенно пошёл к двери... Лёха пропустил его, указал вверх по лестнице... посмотрел вслед и двинул к девахе... она отошла и прислонилась к стене... Лёха подошёл вплотную, чуть ли не касаясь её, но всё же не касаясь... она не отодвинулась... медленно подняла голову и спокойно посмотрела на него... он в полумраке разглядел нечто похожее на улыбку... *уверенная, падла.*

– (*Лёха*): ...вы извините меня... я преодолеваю смущение... вы не могли бы выйти со мной отсюда на минутку... мне надо важное вам сказать, – задумчиво и нежно взял её за руку, как бы приглашая пройти.

...она руку не отняла, но не двинулась с места... и снова улыбнулась ему в темноте.

– (*Лёха*): ...я по глазам вижу, что в душе вы добры... пожалуйста, не отказывайте в такой малости, когда это так важно для меня... мне так тяжело говорить в этом бедламе... прошу вас, лишь несколько шагов... это вас никак не затр...

...тут Лёху шматануло в сторону, и, пытаясь удержаться, он грохнулся о стол... башкой крутанул, уходя от второго удара... и, ещё не встав... силуэт находя... рывком себя поднимая, вмазал в темноте по контуру... но *недрила* успел чуть раньше... у Лёхи один глаз сверкнул и ослеп... мотануло Лёху, и он, согнувшись и в сторону уйдя, назад пяткой тому в живот... и с разворота длинным крюком.

...сцепились вплотную... чуть на пол не покатались... устояли... Лёха его к круглой печке привалил и там, прижав, бил и бил наотмашь... быстро и яростно... тот коленом Лёхе в поддых вмазал... согнулся Лёха... ответил с разворота пяткой в живот... так закомпостировал, что чуть печка не рухнула... и *недрила* повалился наземь, стал кататься... но тут Лёхе сзади чуваны руки скрутили... Лёха аж взвился от ярости... он же весь пузом и рылом *недриле* открытый... но его уже втроем держали и свет зажгли.

...в растерзанной комнате на полу ползал *недрила* весь в крови... Лёха тоже на роже расползшуюся квашню ощущал... ему его же дружок Кулич руки крутил и ещё два каких-то добровольца... Лёха от них всё же вырвался, пообещав, что драться не будет... *недрила* корчился на полу... держался за живот и охал... бубнил злое, на Лёху глядя... девочку ту сдуло... Лёха Нинку прибежавшую спросил, где, мол, она... Нинка только загадочно бровками повела.

...озернулся по ландшафту... усёк загадочный предмет... спиной к столу повернулся... за собой задней ру-

кой незаметно бутылку со скатерти смёл... и, держа добычу в секрете, стал по-тихому пробираться к двери.

...девочки этой в коридоре тоже не было... гадюшник стоял открытый... по комнатам идти неохота... постоял, галдёж лова... *недрила* за закрытой дверью орал и, похоже, рвался отомстить... Лёха только хмыкнул про себя... *повезло тебе, пацан, что нас разняли*... знал же, что не хер тут делать... без братана – ни водки, ни девок... толкнул выходную дверь на мороз... битую морду в снегу купать.

.....

...девочка эта ни с того ни с сего оказалась на крыльце в накинутой на плечи каракулевой шубейке... она стояла на ступенях и обернулась ему навстречу... подошёл... при- тянул к себе за талию... посмотрел в глаза умильно и прони- цательно... вывернулась... со ступенек спустилась... плавно и манерно по тропинке пошла... себя показывая... и мехо- выми сапожками снег рыхлый футболя.

– ...ну что же вы совсем одна на морозе?.. пойдёмте в теп- ло... я вам покажу мою коллекцию марок, – вякнул с неожиданной хрипотцой Лёха.

...она ему усмешку сделала одними губами... и медленно, враскидочку, пошла прочь... *развратная, сука*... от ухмы- лочки этой открытым ртом у него привычный мураш от пупа вниз пополз.

– (*Лёха*): ...вы не поверите, как одиноко мне было среди

этого сброда, пока передо мной не явились вы... ведь в душе я – дядя самых честных правил... для меня важнее всего – *ноблес оближ*.

...нарочито медленно шла прочь, не оборачиваясь... но давая время догнать себя... а он, не догоняя, шёл сзади, шагах в трёх... произнося пламенные слова... заплетаясь, запинаясь, возвышаясь над мелочёвкой... страдая вслух... смешивая в восторженную смесь подслушанные обрывки *умных* разговоров и хрестоматийные стихи... в эдакий салат... салют... сальто-мортале.

.....

...Март в углу сам себе на гитаре тренькал... играть он не умел... но умел издавать таинственные... *Божественные*, как он говорил, звуки... и млел под них... Тростников философски-восклицательно орал об Афанасии Никитине и каких-то царевнах в бочках, которые тоже были путешественницами... вёл исторические параллели и меридианы:

– ...в топлении вельмож была всенародная языческая тяга к христианству... к окроплению водой!.. от персидской княжны к Муме!.. тяга к единению во Христе сырых и полномочных!.. и всегда как полная антитеза – это кургузое беспомощное робеспьерянство, фурыеризм, марксизм и ульянизм!.. кривая память узколобеньких дровосеков о горних высях... топорно и по-слоновьи прямыми ходами претворённая в жизнь... идеологический лубок... только на нату-

ральном материяле и с живой кровью... оттого они над нами и зверствуют с 1789 года, что мы им сказок новых не пишем... мы сами, суки, виноваты!.. «Тысячу и одну ночь» им надо в понятном изложении для телевидения... чтоб их зверства прекратить... чтоб забыли, откуда у них рога и копыта растут... с той же целью, что и Шехэра-задэ в своё время своему некроманту плела.

– (Глеб): ...«Ниву», «Ниву» надо воскрешать... народу же надо во что-то верить... когда «Нива» захирела – эта вонючая революция и началась.

– (Март): ...сказок у них хватает... их надо научить, как жить друг с другом... как прокормить себя, никого не убивая.

– (Леон): ...чушь, Мартынушка!.. сиреневая чушь... пуговичка блестящая для дурдома имени Маклая... да многим просто на роду написано быть бездомными и бродягами... где тебе посечь их самостийные бездны... им же не до сочетания с реальностью... да клали они на твоё непротивленьё злу... их дело факельное, пёстрое, блажное... в душе – каждый из нас хочет быть нищим и бездомным... это страсть наша тайная – послать в один день всё на хуй... почти что уж старость страсти, келейными словами заговариваясь... ибо все эти перипатетики, проживавшие в бочкотаре, суть молодость души нашей и всечасная ностальгия... они символизируют наш укрощённый бунт... и уж тем одним воплощают Божье дело на земле... которое...

– (ТТ): ...ебал я тя в слонову жопу!.. об чём ты несёшь бесконечно?.. растрёпанные мысли приносят насморк, который совсем не болезнь... а олицетворение психических неполадок... и, так сказать, несогласованностей в делах единства души с окружающим светопредставлением... иногда просто нет прямого хода к первоисточнику... внутри всё склизко и уныло... и организм решает заболеть... вуаль такую на себя кинуть... мол, у пустынных волн... унылый чёлн... водою полн... ох, Март, погоди.

– (Леон): ...а я всё же настаиваю на том, что зловерное желание коллектива сделать оседлым... то есть оседлать человека, одержимого цыганской страстью, есть последствие нутряной скуки, присущей... мать их колыхай... им всем... нам всем присущей... Христос тоже шлялся себе туда-сюда без постоянной фатёры... есть люди, которых просто невозможно представить с частной собственностью... они её просто из милости имеют, начиная с лаптей... вот возьми Толстого Льва!.. а если этот бомж настолько выше Толстого, что ему уже не надо романы писать для единства души?!.. не искусство верх всему... быть никем – вот верх всему!.. и обрести в душе невысказанное единство с миром.

– (ТТ): ...Лёник... ты извини, но я утратил канн-ву... не помню с ч-чиво мы начали... Нинок?.. только что под рукой была... своим тёплым и мягким местом... Нинок?!.. где ты, мой ненаглядный Булюль?

– (Леон): ...думаешь, Булюлю писать не надо?

– (ТТ): ... сперва пьют – потом срут... потом опять пьют...
дача для поддачи... Нинок, когда дело делать будем?!

Лёха – Оля

...там, в слоёных снегах, за бесконечный студёный ноябрь наметённых, прошло исподнизу придурошной питерской оттепелю... и слегка набухший снег уже начал липнуть влагой... и девочка эта бегала от Лёхи... лазала в сугробы по пояс... прыгала через канавы... вертелась меж дерев... школьницей снег ворошила и елозила.

...а Лёха догонял, валил и целовал её в кромешном беспмятстве... множеством поспешных поцелуев... чувствуя губами холодную, мокрую кожу щёк... всю её, тёплую под шубкой... тугую, гнущуюся, выскальзывающую, шелабурдящую бестолковым норовом и раскидчивым своеволием... когтиками в плечо ему пилаась... шейку гнула... стрункой вытягивалась... *ворскла крутявая*... а груди так стояли, что Лёха их сквозь шубку чуял... рвать зубами хотелось эту шубку с неё... а потом и груди – зубами... чтоб крик был... чтоб безумно смотреть на кровь.

...из бутылки, стыренной со стола, ей на губы остатки водки лил... медленной струйкой... ртом вертела, смеясь... гнулась пружинкой под ним... высвобождаясь... уходя... в снегах каталась длинноногим козлёнком таким... по дороге взапуски бегала ни с кем наперегонки... с ней в обнимку с горушки на куске фанеры вниз ездили.

...на руках её нёс... тяжёлая она всё-таки была... надо-

ело нести... снова повалил и целовал с неутолимимым отчаянием... руками под шубку забирался... а она иногда прямо с удовольствием себя подставляла... наслаждаясь... отдаваясь собой... распахнутая уж вся... тёплая там, внутри... а в другой раз заупрямится... недотрогой крутится, увиливает, мельтешит, капризит... пёстрая залётная блажь вдруг в голову ей втемяшивалась... и не было никакого удержу на неё.

...дурила... игралась... жглась... колобродила... тихостями лилась... выкобенивалась смертная красота... горние выси пророчила, несмотря на запахи... витала «юным гением над кудрями» в своей скоморошьей прихоти.

...всё время орали друг другу простые и призывные слова... и не говорили вовсе... до Лёхи много позже дошло про имя её спросить... Оля... Олей её звали.

...и носило этих двоих зигзагами по сугробам и канавам меж деревьев дачного посёлка... бесцельно... безбрежно... в отуманенной ночи с редкими фонарями... пока не сдохла их ярость... и не стало им бездельно волочить ноги, проваливаясь в снег... тут начал Лёша дорогу обратно к дому округлять.

...то, что у брательника в покоях койки не найти, – на то сомнений быть не могло... народу в этот раз понаехало выше крыши... но был один фокус, о котором никто не знал.

...Коробкову-старшему выделили дачу в Сосново, в номенклатурном посёлке... но по условиям развода с Алёной

Юрка дал ей комнату с верандой в бесплатную аренду... летом она жила там с детьми... а зимой редко приезжала... и Лёха уж давно просёк, что в этой её комнатухе есть тёплая стенка от общей печки... а значит, и вся комнатуха на второй день тёплая.

...отыскал в щели между досок захованную мормышку... открыл ею форточку в коридорном окошке... открыл раму... проник внутрь... нашарил в зольнике под плитой ключи... галантным жестом распахнул входную дверь перед *дамой сердца*... и, запустив её внутрь, не забыл закрыть раму и форточку.

...Оля повернулась сказать что-то.

– ...ссс-ссс, – шикнул на неё... ещё не хватало, чтобы за стеной слышали... секрет насчёт этой комнаты Лёха со всей серьёзностью берёт от чужого уха и глаза... и пока сходило.

...не зажигая света, с порога одежду мокрую, жёсткую, неуклюжую с себя рвя... шарить руками по телу её... трогать... мять... гладить нескончаемо... слушать, как сердце её глухо под грудью стучит... он устал от этих её дорожных кувырканий, как собака потрошёная... но когда она стала по нему пальчиками водить!..

...губы у неё были такие, что на одном этом можно мозгами улететь... в любую сторону по зодиаку... далеко и безвозвратно... она ещё только приближала их к нему, а его губы уж начинали ныть и сладко зудеть... невтерпёж щекотно...

а потом вовсе отнимались... были как не свои... дрожали от внутреннего гула... в поцелуе с ней задышался и улетал Лёха... как в колодец какой... навсегда... жопой кверху.

...а она его за соски трогала... по спинке и под яйцами пальчиками водила... вился Лёха от этих пальчиков, как одержимый... за руки её хватал и прижимал их к себе... но не получалось ничего... нужно было, чтоб она сама и вдруг... он ждал... внутренне скулил... вслух сказать стеснялся... ёрзал от нетерпения.

...от рук, от тела, от губ её дух шёл незримый... как в падучей, корчило Лёху... неужённый колотун и озноб посылая... пеленой и мороком уводя с понятной стези... рот раскрывал, воздух лоя... зубами по телу её возил... пальцами скрючившись, тишайше гладил, судорогу свою внутри затая... голова невесомая в хлам рябыми пятнами пошла... чувства разнаякие летели вперехлёт... верх забирая.

...а она шла навстречу ему всем телом... гнулась... на каждое его движение отзывалась... отдавалась аж всеми порами своими... себя послушно к нему неся... выгибаясь... своим телом тишайше вдоль по его телу струясь... что нельзя было уж боле терпеть... и только матерно орать всей глоткой хотелось!

...и не было уж сомнений, что любила она в эту минуту Лёху и только одного Лёху на целом свете... а он мозгами на отшиб улетал, весь в угаре... вверх тормашками... себя не помня... *как швейная машинка работал... не вынимая...*

а она ещё, стерва, замедляла... вбирая и чувствуя каждый кач... останавливаясь иногда... невыносимо истому для... словно не будет этому конца... словно это навеки!.. руки её, казалось, знали всё наперёд... ток шёл от пальцев её по его позвоночнику и шее... и тут он кончал... *как пожарный шланг*... с каким-то гулом внутри и с болью в яйцах... и отпадал навзничь... голову запрокинув... навыхолодь... стропы порезав... Крякутным⁴ каким летя в безбрежные небеса на воздушном шаре... вне своей воли и разума.

...озноб, затопляя... начинаясь от головы... через лопатки по спине тёк... туда, где когда-то крылья были... вниз... по всему телу растекаясь... одолевая... мутя... растворяя голову.

...тело её, как магнит, невидимо его вело... контурами проступало в темноте... не отрываясь, бережно заскорузлими пальцами водить... кургузыми немymi обрубочками своими... как слепому... в тиxости потаённо... в мареве угадывая... пока створы на концах пальцев не раскроются... и навьлет всё не пойдёт... да и рук больше нет... напрямик за нервы трогает.

...он, уже изнеможённый весь – да не еблей, *десяток колов мог засадить под такой гарнитур*, задыхался от ража... оторваться не мог... тянулся распростёрто... елозил и ползал около... коснуться снова и снова норовил... не смея...

---

⁴ Вымышленный русский изобретатель и воздухоплаватель: в 1731 г. якобы совершивший первый в мировой истории полёт на воздушном шаре.

от звука любого вздрагивая... не могла оторваться от этого магнетического тела... только нежнейше – до тех вершин, до которых только способна дойти вся его скрученная, стиснутая внутри грубая сила, – ласкать до самозабвенности последней... себя, простреленного насквозь, прозрачного, не ощущая... истоньшаясь... до судорог... как в падучей... до сумеречных кругов в глазах... в изнеможении брать руками её грудь... губами мять... чувствуя, как она наполняется и встаёт, как затвердевает сосок... и прогиб этот у неё от спины идёт... движение лёгкое, чуть заметное, навстречу... такой прогиб, от которого колотит тебя всего и хочется зубами рвать эту грудь... зная, что и тогда не испугается она... и всё равно к тебе пойдёт... в распахнутости... в отчаянности крушения своего... дрожа изнутри... зверства ожидая... в своей небесной бесплотности.

... снова с места в карьер заводился Лёха... сбивался... захлёбывался... забывал свои коронки и ударные места... шёл на поводу... не помнил себя... наяву лунатя.

... в ту ночь он все приёмчики свои напрочь похерил... и трахал, и трахал её нескончаемо сверху вниз простым *армейским навалом*... как сам, бывало, в насмешку называл эту простонародную позицию... не находя ни облегчения, ни покоя... словно всю тоску свою безнадежную выплеснуть мечтая... винтом из нутра закрутясь... яростью изойдясь... до тика в башке и сипа в ушах... бредя наступающим полнолунием.

...в свои двадцать три года Лёха был матёрым ёбарем с десятилетним уплотнённым стажем... в голодные времена и на гастролях он не гнушался ни вокзальными шлюхами, ни *пэтэушиной* плотвой, ни выцветшими знаменитостями... и уже достиг понимания таких оттенков, до которых не всякий мужик добирается к концу своей жизни.

...но с Олей всё было не так, как раньше... словно не просто первого встречного захотела эта баба, а именно его, Лёху... с непосредственной радостной переимчивостью повторяя каждое его движение... вперёд забегая... отыскивая наитием... казалось, издавна зная, что придёт именно он и будет именно так.

...всё получалось у неё как бы само, без мастерства... лепетно... изнутри... из ничего творя... и столбенело внутри у Лёхи, когда временами казалось, что она гораздо ушлее, матёрее и взрослее его... и знает многое про него и про глубинные заперделы, что ему знать не дано... в секунду пролётную охальником сам себе казался... мураш по спине шёл, святотатством пугая... будто перелез какой-то запретный забор... а там всякие чудеса, которые ему знать нельзя, чтоб от лиха уберечься... но даже на этом... таком новом и детском чувстве нельзя было ни остановиться, ни страх до конца пережить... на этот раз не владел собой Лёха как никогда прежде.

...в такую ночь лежишь, очнувшись тишайше... и слушаешь, как собаки натужно гавкают вдали впотьмах на обко-

мовской даче... электричка первая в город пошла... а это значит – 5:30 утра или что-то около того... холодом дует из-под двери... и тишь стоит везде в ночных снегах нескончаемая... такая тишь, что кажется – нет тебя вовсе... один дух твой незримо синюшным сигаретным дымом во тьме парит... и расходится в воздухе, не тревожа окрестную фурнитуру.

.....

...беспокойство пришло ещё из сна... он не мог понять, откуда оно... потом почувствовал шевеление рядом... и резко, как от испуга, проснулся... Оля неподвижно сидела впотьмах на кровати, прислонившись к спинке, и смотрела в окно... он приподнялся на руке, машинально посмотрел туда же, а потом снова на неё:

– ...ты чё, а?

...она слегка повернула голову к нему... глаза чуть блеснули во тьме... и опять в окно... тихо и напевно сказала:

– ...«я к тебе в окошко войду... а теперь молчи».

– ...ну, а чё всёт-таки?

– ...тихо так... да и сон прошёл.

– ...ну... ты была – отпад... любая бы уж ноги протянула.

– ...так ведь то — *любая*, – она слегка улыбнулась в потёмках, – да и ты так быстро все ямочки разузнал... наверно, часто с девочками спишь, а?.. любишь ведь девочек?

– ...не, ну, ты не про то... такие козыря на каждой сдаче

не ходят... *с девочками*... да им всем до тебя, как до Касабланки! – потянулся к ней, повалил за талию... ласкал рукой грудь и живот.

– ...не надо, – она, мягко изогнувшись, ушла, – сейчас не надо больше... а то вся голова уже не здесь.

– ...а утром?

– ...утром, – кивнула, тихо улыбнувшись... отстраняясь... пальчиками одними его руку погладила.

...Лёха башкой в бедро её уткнулся... ноги обнял... снова спать собрался... сопел... Оля в окно смотрела... тишина оттуда шла... огромная слепая тишина... невидимым облаком в душу.

Луна

...Глеб лежал вниз лицом на кровати в своей маленькой комнатке на коробковской даче... пьян и неприятен себе... в уши ползли говор и шумы отдалённые... глухо б́ухали чем-то в пол... по коридору елдосили... туалетной дверью скрипели... музыку включили, но она быстро оборвалась... разлётные голоса без слов... как птичий клёкот.

...старое байковое одеяло пахло матёрой залежалой сыростью... и ватный, белёсо-тёмный свет ночного неба шёл из окна.

...хуёнова луна скобяной болячкой... блином растёкшимся приплыла... коснея слепым мурлом промеж деревьев и леденя окрестные осины... столбняковую муть в кровь гоня своей похеренной трупной желтью... полуоком обгрызанным пялилась... *циклопья душа*... стояла неведомо в матовых бельмесах... платяными мохерами по снегам неясные тени шевеля... лиходея... в турмарины и мелитоны облекая подлежащие тополя... погребальные пелёны бесконечно отматывая и пояса распустив.

...лоб опухшим пальцем трогала... *хмара склизкая*... гулы и звоны в мозги посылая... и уводя глаза за веки в бестелесную тишь... окоёмом, кромкой обволакивала и обнимала... на просвет, насквозь стен невидимо текла в душу, как нелюдь... высасывая будущую жизнь дотла... обессуживая

слепых и зрячих навеки своей мертвяцкой видью.

Под облаком погребена

Луна,

как рыба

подо льдом у дна.

– ...ну что, Трефовый Король, зачем Тебе мир?.. по-прежнему с умилением глядишь на Свои дела?.. ай да Я?!. или уж с тех пор ни сна, ни покоя?.. что?.. на восьмой день пришлось лезть под капот?.. по поводу бесконечных заплат... а потом и вовсе смывать расплодившийся помёт, сохранив контрольную группу... меня в школе акварели тоже с ума сводили... оно, конечно, водичкой всегда смыть можно... но ведь это всё же признак некой профессиональной расхлябанности, извиняюсь за каламбур.

– ...

– ...да какая у них вера?.. как умишко свой ни напрягаю на обратное, а всё сдаётся мне, что облапошили они Тебя, Маклая... бесконечными бормотами, как куклу целлулоидную обернули... во всём согласно кивали и на поверхности блюли, чтоб фокусника этого белого не обидеть... а чуть он водоросли свои нюхать или улиток собирать уйдёт... как вновь, отойдя от укоризненного глаза, первую прядь из обезьяньего хвоста жгут и крокодильи зубы под бана-бана закапывают... не схватить нам пока следующую ступень... всё те же полужвери... Твой замысел, впрочем.

– ...

– ...а с моим прогрессом-то оплошка вышла... запасные маневровые пути... Сам же смеялся их простецкой мысли об изнеможении обезьян трудом в целях духовного роста... чтоб жертву найти – много ума не надо... любая скотина это умеет... а в настоящем труде ничего нет от пропитания, а есть сплошной идеализм... жалкая копия Твоих трудов при Творении... к тому же те, давние, лучше и быстрее Тебя понимали... к ним пророки и ангелы так и пёрли... а я уж сердцем больше ничего не слышу... охрип, осип и оглох на все тонкие органы.

– ...

– ...ну конечно, нужен какой-то интерфейс... где ж нам схавать Твоё сияние в полном типоразмере... тогда, на Си-нае, у них души из тел повывлетали от прямого контакта... вот Ты и отправил своего Валета... якобы в человеческом обличье... так им, кретинам, понятнее.

– ...

– ...да не надо таких сравнений... Валет Твой толком-то ничего не смог донести... мозги им только на все четыре стороны заплёл... до сих пор слова Его перевирают... и всё поразному... повторы гундосят до отупения, как в сумасшедшем доме... думают тем самым в рай войти... да и как можно истины такого уровня в наших кургузых словах отразить?.. ну, личным примером Он, конечно, ближних вознёс... был чистый и светлый толчок на пару веков... а дальше начали

рожи в кровь бить из-за каждой розно понятой Твоей буквы... не мир принёс Ты им, а меч... впрочем, как и обещал.

– ...

– ...что?.. ну да!.. пример, как жить... небось думал радикально поправить дела... особенно при Его нетленности... да какой же это пример, когда Он – калика переходный!.. народ так жить не может... вот они и пригвоздили Его к брёвнам... символ обозначая... и наглядно указуя, что на перекрестье Божьего и человеческого получают лишь крушение, безумие, грех и смерть... никакого тебе ежедневного эха и сиюминутного слуха – вековую мумию из Него слепили вне сомнений и перемен... которая, впрочем, в их представлении меняется каждый век до неузнаваемости... но их разве этим смутишь?

– ...

– ...да не могу я ни хрена без Тебя!.. буквально во всём... и ежесекундно... да и всем нужен эдакий глобальный оперуполномоченный... Аргус, смотрящий в сто глаз... доподлинное письмишко с подписью... или хоть какой прямой намёк... мне же без водки уже и не выйти на Тебя... контакт при помощи химреагентов... духовный онанизм в некотором роде... у меня сил больше нет быть собой... не могу толком зашкировать себя ни на какое дело.

– ...

– ...Ты в прошлый раз тоже говорил *своевольное сердце*... но мне страшно без этого кургузого «я»... просто страшно...

без всяких причин... мне зачем-то нужно это «я»... я просто не знаю ничего другого, кроме своего безъязыкого «я»... и боюсь по-человецки прыгнуть с балкона в смутное куда... пусть и блаженное... мне надо иметь это культяпое «я», которое мычит и ревет внутри заблудшей коровой... оно мучит меня, но я не могу без него... я не понимаю ни себя, ни Тебя без этого «я».

– ...

– ...да уж давно врубился... Ты не приходишь, потому что мне даже обратиться к Тебе не с чем... я стал старым брюзгой, который будет приставать к Тебе с укоризнами насчёт недостатков Творения... Ты щедр... Ты даёшь мне время подзарядить батареи... но это так же щедро, как оставить ребёнка одного в лесу, мол, пусть учится... если не сожрут, то могёт, вырастет героем.

– ...

– ...этот контакт – единственное, что у меня есть... но он делает мою жизнь невыносимой... надо же лепить понятные ахинеи... кашу варить и носки стирать... а он делает из меня юродивого... я не могу вот просто так по этой нитке пойти... съеду с копыт... не готов... это как по глубокой воде пойти в мелких калошах.

– ...

– ...нет... когда я говорю с Тобой, то я верю... но я боюсь идти до конца... кто-то писал, что истинная вера всегда кроется между верой и безверием... но у меня-то – безверия

вагоны, а веры – с гулькин нос... и ещё я не верю толком ни своей вере, ни своему безверию... язык заплетается... у меня прохудился этот орган, которым верят.

– ...

– ...не говори мне *подумай*... Ты же знаешь, что это не приходит от думанья... это идёт только от Тебя... а я слух на Тебя потерял... а без него – все деяния бесцельны... и бесхозная мысль кружит себе одинокой фигуристкой... фуэте с тройным акселем... при пустых трибунах... на хер эти бесплатные кружева?

– ...

– ...да мне не собраться... я раньше думал, что всегда смогу, стоит только захотеть... но потом Ты мне устроил те денёчки, когда я чуть ли не год в окно смотрел... помнишь?... словно меня отключили от высших истин за повальный идиотизм... батарейки вынули и антенны отвинтили... и теперь мне кажется, что когда появляется этот ток... вода жизни... то мне никак не сосредоточиться... у меня, еретика, теперь производственная травма души... донце выпало... идёт эта манна насквозь... не задевая... и знаешь, мне иногда кажется, что меня передвинули ярусом пониже, а?

– ...

– ...ну ясно, Ты так не думаешь, зато я так думаю... мне дают уже не то, что дают отличникам... меня оставили на второй год... пересадили на заднюю парту... перевели в класс для умственно отсталых... да я, наверно,

и есть такой... раньше я умел сечь разные тонкости, чувство какое-нибудь долго переживать... выпадать в иные миры от всякой проходной баламути... хоть во сне, хоть наяву... помнил утром все сны... даже те ночные, потусторонние чувства, которые Ты запретил помнить... одной ногой всегда был там... ибо эта дневная видь – ещё не всё... но я потерял эту ногу... одне завязки от протезика болтаются.

– ...

– ...конечно помню!.. как пыльным мешком по башке... мне тогда нельзя было про смерть показывать... я ни хера не мог после этого... жить толком не мог... только в окно смотрел... как сталкер недотраханый... вот тут-то Ты меня и отключил... понял, что не Моисей... ну пусть я не в обойме, но всё же кое-что могу... если Ты строишь из всего, то вот тебе моё хлипкое сопливое «я»... строй во мне парадизы!

...говорилось раскидчиво... с дальними параллелями... обо многом сразу... несло Глеба... неведомо куда несло... как Гека Финна какого по неродной мутной Миси-писи... тонко резонил, ставя Их Благородие в очевидный тупик... обнажал корни и приводил казусы... заходилса внутренней дрожью от потаённой праведности... свободно упоминал неведомое простым смертным... ставил в пример и в укор... удивлялся очевидным несопоставимостям... пытался уязвить своей смертностью и немощью... грехами тряс напоказ, как орденами в базарный день... однако не складывалось сегодня...

холодно и темно было в ответ... неясно, обкурзано и замохано... как танцы какие у нежилого дома.

...Глеб старался расслабиться... мысли пошлые отогнать... предстать открытым и нагим... душой прозрачной, залётною... чтоб струилось по жилочкам насквозь... теплом веяло... дрожью по спине шло... чтобы снова было как тогда... когда чуть не улетел пяткой в небо к сверкающим ебням... крылья получать.

...но сегодня всё было иначе... отдельные отзвуки долетали, но как-то сомнительно... и явно не в надлежащую силу... словно по затёртой клинописи читаешь... додумывать приходилось... отсебятину нести... где-то на линии базовые коммутаторы пробуксовывали на холостом ходу... не соединялись клеммы и заклинивало соленоиды.

...в этот раз Он пришёл совсем ненадолго... и не было тех улётов, когда идёшь вместе по́ небу рука в руке... хотелось пить, но ничего не было... а предстояло ещё спать на холодной кровати... и вновь в пьяной горячке смотреть эти чёртовы шальные сны.

...огромная холодная луна... у тебя нет своего света – только отражённый... без солнца ты была бы чёрная на чёрном небе... как же никто не понял, что ты и есть смерть?.. летящая над нами в бездонной глубине... ты – громадный иероглиф смерти... оттого и у баб от тебя течет... ибо ты – конец жизни, которая могла бы быть.

...лохмотьями летит за облаками... как Летучий голлан-

дец... и голова раскручивается, как серпантин... и летит
вслед за ней... в шумящие чащи... прозрачной Гамаюн-пти-
цей на Катай-остров.

Уйти навеки, навсегда...

Луна.

Сорвавшись с крыши,

вверх упасть... как в пропасть.

*...гоголи эти, квадратурой круга озабоченные... щеловид-
ные и пазоухие... мне некуда деться на этом лугу... как Тру-
вору тому в Изборске... который небось в конце концов сам
себя в баньке поджжг... Овлура клянчил, чтоб тот снару-
жи колом дверку подпёр... никто из смердов ни в хуй взять
не мог, об чём та блажь... но сделали всё, как барин велел.*

– ...куда ж теперь нам, варягам?.. когда земля эта вся та-
тарвой и печенегами переёбана?.. что ж Ты теперь за ку-
лису-то умахал?.. надоумь меня каким-нибудь путеводным
воззванием!.. а то я тоже конформистом стану, наперекор
врождённому инакомыслию... и на каком-нибудь промто-
варном складе недостачу устрою.

...но Ты же любишь меня и такого, правда?.. по долж-
ности должен любить... деться Тебе некуда... а я вот буду
всякаяко филимонить и выкаблучиваться на подветренных
плоскостях... потому что больше не могу страдать полным
сердцем – страдалка сломалась!.. уже столько сделал лишне-
го... и столько не успел... не улыбайся милостиво... знаю,

– ...я не буду спрашивать, почему Ты позволил этому совершиться... мне страшно это знать.

...круги в глазах множились – прозрачными кольцами жонглёрскими... обрывками мозги метало... мелочью и табачной трухой из карманов пылило... облезлыми виньетками на канделябрах закручивало... пока снова видь из окна не пришла и не затопила.

...луна... луна невесомо плыла... захолонувшем на морозе дыханием... от тела освобождая душу... будто в колодец упал... и смотришь вверх изнутри... рамкой обведённое окно... тени от деревьев на снеги шли – душами брошенными... и тёмные ели стражами неподвижно стояли, уйдя в тишину.

...и так же неостановимо, ускоряясь, водоворотом тугим несло в голове, ноги от земли отрывая.

Луна ушла за деревья.

Позёмка тени уносит

оставшиеся на снегу.

Как прочесть мне – что будет со мной?

...хватанул стакан со стола... опрокинул в себя и сглотнул... *мало, бля*... водка насквозь шла... словно там, на полпути, открылось нештатное забортное отверстие... и взамен сусального забытья... поднялась из глубин неизбывная чёрная муть... мертвящими всполохами ярости и безысходным малярным бредом с изматывающими до отупения повто-

рами... крутила на износ душу.

...он к дереву за окном руку тянул... наружный холод на его коре шершавой чуя... до озноба... тени в отчётливости нездешней по снегу длились... насквозь текли... тело протыкали, выворачиваясь наизнанку... стёртыми подошвами... затоптанными штанинами.

...луна... меж дерев... сквозь лохматые кроны сосен... сперва каким-то неземным бесцветным заревом обозначилась... а потом и всей дебелий лоханью просунулась... и заблистала тусклой неотразимой звездой... прямо дырка в занебесные перламутры... *не трожь меня, корябая муть!*

Помнишь, как тогда ты шёл по утреннему пустому городу с Ларисой, держал за руку, привёл в парадную её дома и не поцеловал?

Верни всё!.. целуй её, кретин, целуй!.. это никогда больше не повторится!

...и Этот опять за спиной руку пронёс... или не руку... кто Его знает...

– ...давай отсюда... я не могу больше Тебя выносить... я выдохся... брось меня!.. брось!.. ну ладно... скажи напоследок, что будет с этим придурочным Глебом и его куцей судьбой?

– ...

– ...то есть это – как кипящий котёл... ничего не прибито гвоздями... я не знал... я думал, Ты все фишки наперёд расставил.

– ...

– ...какой ещё «гнутой стебелёк»?.. ну, положим, «гнутой»... а почему «стебелёк»?.. не... такое я не могу навскидку рубить... в эти дебри Ты мне хода не дал... вали отсюда... я ещё жить хочу!

...теснились в душе словеса... брёвнами в речном заторе взбывались, вылезали вверх, переваливались друг через друга... мокрецей подводной тускло блистая... жгли сердце пронзительно, несбыточную явь обнажая... казались правдой ненадолго... но от них не проходила тоска.

...и Бог со стороны сочувственно глядел, спрятавшись на стене в рисунке обоев.

Уходит

...Оля встала раньше него... оделась и сидела у окна... уже было за полдень... скоро снова начнёт темнеть... в доме холодно... и пол после ночи холодный... он лежал, закинув кадык и приоткрыв рот... сопел во сне.

...деревья в снегу за окном стояли и молчали... заваленные и укутанные... тишь такая и никчёмность.

...всё ждала, что он проснётся... себя в зеркале хорошила... засохшие печенья в тумбочке нашла... грызла их... сидела с тарелкой за столом... в окно смотрела... крошки на столе в кучку сметая.

...нежилой дом, – подумала она... ещё раз посмотрела на Лёшу, – так старался вчера, – усмехнулась про себя, – зачем ты так с ним?.. зачем?.. зачем ты на дачу эту пошла?

...вчера вечером так холодно и пусто было на душе... дорога длинная от станции... шла и шла... тот парень по дороге приклеился... как его звали-то?.. Гена... звал на эту дачу... так не хотелось идти домой... и сидеть там одной впотьмах... не зажигала свет, чтоб Сашенька не заметил и не притащился... всё кругами ходит... явится скоро.

...опять на спящего Лёху посмотрела... *молоденький совсем... а хочет казаться ушлым... зачем ты так с ним?.. завела его только... опять ты была плохая... всегда ты пло-*

хая... иди отсюда... не твоё это... совсем не твоё.

...уж всё вчерашнее было почти забыто... и странным... когда-то близким человеком лежал этот мальчик в постели... откинув голову и сопя с серьёзным выражением лица... а ещё предстоял разговор с Саней.

...Оля оторвала кусочек газеты... на полях написала: *С добрым утром...* нарисовала ромашку и женский профиль... положила на середину стола.

Сашенька – Оля

...из каморки-кикиморки в окошко, крест-накрест деревьями перечёркнутое, на завечеревшие дали глядеть... на наст и хрумкий снег... на избы законопаченные... охмурённые... в снегах и дымах по уши... расплывшимися боро-виками... котлами такими пузатыми... как если в них настой какой из жимолости и болотного дурмана внутри бродит... и человечки-червячки приземлёнными загогулинками мельтешат во всевозможные пределы... себя переставляя котятками слепыми... взор поволокой ведёт... и муть в башке множит... тонешь, тонешь посреди них... собой расплывшись, как чернильная клякса в воде.

...отряхнулся... рукой шмазданул по столу... вокруг глянул... лишние мысли отрубая... пустой стакан со стола сшиб... зазвенел мелким стеклом по полу... встал было... но передумал и обратно сел... Беговой прийти должен... его шупалом по старым малинам ещё вчерась наборзил... *согласился, но морищился, юзил... снюхался с кем-то, крысятит налево... не резон его многократно гонять наколки дыбать... и на весь расклад разводить... пока не раскоцал его... пусть думает, что он мне уши шлифует.*

...всё же встал... заходил... к окну кинулся... на подоконнике тот адресок... глянул на него... *перо кривое... в Питер надо...* её вдруг в окно увидел... сперва засомневался...

сверху, да под косым углом... хуй знает, кто это... *но, бля, походочка эта... не спутаешь... точно, она!*.. хватанул бушлат с вешалки... дёрнулся Сашенька на выход в чём был.

...вот уж он идёт за ней вслед... глазом прицениваясь... заходясь от ожидания и внутреннего ража... рот кривя... в затылок ей смотреть... со стороны глазом заползая... иную судьбу наблюдать... лепя её самостийно... *снег глубокий... чёрт с ним, со снегом... хоть и калоши мелковаты... всё это хольнь-мятель в ступе... догнать и спросить, что ли?.. или нет?.. дать ей ещё денёк повосьмерить?.. понты погонять?*

...тут внутри колоколом раскачиваться пошло... яйца напыжились... понесло его... но пока ещё подконтрольно... с противосилой... и вот уж он быстрее идёт... остановиться не может... *сука...* как тогда, встарь... охуенную власть над ним имела... *но нет тому больше.*

– (Сашенька): ...не ко мне ли спешишь, теплёнок?

...лицо повернула... как бы не удивилась даже... важно так прозвонила, что, мол, в лабаз тащится... продукт зацепить... *во, бля, заматерела как!.. улыбочка эта приветственная... одной лэжой, лярва, разит, а фасон держит.*

– (Сашенька): ...что ж ты стрелку-то продинамила?.. тебя дожидаясь, цирлы до полной нёти стоптал... и не выпало мне никакого личника... к асфальту только зря примёрз.

...улыбнулась ему... *слова свои плавные говорит... думает отбрехаться... а глаза спокойные... знала, что я приду... приготовилась.*

– (Сашенька): ...смотрю – ты всё мимо ходишь, а ко мне и не зайдёшь... говорят, дома не ночуешь... жоржика завела?... городского?... партийного?

– (Оля): ...нет, не завела.

– (Сашенька): ...дык ясно... парафин тебе клеят... по синьке лепят.

– (Оля): ...я ходила к тебе... тебя же никогда дома нет.

– (Сашенька): ...да ладно луну крутить... найти меня – простой ход... но слышал, что у тебя своя мишпуха... что ты теперь кругом в шоколаде... но я понимаю – брешут, сорванцы... это всё не так.

...Оля осторожно по нему взглядом скользила... заново узнавая... сжато, скомкано Сашенька говорил... глазом, как ногой, воду щупал... гордыню соблюдал... а всё же и ластился... кривоходил... семенил... былую власть пробовал... и вот уж смеётся она ему в ответ, хеза послушная.

...сначала вспомнились ей ошмётки былого... как он неукротимым взглядом пронзительно стрелял... шёл, ноги небрежно выбрасывая, отшвыривая снег... шею натурно гнул, мышцу разминая... силу пробуя... в выражении глаз, лица... в самой этой нарочитой томной лености и бластной манерности было что-то однажды понятное, родное... трогавшее душу памятным прошлым... но сейчас смотрел на неё уже другой человек... она почувствовала это.

...шли вместе... посёлок в снегах сонно утопал... вечерние прохожие неспешный путь свой стремили по узким глу-

боким тропинкам... вышли к Приморскому шоссе... тут уж машины начались и людишек прибавилось... у почты он в телефон-автомат её впихнул и дверь захлопнул.

– (Оля): ...чего ты? – удивилась.

– (Сашенька): ...не могу... килу защемило... идти не могу... возьми шершавого.

– (Оля): ...люди же!

– (Сашенька): ...я их в упор не вижу... давай хаву.

...придавил её вниз за плечи... в будке тесно было согнуться... он её силой вниз пропихнул... на колени поставил... расстегнулся... не мылся давно... воняло от него... тени мимо проплывали... на них смотрели... но она уже их не видела.

– (Сашенька): ...ух!.. алмазно столбик чешешь... а ресничками?... не забыла ещё?

...задёргался... руками сверху давить на неё начал... кончил тяжело... со стоном... с судорогой... дышал громко... обмяк и поплыл... стёкла в будке запотели.

– (Сашенька): ...ну вот... совсем другое кимоно... дóсуха давай... а то к панталонам прилипнет.

...ей трудно было самой в будке подняться... он за подмышки её прихватил и поднял.

.....

...из лабаза с покупками к нему домой пришли... Оля продукты из авоськи на стол вынимала... а ему всё не устро-

иться было... не найти, что делать... вещи брал в руки и швырял куда попало... искал что-то... дёргался резко... натыкался на утварь... тревога и беспокойство от него шли... улыбался много... обнимал вдруг... мял... но смотрел холодно и стеклянно... она заметила, что у него во рту не хватает пары зубов, и подумала, что это его старит... по-сторонне представилось, каким он будет старичком... улыбнулась про себя, в сторону глядя.

...она и хлам, и вонь ему простила... и эту всегдашнюю дешёвую мужскую понтыру... совсем неинтересно было то, что он говорил... словно клочки, вырванные посередине... да ещё весь этот гонор, который приходилось щадить... но за всеми его метаниями и суетой угадывала Оля что-то невидимое глазу... новое... нутряное... и ей хотелось дальше мотать клубок.

...ещё тогда, перед посадкой, несмотря на весь его лихой гитарный бой... горящее лицо, пристальные, сверлящие глаза... чувствовала она иногда странную отстранённость, нездешность свою... посторонним наплывом из ниоткуда шло... и всё то, что он делал, вдруг теряло смысл и меру... виделось бесконечным мельтешением... уже тогда она знала, что их дорожки врозь... ей потом даже смешно стало, что вышло, как в одной песне, где он в тюрьму, она к другому... ей нравилось, что как в песне... что Саня о ней со злостью и ненавистью думать будет, сознавая свою правоту, испытывая высокие страдания и презирая её нестойкое жен-

ское начало... ей спокойней было от того, что у него будет объяснение... потому что она сама объяснить ничего не могла... но теперь в Олины глаза смотрел человек, которого она не знала... который никакую верную любовь просто бы не понял... который сам уже никого не любил... она поняла этот взгляд и опустила под ним глаза.

– (Сашенька): ...ты видишь... уж все Бозьи просторы за окном весереют... мёркло на видь нашло... и каждой трудявой блошке куда-то замохаться и приютиться охота... заукромиться в щель от большой темени... вурдалачье время переждать... ночью-то думы совсем другие... которых не надо... которые страшно знать до конца... бежать от них хочется... куда глаза глядят... малолеткой несмышлёным... в тёплую, мягкую сисю уткнуться... или ухухолиться где под одеялом от кромешной тоски.

...вот сидишь ты возле... и на меня, ненаглядного, безотрывно глядишь... желанная моя голуба... розовая псыца моей кирзовой, проигранной в карты души... как ни ёрзали мы невпопад, а выпадает нам с тобой похеренная прошлая дружба... и замызганный чужими жидкостями масрац... чистенькая ты... и по наружному лику слащá одна от тебя идёт... завеленí мать ехалды на тыщу... другой бы шейку на полный выверт крутанул, кода б узнал... ну, да об том опосля... а ныне хоть за у́халки подержаться... цуцы поцукать... пупырышки твои покусать... а то уж забыл, как они выглядят-то... по городу идти неможно стало... бубенцы малино-

вым звоном в шкарах звенят – народ озирается.

...когда он взял её, она не завелась... не успела... он кончил слишком быстро... вылез из кровати... за стол... сидел и пил сам с собой... молча... снова трахались... но теперь ей откровенно не хотелось... жал, мял и тискал её... иногда с такой силой, что страшно становилось... *порвёт или сломаёт что-нибудь внутри*... и тогда тёмной холодной волной в глубине поднимался страх... но потом посторонними прорывами находило безразличие.

...он вроде не почувствовал ничего... потому что внешне Оля делала всё как надо... но теперь меж ними что-то не ладилось... вдруг и посреди всех постельных сибсей-мусей забывалась она... бесцельно блуждая взглядом по недопитым стаканам на столе... грязным складкам клеёнки... блестящей дверной ручке... исцарапанным ножкам стула... кирпичам в просвете между печным железом... вспоминалось, как вчера завхоз бранился за оставленные в кладовке подносы из столовой... мелочёвка в голову лезла... уносило Олю так, словно и не было рядом Сашеньки... ничего не могла с этим поделаться... временами становилось совсем как с теми старичками-гэбистами на лыжной базе.

– ...а ты совсем другая теперь... жути в глазах больше нет... можа, заступники появились?

– ...нет никого у меня... только устала я всего бояться.

– ...тебя тут били, говорят... так ты скажи кто... я им в грызло вставляю.

– ...я уж сама разобралась... больше не бьют.

– ...говорила, навеки ждать будешь, помнишь?.. верно, всё так и делала... монашкой жила... малявы слала и ящички... только я их не получал... картузы не давали... ты же знаешь, они, суки, без башлей маляв не дают... а что про тебя тут плетут, так это всё – злостная чернуха... жухманят... известно, злые языки... и думала ты обо мне каждый Божий день... Олечка-Оля... потому что у нас с тобой незримые узы... были... но знаешь... не давай больше кругов... не води меня коридорами... мне ж обидно может стать...

Твои глаза зелёные,

Твои слова обманные

И речи эти звонные

Свели меня с ума.

– ...я не слушала, что брешут... но я плохо жила.

– ...а ещё говорят, что ты с собой кончала... это уж не по мне ли?

– ...кончала б – так кончила бы.

...два года тому назад, напившись больше обычного на свадебной пьянке и трахнувшись на чердаке со случайным мужиком, она пришла домой и без особо сильных эмоций открыла газ и легла в кровать... соседи учуяли запах, дверь взломали... ни тогда, ни потом она не понимала, зачем это сделала... слухи пошли, что к жениху приревновала.

– (*Сашенька*): ...зачем же они про такое нехорошее?.. по пустому фонарят... черёмухи поразвесили.

– (Оля): ...люди же.

– (Сашенька): ...как ты их... понимаешь всех и любишь...

тоже всех.

– (Оля): ...язык-то не подвяжешь... пусть плетут... да и ты сюда не спешил... с полгода где-то шлында... лялю завёл?

– (Сашенька): ...как же я без вас?.. к холмикам могильным притащился... землицу в платок набрать... вышла моя тягомотинка... и мимо дома не пройти – печам и дверям поклон... как собака, животом занемогшая... на заветную полянку приполз – травку заговорённую найти... а местá-то уж все не те... зачем только ехал через всю Расею?.. как меня в Саратове ждали и остаться просили... плакали ночь напролёт... а я вот весь здесь... наперекор всем препонам... ты меня не боись... я тебя за старое дуплить не буду... вот только потрогаю.

...нарочито медленно потянулся пальцем к её щеке... Оля сперва было отпрянула... но потом послушно подалась навстречу... он водил пальцем по щеке, как ребёнок по стеклу... чуть не царапая... но Оля терпела... и опять новое, незнакомое прошло облаком по его лицу.

...гитару взял и бутылку рядом поставил... лицо кривил... тренькал долго и мурлыкал... начал было... захрипел... откашлялся... и снова начал:

– *Все идёшь и идёшь, и сжигаешь мосты.*

Правда где, а где ложь, слава где, а где стыд.

А Россия лежит в пыльных шрамах дорог.

А Россия дрожит от копыт и сапог.

...она видела, что у него все пальцы разбиты... по струнам не всегда попадает... раньше он берёт пальцы... даже в драках... и ногти всегда аккуратно подстригал.

– (Сашенька): ...а рыжая гаечка моя где?

– (Оля): ...потеряла.

– (Сашенька): ...ну да... ты спала, а она ночью сама с пальца сползла.

– (Оля): ...это та ведьма нам накаркала... помнишь, которая на базаре?

– (Сашенька): *И над вечной памятью*

На слова печальные

Улыбались дальние

Васильки во ржи.

– (Оля): ...Сашенька, Саша... не надо нам с тобой снова начинать... ведь всё, что было, уже не изменишь... это теперь навсегда... я это в сердце хранить буду... но теперь... снова уже не начать... прошло... кончилось... надо понимать, когда конец приходит.

– (Сашенька): ...«проглянет солнца луч сквозь запертые ставни»... м-м-м-м... «как струнный перебор звучат твои слова»... м-м-м-м.

Я сегодня смеюсь над собой.

Мне так хочется счастья и ласки,

Мне так хочется глупенькой сказки,

Детской сказки про сон золотой.

– (Оля): ...да и ты ведь не ко мне приехал... я же вижу... может, и улетишь скоро... но, если когда вернёшься и будет нужда, я твоя всегда буду... мы не разделимся никогда... но былому – не бывать... я не та... и ты не тот... зачем нам обманывать себя?

– (Сашенька): ...ну что ж ты так себя сасем не любишь, а?... а с маво горизонту ты ещё хоть куда... если, конечно, одеть как надо... или раздеть как надо... ты знаешь, тебе надо или-или... тебе не идёт быть лопушкой... а на толковый адидас нужен немалый алтух... на зярплату приличный мантель не устроишь... где уж мне состязаться... пока немощен и гол, как киноварь болотная... по гульденам весь в круглых нулях... может, конечно, карась и придёт в сети, и будет маза... тут меня помнит кое-кто... но могут и на шпилер посадить, по той же старой памяти и новым делам... больно много кусковых развелось... так что выбор есть у тебя... но ты меня совсем не бросай, ладно?.. а то я скучать буду... ну, будет мудями звенеть... дай по фазе.

...опять легли... пытался трахнуть её в зад... у него после трёх раз насос отказал... то хуй наливался до жуткой твёрдости, то вдруг резко мягчел... слышала от кого-то, что их там, в тюряге, бромом поят... и девчонки говорили, что эти сбои потом проходят... когда у Сашеньки вставал, он тут же бросался на неё, быстро и резко пытаюсь всунуть... не получилось... её руку хватал и хотел, чтоб она сама себе засуну-

ла... всё равно не получалось... мягкого ей в рот совал... а когда снова вставал, то быстро и натужно торкал её сзади.

...она остановить его хотела, успокоить... но он взвился и надавал ей по роже... она на край кровати уползла... прилез к ней... снова целовал и прощения просил... снова захотел в зад... снова не вышло... они лежали молча... ей хотелось уйти, но она не знала как... потом он попробовал ещё раз... на этот раз вышло... он кончил.

...сидели на кровати и ели холодную картошку с хлебом и рыбку какую-то из баночки... опять пил... ей молча бутылку протянул... она головой «не» показала... тяжело было с ним молчать, но тут он заговорил:

– ...вот всё думаю про память... одни вещи мы помним, а другие совсем нет... как так?.. ну что ты молчишь?

– (Оля): ...ну, не знаю... я всё про нас помню.

– (Сашенька): ...вот что ты помнишь про меня?

– (Оля): ...как пел ты... мне ни с кем так не было... как тогда с тобой... как же это можно забыть?

– (Сашенька): ...а потом?

– (Оля): ...тоже вспоминала... но реже... ты ж не писал.

– (Сашенька): ...мусора малявы хавали... но и то правда... не писал... да я никому не писал.

...пальцы странно выгибал... ногами шебаршил... нервность в нём какая-то началась... всё крутился... мельтешил... потом затих... опал... задумчивым стал... и лицо его старше показалось.

– (Сашенька): ...сделали они из тебя общую парашу.

– (Оля): ...ну зачем ты?

– (Сашенька): ...у нас всё ж узы были.

– (Оля): ...тебе уже понарасказали небось... а ты поверил, Саша... так зачем меня пытаться?

– (Сашенька): ...да... бабьи дела... что ж ты нашу песню так легко замудохала?... да и не ради роковой любви, а так... на рядовую жвачку.

– (Оля): ...под конец... то уже не песня, а му́ка была... и для тебя тоже.

– (Сашенька): ...мимо кладёшь... мимо... то му́ка, а то и песня... в жизни всё так... но песня-то тоже была... а ты её кошке под хвост задула.

– (Оля): ...не только я, Сашенька, а мы вдвоём... скольких ты уже при мне лапал...

– (Сашенька): ...ты про себя думай... а я буду про себя.

– (Оля): ...когда тебя взяли – совсем всё рухнуло... ты ушёл, как будто я ничего не значу.

– (Сашенька): ...ты хочешь, чтоб, когда мне руки крутили, я прежде всего о тебе думал?

– (Оля): ...да не тогда... а хоть после.

– (Сашенька): ...там такие кишлаки пошли, что... не знаешь ты, что там было... и лучше тебе не знать.

– (Оля): ...я сначала тебе писала... а после не могла... это было бы враньём.

– (Сашенька): ...мне тогда любое враньё было бы маслом

по сердцу... когда нары нюхал.

– (Оля): ...прости меня... я того не знала... только знала, что наше с тобой к концу подошло... ещё до того, как ты сел... а конец надо знать.

– (Сашенька): ...ты про конец сама решать взялась... без меня... да ещё когда я в нужде был по уши.

– (Оля): ...ну а что, если бы я врала тебе все эти годы?... а потом ты бы пришёл и увидел?... мне ведь тоже хоть в чём-то честной хотелось быть.

– (Сашенька): ...в матку мне твоя честность!.. когда вокруг ни одного человека, на которого можно положиться... ни одного!

– (Оля): ...ты о себе, Сашенька... а мне ведь тоже, чтоб жить, надо какую-то правду о себе иметь... тогда... перед твоим уходом... у нас с тобой правды больше не было.

– (Сашенька): ...ладно... то репеем поросло... и не говори мне слов... я им больше не верю... не тот я, что был прежде.

...стал рассказывать о том, что он сделал и сделает... что другие делали и делают... и как всё будет по-евоному... она, как зверёк, почуяла, как там внутри у него страшный маховик начал раскручиваться... вертел и мотал его наобум... и ничего он с этим поделать не мог... словно вцепился и прилип к огромному ободу... а наружным видом – якобы повелевал... властностью и резкостью возвышался... пронзительным жизненным чутьём обнажал всю никчёмность потуг пришлых кускарей и скучных лохов... но более всего хотел

ОТОМСТИТЬ КОМУ-ТО... ВСЕМ ИМ... ЗА ВСЁ!

– (Оля): ...ты опять на старое поехал... не лезь пока... завались на дно... тут же без тебя сплошной передел прошёл... ты того не знаешь... сперва окопаться надо на время... а там сам увидишь, как дела пойдут... жди верного часа.

– (Сашенька): ...нельзя мне на дно... придут и вставят... у нас один техник сидел... в Африке на аэродромах кантовался... однажды видел из кустов, как два льва всерьёз подрались... и больший лев круто задрал меньшего... а меньший на спину лёг и решил сдаться... и больший ему зубами хуй отодрал и съел... а потом сидели эти львы рядом... и тот, меньший, большему в глаза не смотрел... был покорный и побитый весь... да и мошонка, видать, болела... встал и потрусил прочь... кровь у него между ног лилась... местные суахили тогда бутили, что ему теперь кранты... ни в какой прайд не возьмут... подохнет один... так что, нельзя мне на спинку... другая мне выходит дороженька.

...тут как-то сразу... посреди... из ничего и само собой сложилось у неё в голове, что там, в тюрьге, он, конечно, трахал пидаров в зад точно так же, как её... но там, наверно, много чего ещё было... может, и его трахнули... и сейчас это буравит его подспудным матёрым сверлом, заусенцы выдавливая... душу темнит.

...такими из армии новички на побывку приходили... уже узнав некие жёсткие границы безбрежных жизненных просторов... и ещё что-то... вполне приземляющее про горние

выси... уж очень сильно казалось Оле, что она права... так сильно, что никак не отогнать было эту мысль.

– ...я пойду, – сказала вдруг... и поспешно стала собираться, – приду потом... когда скажешь... на гитаре-то будешь играть?

– ...деревянные дела, – пробурчал он, – занять пришлось... гитару мою козырную... батяня по милости особой в холодный сарай поместил... на земляной пол... так, что раздет ото всех богатств... даже жить дома не позволено... ибо у нас с ним баланс не сходится... дескать, я отчину и дедину евою пустил на разор... вот... у бабушки Ковалёвой мощусь... получердачно и по-сиротски... а уж она меня любит и кормит вне пределов... золотая душа... вот и временную крышу займел невем откеле... окопался кое-как по провидению Божьему... когда возмечталось о колбаске затрёпанной душе... завидный женишок, а?... впрочем, эта кемарка всего лишь до лета... внучок к бабушке едет.

...снова задумалась о том, что было с ним в тюрьме... она всё же знала его... и по-женски ощутила, что там, у него в душе, где раньше была привычная равномерная муть, выросла скрытая, слизью обёрнутая опухоль... со страшным гадом внутри... её передёрнуло от этого видения... и показалось, что он прямо-таки учуял эти её тайные мысли... не мог не учуять!.. и, отговариваясь чем-то, скомкав разговор, она сбежала просто-таки... кое-как одевшись и торопясь... преувеличенно и фальшиво на часы кивая... не хотелось ему

врать... но знала, если он догадается о том, что она увидела, то не простит... а может, и убьёт.

– ...на той неделе, в субботу к Голомазу приходи, – тихо сказал, когда она уже открывала дверь, – мои именины будут... да, смотри, не спутай, *на той* – а не *на этой*.

.....

...шла Оля по тропке в снегу... и всё казалось, что Сашенька смотрит ей вслед из окна... спину жгло от этого взгляда... даже обернулась один раз – но нет... шторками были задёрнуты окна... плечами зябко передёрнула.

...мальчик тот городской всё звонит... что, он не понял, что ли?.. сегодня приехать хотел... хотя она довольно твёрдо повторяла своё «не надо»... спать с ним сегодня я не могу... вся голова о другом хлопочет... да и после – как нам быть?.. ещё ездить повадиться... не понимает ни хера... зацукать его тут могут... и эти с больших дач тоже постоянно звонят... зачем им я?.. вся прислуга у них в сауне всегда готова – только свистни... студенточки вертлявые вечно приезжают... якобы на лыжах кататься... а у нас в санатории доктор этот привозной круги даёт... и лыбится масляно... кукла ты для них... игральная кукла.

«Катюша»

...после недели непрерывных звонков Лёха всё же сговорился с Олей... в тот вечер летел он на вокзал, ног под собой не чуя... трепыхались фонари по сторонам на ветру... меж сугробов неслась под ним дорога невели какой витиеватой канителью... и финский холод обложной в горло ступором не шёл, нутрянному жару уступая... так что Лёха ворот рубахи расстегнул... качало его по сугробам на ходу, словно на шалой кобыле с бодуна.

...такого ража... такого фижмана... такого упор-присева... такого подкожного тика и внутривенного дробжа давно с ним не было... башка летела впереди растрёпанным факелом... полыхая и расплываясь на части... невесомое тело едва поспевало за ней вдогон... напрострел-навyleт-наизнанку... молодые рваные облака с залива неслись... с крылатыми краями, высветленными невидимым затучным низким солнцем... и про себя он пел «Катюшу».

...ититьская хайда, кулибина мать, японский бог... как она пальчиками по яйцам водила!.. Лёха на месте стоять не мог, вспоминая... от пальцев, от всего её тела дух незримый шёл... радиоволны какие-то... она и дотронуться не успевала, а он уж вился под её рукой... чуял приближающуюся руку... заранее из нутра заходясь... ртом аварийный воздух ловя... себя подставляя... совсем не о том, чтоб

трахать и трахать её, мечталось... в сторону то ушло... ему в руках её держать хотелось... и гладить, и гладить нескончаемо... и в этом было уже всё!.. от одного такого мечтания озноб по позвонкам шёл, в дрожь кидало... сасем увело дурь-башку с панталыку на мутёну пухоль... *не баба – самогон!*

...но самое мучительное было то, что теперь ни наяву, ни в мыслях он не мог от неё отделаться... сцены с ней воображал... в башне кино крутил... как она ходит... фигура её в профиль... с рельефами... голову к нему поворачивает... руку подняла... с голой подмышкой... рот открывает... губы её... движутся... открытые... тут его ломать начинало... смотреть надо было куда-то в другую сторону... башкой дёргаться, чтоб эту видь сбить.

...в окно электрички, пригибаясь, зыркал на пролётные избы... километры и станции считал... Левашово – Белоостров – Солнечное... а следующая после Солнечного – это Сосново... (кто жил в Петербурге, тот знает, что Сосново всегда было и будет после Солнечного).

...вывалился из электрички, как из вертолёта в десант... и понесло его, заведённого, зигзагами наперегонки меж усталых пешеходов... дорогу срезая... по окраинным малопроезжим тропкам... всё бурно мечталось на резвом ходу... виделось... несбыточной пеленой грядущее плыло... петушиные облака летели вслед сквозь облетелые деревья и ветки... ангельскими понёвами кружили ум... уводя взор в безбреж-

ные дали... всё ещё только свершалось... и всё ещё могло
быть!

Поцелуй

...Глеб часто забегал в «Муху», там было полно знакомых и всегда находились мелкие делишки... но теперь невольно в голову лезло, что где-то здесь ходит та задумчивая девочка... Анна Гордон... которая всё же поцеловала его на прощанье... кое-как, но поцеловала.

...в тот день он нагрянул в «Муху» к завхозу юзанные подрамники востребовать... за которые Юркой уже давно было заплачено в плотном заклеенном конверте... прокопались в кладовке до конца занятий... в тесноте... вспотев и озверев промеж неподатливых пыльных древесин... гвоздём ногу ободрал... плюнул на руку с тыльной стороны (которая почище) и помыл царап... размазал и развозюкал кровюгу... туалетную бумажку причепил... штанину спустил... обратно полез рамы ворочать... выбрал наконец кое-что... суммарно эти заляпаные деревяхи оказались тяжеловаты на подъём... припрятали их под старыми коврами... и отложили физическую экспроприацию до приезда Коробкова-старшего на его «Волге».

...кровь из царапины уныло сочилась сквозь бумажку и пачкала штаны... залил царапину растворителем, затащил носовым платком... потный, с шальными глазами вылетел из «Мухи»... рабочий угар холодом гася... шёл и пах во все стороны... как настоящий трудявый донателло.

...вдруг померещилась ему вдали с горбатого мостика через Фонтанку та самая дублёрка с большим воротником... кликнуло реле... стрелки передвинулись... и градус на подъём пошёл... стал разглядывать издали... сомневался... но потом и джинсики разглядел... ускорил шаг... по первости всё же решил держать дистанцию и не догонять стремглав.

...Анна остановилась на переходе у красного светофора... в круглой меховой шапке... *мономаховке*... с длинным бордовым шарфом поверх шубейки... Глеб подошёл сбоку, вякнул что-то нейтрально добродушное... она обрадовалась, увидев его... он насчёт своего ацетонного запаха пошутил... слово за слово... зашагали обоюдно и дружелюбно от Летнего сада, мимо Марсова поля... по каналу Грибоедова.

...сам собой клеился разговор... и слова, оставленные на другорядьё, уверенно ложились в строку... и паузы сами собой наполнялись особым смыслом... он ледышку ботинком пнул... та полетела и закрутилась волчком... Анна засмеялась и тоже какую-то твёрдую снегуху пнула... до той пнутой ледышки дошли и начали пасоваться... сбоку искося смотрел на неё... а она, блистая глазами, поворачивалась к нему, восклицательно судача... ждала, что он поймёт и разделит... и ответы его принимала, как нечто важное.

...хорошо и просторно было идти с ней, не чувствуя на ногах тяжёлые намокшие бахилы... недолгий зимний петербургский день медленно погружался в синюю тьму... разно-

ликие дома расползшимися баржами и сухогрузами плыли сквозь слякоть и талый снег... огни фонарей мерцали и качались в тёмной воде канала... в промоинах во льду.

...Глеб заметно огорчился, когда на Сенной она остановилась и показала на высокий дом: *вот, пришли...* он не нашёлся, что сказать... затоптался на месте... она, видимо, прочла смятение на его лице... внимательно посмотрела молча... и вдруг сказала, что у неё дома есть апельсиновый сок.

...Анна жила в коммунальной квартире... в узкой вытянутой комнатке, заставленной недописанными холстами и разделённой шкафом, закрывавшим кровать у окна... стены были увешаны иллюстрациями, картинами, картинками, открытками, фотографиями... за шкафом под маленькой лампочкой висел отрывной календарь... маленькая собачка неопределённой породы выбежала из-за шкафа и принялась радостно прыгать, гавкать и выражать общий собачий восторг... Анна на руки взяла собачку, бережно обняла и поцеловала в нос... собачка в ответ её лизнула... Глеб тоже попытался поиграть с собачкой... Анна радовалась их играм и ликом сияла.

...сидели друг напротив друга и пили горячий чай... вспоминали истории про общих знакомых из «Мухи»... смеялись, что оба помнят одно и то же... она достала полбутылки водки... долила немного в чай, себе и ему... и вдруг стала рассказывать про свою поездку на Север... как бы и не Глебу даже... то есть Глебу, но не глядя на него и стесняясь себя:

– ...это называлось *фольклор собирать*... хорошо хоть летом... тепло... но комарья хватало... а история всегда одна – самогон на стол и-и-и...

– ...*пой, баба Дуся.*

...а тут как раз водки не завезли в сельпо... надо ждать... почти неделю ждали.

– ...*а пока самогона-та нет, я петь не буду.*

...у них варяжский такой обрядный язык... арийско-варяжские песни в перемеси с чухной и костромой... отити прямо какие-то... вот они оденутся во всё... понёвы из сундуков подостают... всё очень серьёзно... плюш берлинской лазури и канареечный такой крепдешин... станут выводком и смотрят на тебя, как рыбы на Садко... а дальше у них уж всё заведено... наизусть знают.

...а танцуют-то как!.. как павы... вращаются себе загадочно и горделиво... и ручкой-то она махнёт, и платочком поведёт... и глазками стрельнёт... совсем как девочки вдруг... а ведь им уж за пятьдесят... а другие бабы у стенки стоят... в дятлы и бубны бьют... притоптывают... криком вскрикивают, как бы народную молву изображая.

...а мужик её пьяненький... посреди всего торжества ей юбки сзади веером разводит, как у павлина хвост... и горласто кричит: *ну что ты у меня за народность?..* а потом сам

меж них как побежит... руки раскинет и кричит: *ляту как ляту!*.. его две бабы гнать стали... а он на пьяных радостях им счастливо кричит: *обе дуры!*.. а они ему: *сам ты – дура!*

...вдруг на два дня перерыв... потому что главная подпевала съела молоко с кислым огурцом... и вместе это дало диффузию... петь они уже не могут... сядут на диване – и ну о колке дров переживать... и о солении поликарпов в бочках... или соберутся и делают какую-нибудь особенную квашеную капусту... и пока не кончат – надо ждать... капуста эта в сельпо по 50 копеек ведро... мы бы им купили, но они ту не возьмут... та – чужая... выполняют поговорку «без труда не вынешь и рыбку из пруда»... а вот спросишь её:

— ...баба Дуся, а ты в Бога веришь?

— ...а как же? – испуганно.

— ...а какой Он, Бог, расскажи?

— ...Он всех сердцем любит и всем добро чтоб.

— ...а тебе-то Он, какое добро сделал?

— ...ну... не знаю... у Него ж дела.

— ...выходит, на свет произвёл, а потом – дела?

— ...нет, ну... так про Бога низя.

– (Анна): ...в первый день, когда мы приехали, то смешно было... нас в клубе поселили... а вечером парень с гармошкой и три девчонки мимо клуба всё ходили и пели... в дверь не постучали... я нашим говорю: *пригласить надо...* они ж напрашиваются... но наши шмотки раскладывали...

мы только что приехали... а назавтра они уж не ходили.

...однажды председатель их колхоза приходит... такой целеустремлённый бурлюк... всегда носом вниз ходил... и видно, как у него мозги в голове шевелятся от нелёгкой общественной думы... и как он вопросы решает своей деревянной смекалкой... вот приходит как-то к нам и говорит, что мы, мол, в деревне всех от работы отрываем и всем мешаем... а я ему говорю, мол, мы ж здесь с согласия его начальства... а идём только к тем, кто свободен... а он указательным пальцем так начальственно меня оборвал: *на вас, дама, точка!*.. и ещё сказал, что в Архангельске, там, мол, их целый хор и оркестр есть в ресторане имени какой-то рыбы, не помню... вот, чтоб мы там фольклор и собирали... но наш начальник с ним выпил, и всё по-прежнему пошло.

...я одежды их все дней за пять зарисовала и на фото сняла... ещё там были ложки и блюда резные... на всё про всё недели две ушло... а потом не знала, что делать... спалось там как никогда... незамутнённо и самозабвенно... я даже в детстве так не спала... но днём, бывало, такая тягомотина.

...а ещё мы старую утварь искали... вот кривую тарелку деревянную, долблёную на чердаке под хламом найдёшь – и от неё нутряной ужас идёт... голод, мор, кровь... просто проваливаешься в прошлое... кажется, что сейчас они меня скрутят... во все свои малахаи оденут... на лошадь поперёк, как пальто, кинут... и какому-нибудь Махмуду продадут... так, бывало, нахлынет, что по дороге раскисшей бежала...

всё дальше и дальше в лес... а там впереди сто километров этого леса... бежала и бежала по дороге... через лужи... пока дыхание не кончалось... чтоб мысли отогнать... считала дни галочками, когда уедем оттуда.

...в последний день они концерт решили устроить... как бы нас проводить... мы не знали... думали: утром грузовик будет... всю ночь собирались... все эти реликты надо было обернуть и в ящики заколотить... а грузовика утром нет... днём нет... а вечером впопыхах прибегают... и зовут нас в клуб на концерт... ну мы просто руками развели от неожиданности... наши вспомнили, что я на пианино играю... стали уськать, чтоб в ответ какой-нибудь номер изобразила... знаешь, есть музыканты, про которых говорят: *ночью разбуди – сыграет*... вот я в тот раз так и играла... и лицо было соответствующее... когда ночь не спишь, то утром первые несколько часов – ничего... а потом всё время уплываешь как-то вдруг и посреди.

...на другое утро, слава Богу, уехали... председатель на прощанье мне сказал: *от вас, дама, вином понюхивает... пронюхивается*... с таким серьёзным лицом, что я чуть не прыснула... *пахнет*, – говорю ему... тут он застеснялся... мне кажется, он мне симпатизировал.

...последний день был совсем серый... но тучи постепенно расходились... а когда на станцию приехали, вдруг солнце из-за туч вышло... и сразу ударило во всю ширь... лес вдруг ожил... все цвета в глаза бросились... зелёные, багряные...

а за деревьями – тёмные тени... словно с ночи остались... небо в просветах вдруг вознеслось над облаками... асфальт на дороге белёсым стал от солнечных бликов и чёрным в трещинах... рельсы заблестели, как рыбы... а трава – то зелёная, то жухлая... глубокой охры с сиеной... контрастное всё такое... насыщенное... как на переломе... и лица у всех – с синими тенями... застылые, молчаливые... как с другой планеты, понимаешь?... какой-то небывало красивый и холодный мир... а я просто нутром... собой чуяла что-то жестокое... хищное... спрятанное за этой красотой... и трепетала от ужаса и соблазна... стояла с раскрытым ртом и выпученными глазами... озиралась, как чокнутая... а в голове ромашки плавали... на меня народ стал оборачиваться... наши даже спрашивали, *что случилось*... ответить не могла... язык заплетался... всё смотрела и смотрела... а ещё в уши всё шло, мимо их говора... птички дальние в лесу пиликали... и было всё как-то – прямо сейчас... словно вселенская жизнь сквозь меня плывёт... и каждая секунда – драгоценна... мне хотелось за теми птичками повторять... и вместе пиликать... такой душой себя чувствовала... в поезде всю дорогу молчала... а глаза закрою – всё те цвета плывут... я и сейчас вспомнить могу... но боюсь.

.....

– (Анна): ...стыдно и ужасно перед собой... я же совсем не расту... одно и то же делаю, а в душе плачу... нужно

делать вещи чистые... а всякие смешанные только отвлекают... я бы хотела носить одежды только чистых цветов... а вокруг всё так, будто от меня ничего не зависит... несёт тебя то вдоль, то вопреки плоским листом... вдруг вроде бы перемена – притазились верной киской выходные... отсыпашься... делаешь всякую ерунду – хозяйственную и намеченную... без особо сильных чувств и без души... это тоже не твоё и не для тебя... словно другая сонная кукла вместо тебя хлопочет... и снова понедельник... те же каракули писать... а время тянется, словно какая-то сметана... я в детстве просто слышала его... потом всегда голова болела... оно неровное такое... неритмичное... когда начиналось это потрескивание такое... я сразу знала, что голова будет болеть.

– (Глеб): ...а откуда ты знала, что это время?

– (Анна): ...ну... я не знаю... но я тогда точно знала... я ведь себя чуть ли не с двух месяцев помню... и многое такое помню, чего, наверно, надо бы и не помнить... тогда даже время было другое... оно как-то неровно шло... то медленно: тук... тук... а то вдруг быстро: тук-тук-тук... мне казалось, что даже часы вот так и тикают неровно... я с детства хотела всё вокруг запомнить – имена, цвета, запахи... ну просто всё... думала, что это очень важно.

...меня маленькую в Комарово на дачу возили... я в лес каждый день одна ходила... так одиноко было там, в ёлках... я даже плакала иногда... одна... всё было не так, как я хочу... ну абсолютно всё... я знала, что должно быть как-то

иначе.

...собаку мечтала завести, чтоб вот так сидела и смотрела... и ни за что любила... родители не разрешали... когда выросла, то наконец завела... назвала Мульткой.

.....

– (Анна): ...нам в училище советовали прищуриваться... ну там, чтоб лучше видеть композицию и тон... а мне никогда не надо было щуриться... чуть задумаешься – и всё вокруг такое размытое... особенно по утрам... когда никак себя не собрать... и всё как от начала... словно берёшь от дерева ягоду и ешь... а чтоб прицельно куда пойти, надо себя науськать, чтоб мир вокруг в фокус собрать.

.....

– (Анна): ...весь французский язык – это птица, прочищающая горло минеральной водой... лесной язык... я в детстве знала какой-то другой... говорить поздно научилась... словно этот людской язык не нужно учить... тот, другой, важнее... и ходить я поздно научилась, не знаю почему... спать ложиться боялась, потому что во сне растут... а мне говорили, если длинной вырасту, то никто со мной знаться не будет.

.....

– (Анна): ...когда в «Муху» поступала, на экзамене спросили: *вы в школе животных изучали?..* а я говорю: *ну*

как же – Капитанка, Муму, Мицери, лошадь Пржевальского, блоха Лескова... и этот садист – Чарльз Дарвин.

.....

– (Анна): ...тут начинается у меня приступ элегантности... я хожу в зелёной кофте израильтянкой молодой... знаешь, такой древний зелёный цвет... как памятники зеленеют... и чувствую себя так торжественно... моды – это чтоб мы представили иные жизни и вспомнили запредельное про себя... ты не представляешь, сколько фантазий у нас, женщин, связано с одеждой!.. в музее иногда на картину посмотришь – мурашки бегут... потому что всё... ну точно как раньше... когда были все эти бедные люди... раскольниковы и мармеладовы... и с ними была Манон Леско, только этого никто не знает.

.....

– (Анна): ...когда ты в музыке, то ходишь очарованная... увидишь серого человека – и хочется его раскрасить.

.....

– (Анна): ...мне бывает совсем не до них... но я хочу быть доброй со всеми... то есть внешне доброй... ну не знаю... ну надо же быть как все, чтоб никого не обижать... они же все вокруг чувствами полыхают... но надо не показать, что ты их видишь... потому что они-то их скрыть хотят... а у ху-

дожников рентгеновское зрение... и если узнают кто я, то скажут: *иди себе от нас, Шишкина, иди.*

.....

– (Анна): ...зимой утром, спросонья, в окно глянешь... а там вовсе не крыши заснеженные... а белое поле какое-то, многорукие деревья и клубы дымов башнями замков... новая непонятная страна... тебя прямо уносит туда навеки... потом долго в фантазиях ходишь... пока в студии не наорут, что, мол, без вспомогательных линий рисуешь... и опять весь день поплывёт... как жидкая каша.

.....

– (Анна): ...а ещё я была влюблена... был у нас в группе один... особый такой... из гусарского полка... однажды мы на пьянке сидим друг напротив друга... и он говорит мне, что, мол, уже со всеми девочками у нас в группе переспал... а что ж я-то упираюсь?.. *ах!.. мы с мужчиной смущены...* отшутилась как-то... а про себя подумала, что я его никогда не смогу уважать... а любить, наверно, всё же буду... прямо как чуял, что я не могу устоять... вился всё вокруг... но я потом с ним спать раздумала... к сожалению, к счастью или уж не знаю к чему... *ах, не хочу про это!.. с ним всё было не так – всё!*

– (Глеб): ...ты часто обрываешь... словно до конца дойти не хочешь.

– (Анна): ...есть вещи, которые не должны превращаться в слова... Это как к птенцу придут и скажут: *сейчас мы тебя подстрижём*.

– (Глеб): ...на этой нитке у каждого свой предел... но там ведь не только обломы... там бывают и чудеса.

– (Анна): ...нельзя... намеренно так делать нельзя... нельзя себе приказы давать... ну а если само собой получится, то как бы и не виновата.

...тут она лицо к нему повернула... посмотрела просто и глубоко... у него даже мураш по спине прошёл, как от касания.

– (Анна): ...а ты молчишь всё... я, наверно, говорю много? ...прямо в глаза посмотрела... с тем открытым и серьёзным выражением, как джазмены, когда дают своему корешу соло... не спрашивая, а создавая паузу... уступая.

...Глеб замямлил от неожиданности... не знал, с чего начать... но выплыло само собой... начал рассказывать о своей дикой и бесцельной поездке через Россию с Сашкой и двумя бабами... с палатками... на попутных машинах... сквозь пыльные дремучие городишки и станицы, замкнутые в себе... очерченные тяжёлыми воротами и глухими заборами... с бестолковыми рассказами попутных шофёров... дикими выходками случайных собутыльников... с беспричинными вокзальными драками... с безрадостностью базаров и одичалостью тупиков... с подкожной злобой, гарью и грязью Северного Кавказа.

.....

...их в Грузии на свадьбу пригласили... бабы-дуры блокноты взяли, чтоб тосты записывать... а свадьба-то была между старой матёрой блядью и её волооким тупым ёбарем... кто-то там начал против Глеба и Сашки что-то пиликать... и против всех русских вообще... Глеб очень завёлся... гости глазками засверкали, движуху предвкушая... но когда Глеб встал из-за стола... тот дегтярь не встал... передумал идти на крутяк... обхезался... Глеб бабам свойским скомандовал и с ними вышел... а Сашка обратно мириться поплёлся... кирной Глеб возненавидел его тогда... в морду ему дал, когда тот вернулся... Сашка убёг... по другому берегу узкой речонки ходил... и камнями в Глеба издали кидался.

.....

...в Тбилиси у геолога попутного заночевали... так дружелюбно пел и крющон им варил... всё подливал и подливал... а среди ночи в кровать к Глебовой бабе приполз... по херу ему было, что Глеб в той же кровати спит... он Глебову бабу хотел с противоположной стороны трахать... Глеба не тревожа... Глеб вмазал ему один раз... но от души... тот лежал на полу и плакал... зачем они остались у него ночевать?.. утром смотрели друг на друга как чужие.

.....

...что это ему вздумалось так перед ней вывернуться наизнанку?.. уж бывало, высказывался на надрыве перед обожаемыми существами... чтобы лишний раз убедиться в отсутствии созвучия... а также прочей обоюдной тождественности и адекватности... знал за собой и словесную отрывчатость... когда более половины текста молчаливо пробегает в душе... а сказанные слова никнут кривыми вешками среди «половодья чувств»... косозубо и бездумно поперёк и неурядице поставленными... знал ведь, что нельзя себе откровенности позволять... ни с кем... более всего – откровенности!.. а тут... словно плотина рухнула... и понесло все окрестные палисадники с курями к последнему морю.

...и он, себя нездешнего вспоминая, лепил в пустоту... про ржавую арматуру... тёмные от солярки шпалы... про скривившуюся опалубку бетонных работ... раскуроченные столбы фундамента... горелые грузовики... друг на друга наваленные... за которыми того мужика втроём били... а тот тихо выл... на боку лежал... лицом у земли... дали ему ногой по башке... ещё раз дали... присели над ним, долдонили... снова били... ноги его из-под их бушлатов торчали... Глеб мимо шёл и смотрел, не понимая и не умея крикнуть... они увидели Глеба... и махнули ему: *канай, мол*... а он всё стоял... ну ему ещё раз махнули... он было мимо потащился... но вдруг остановился и окликнул их громко... один из тех повернулся и на него пошёл... Глеб кусок арматуры взял... стояли они друг от друга метрах в десяти... соображая... по-

том Глеб прочь пошёл... а тот стоял сзади и смотрел, как уходит Глеб.

.....

...на вокзале в Орджоникидзе... когда этот чухан к ним в ресторане подошёл... на бабу Сашкину посмотрел... сказал, что в морду ей даст... она, бедная, посерела лицом... а Сашка сидел и молчал... тут Глеб встал... нож в кармане нащупал... вытянул плоско вдоль ноги... заховано в ладони... чтоб лишние не узыркали... открыл его за спиной... лезвие в рукаве спрятал... и стал обходить стол... но там им не дали... много народа было... отошёл мужик... и Глеб сел обратно за стол... всё летело внутри... знал, что это только начало... а евоная походная дура начала смеяться из-за ножа... Глеб даже не обиделся... *она ж про то ни в кость не рубит*... а когда вышли на улицу – тот чухан ещё с одним ждали у выхода... сцепились впотьмах... Глеб сразу ударил ножом, и тот завыл... похоже, в руку... в кость пришлось, но глубоко всадил.

.....

...в Грозном к ним осетин приклеился... была тяжёлая вязкая драка на задах лабаза промеж поломанных судьбой деревянных ящичков... и никого вокруг... Глеб упорно соображал, как его по-быстрому положить... если сейчас какой осетинов дружок объявится, то ему (Глебу) будет

быстрая хана... осетин бил и бил сильно... пока не рухнул Глеб... об ящики, обитые железом, морду себе в клочья изодрал... скрепил кишку... поднялся... и ёбнул осетина ящиком с полного замаха... так что тот (ящик, не осетин) на щепки разлетелся... а Глеб вслед за ящиком этим куда-то мимо вперёд полетел... носом в тару... тут уплыло всё... а потом уже не было осетина... и его походная дева волокла Глеба по земле... как куль... платком с морды кровь вытирала... то ли осетин ему так дал, что башка поехала... то ли он своим ходом обо что-то ёбнулся.

.....

...и как однажды далеко в море заплыл... а когда повернул к берегу, вдруг усталость такая навалилась... совсем сил не стало... руки и ноги больше не слушались... и вдруг совсем полная немота упала на него... сладкая немота... не хотелось ни превозмогать, ни бороться... а вот от всей этой поверхностной херни плавно уйти тихим и покорным листиком в воды эти, случившиеся вокруг (сладость-то какая!) ...плавать там тайно и подводно... прибудным околодевшим топляком... китовые гулы слушая... ничего не мог поделаться с собой... так захотелось бросить всё навсегда... все малахольные береговые делишки... и больше не барахтаться... истому эту... истому небытия ощутить... пришлось палец до остервенения кусать... до крови... чтоб какие резоны на заднем плане засифонили... совсем не боялся тогда

смерти... ну ни капли... знал, что должно там, за занавеской, ещё что-то быть... ибо если всерьёз, то ведь ни один человек смерти не боится... то есть боится, но как-то не так, как боялся бы абсолютного конца.

.....

...а под Рязанью их на свадьбу зазвали... уж третий день свадьба шла... парнишка-жених вконец пьяный и умученный за столом еле сидел... клонился всё... молоденькая невеста... жена уже (третий день) ...его поддерживала и выпрямляла... оглядывалась беспомощно, словно подмоги ожидая... и глядела вокруг дикими испуганными глазами.

...по комнатухам трахались с открытыми дверьми... в огороде трахались... и в хлеву, в сене... Глеб видел, когда отошёл по малой нужде в скворечник и чапал мимо хлева... услышал такой судорожный храп... и решил, что лошадь умирает... может, по пьяни напоить забыли?... заглянул в хлев... нет... трахаются.

...а в доме – танцы вдруг... ни с того ни с сего... один муж оделся в женино платье, а она в его пиджачок и брючки... морковку в ширинку себе вставила... ботвой внутрь... и они так танцевали... щёчка к щёчке... и другие тоже по-разному выкобенивались... а ведь весело было!

...Глеба и его кодлу радушно обнимали и расспрашивали про Питер... Глеб персонально пил со многими хлопцами и любезно базарил... руки жал, по плечам хлопал, девкам

лыбился... ел прокисший (на третий день) салат оливье... а потом один из чуваков (не помню, как звали) приобнял его и сказал:

– ...да мы с тобой, паря, вместе такое!.. такое сотворим! – и обниматься полез.

...обнял его кирной Глеб и чмокнул от всей души... и вдруг ударило изнутри, что ничего никогда они вместе не сотворят... и уйдёт Глеб отсюда навеки... и никогда не увидит никого из них... никогда не сможет он быть, как они... и ничего не сможет никому из них сказать завтра... грохнулся он головой на стол... зажал голову руками и глаза зажмурил изо всех сил, чтобы не заплакать.

...тогда, пересекая Россию, ему орать в глубине души хотелось... выть и ногтями землю скрести... настолько всё было не так, как он думал... всюду – *не так*... и везде он был – *не свой*... но даже виду наружного подать не мог... надо ж было хоть как-то выглядеть нормальным.

...у Анны даже слёзы на глазах показались... так она жалела его... а потом сказала:

– ...всё... не надо больше... не могу.

...первый раз в своей жизни... не считая детского товарища с незабываемой фамилией Болванович (где ты, паря?.. отзовись!) ...почувствовал Глеб себя понятым глубоко и неостановимо... до конца.

.....

...уходя, в коридоре он прижал её у стены и начал целовать... она не сопротивлялась, но всё говорила своё: *нет... нет... нет...* и случайно, переводя голову между поцелуями, он вдруг увидел её рассеянный взгляд куда-то мимо... и вымученное выражение лица... словно она ждёт, когда же он уйдёт... тут у него ноги подкосились... рухнуло всё внутри... не помнил, как дотащился до двери и как шёл по ступенькам вниз.

...тоска наехала... одичало подумалось: *...ну вот и шкентель к тебе незаметно приполз... вязать надо с ней... всё должно было быть совсем не так... хоть немножко, но сказкой... и если уж не получилось теперь, то не получится никогда.*

...все ожидания рухнули в хлам... он придумал ту Анну, которая слушала его рассказы и плакала от них... оказалось, есть ещё и другая Анна, о которой он ничего не знал... *ей просто одиноко... вот она и открылась тебе... а ты навоображал.*

...так жалко было... сжимало сердце... хотелось, чтоб вот сразу, из ниоткуда эта девочка вдруг полюбила его.

...да любишь ли ты её?.. вряд ли... тебе нужна простая маринка, которая бы любила тебя... без рассуждений... ни за что... и была бы совсем твоя... как её собачка, Мулька... наверно, ей тоже так надо... вот она тебя в гости и пригласила... иди себе, Шишкин, иди... живи дальше.

Дом на Пороховых

...Юрка их на эту поездку сгношил... тот дом на Пороховых начали было разбирать с целью строительства местного гастронома... но разгром внезапно прекратили, когда обнаружили целую кучу икон и старых книг... позвонили в Союз художников и приказали выяснить... инструктор райкома сказал, что там жили *старообрядцы*.

...Коробкова и одного литературоведа откомандировали на экспертизу... иконы все были новодел... причём тоскливый базарный новодел... книжки были старые, церковной типографии... в основном сборники популярных молитв... Юрка с *ведом* на грузовике доставили их в кладовую Союза и написали две длинные уничижительные бумаги с подписями.

...однако в доме была масса резного дерева ручной работы... полки и встроенных шкафчиков... старинные дверные ручки и краны... наличники... печки с расписной керамической плиткой... Юрка разыскал там огромный медный самовар, керосиновую лампу и другие кунсты... нашёл плотно вделанный иконостас... пробовал из стенки выковырять... не дался без правильного инструмента... надёжно был встроён... люди для себя старались.

...сначала думали, что работяги вот-вот появятся снова... и укокошат руины... но нет... *уничижительные бумаги*

с подписями путешествовали где-то по инстанциям и тормозили разрушительный прогресс по данному адресу... Юрка зачастил в этот дом за разными древними финтифлюшками и приглашал друзей... Юля, жена Марта, загорелась идеей выламывать изразцы из печек и делать из них художественные композиции в рамках.

...днём прохожий люд любопытствовал... заходил в дом... интересовался и давал советы... да и Март кончал работу в пять... потому прибывали на Юркиной «Волге» вечером... орудовали впотьмах с фонарями... старались работать тихо... могла и милиция нагрять... Юрка, на всякий случай, бумагу из Союза с собой возил.

...все разбрелись по дому... кто куда... Юля углём метила предметы своего художественного вожделения... Март их аккуратно выковыривал стамеской... а она стояла у выхода с халдейскими корзинками и сторожила награбленное.

.....

...Глеб знал Марта (Витю Мартынова) ещё по школе... но там они мало общались... Март был крепким вихрастым напористым пареньком... занимался греблей, бегом и якшался со спортсменами... у Городецкого была своя компаща... но через несколько лет после школы Глеб случайно узнал от общих друзей, что Март попал в психушку... что его таскают на допросы в КГБ... и, заинтересовавшись, позвонил Вите и напросился в гости.

...оказалось, Март завёл шашни с разными диссидентами и отсидентами... давал им деньги в долг... пускал на ночлег и т. д... к тому времени его один раз уже задерживали... это произошло возле Петропавловской крепости... куда он притащился утром, чтобы посмотреть на написанный ночью на стене рavelина антиправительственный лозунг... на допросе, когда Витька откровенно признал свои знакомства, его чуть было не сунули в дело... но при детальном дознании выяснилось, что у Марта есть бронетанковое алиби... он был на дне рождения... проспал там всю ночь и ушёл утром... свидетелей – целый трамвайный вагон... в тот раз Витьку отпустили.

...но потом однажды Марта задержал милицейский патруль под Литейным мостом... где он лежал и плакал... сначала его доставили в вытрезвитель... там он долго и сумбурно рассказывал дежурному свой сон... ему снились в достоверных подробностях вьетнамские дети... как они живьём горели, обильно политые напалмом... по телевизору ожоги показывали крупным планом... и это застряло у него в мозгу... не мог спать... своей кожей чувствовал эти ожоги... убежал из дома... спрятался под мостом, потому что кругом был дождь... словом, для вытрезвителя он подходил по всем пунктам, кроме употребления алкоголя... пришлось отправить в сумасшедший дом... откуда, по счастью, его через пару недель выписали.

...впоследствии посадили нескольких друзей Марта...

сам Март ни в чём серьёзном замешан не был... но его имя часто мелькало в показаниях... выяснилось, что он знает практически всех *нечистых*... у всех был дома... и его тоже хорошо знают все те, кому лучше бы не давать советы правительству о правах человека... с тех пор Марта стали допрашивать в КГБ регулярно... он рассказывал Глебу про смешочки следователей на допросах... про их ласковую интонацию... про чай с лимоном... про сломанный замок в его комнате... про бутылку, брошенную в окно... про записку, подсунутую под дверь, со словами: *Убью тебя скорее*... про человека, который ни с того ни с сего вдруг подошёл к Марту в троллейбусе и сказал: *не иди впереди паровоза... там, где тебя похоронят, травка уже зеленеет*... а потом Витю Мартынова без видимых причин уволили с одной работы... с другой... с третьей.

...и тогда он исчез... от случайных знакомых Глеб узнал, что Март продал весь свой скудный скарб, пожитки и манатки, уехал в Сибирь и решил уйти в монастырь... они не виделись года три... вдруг слух пронёсся, что Март вернулся в Питер... однажды он позвонил Глебу и попросил помочь... Март!.. который никогда не просил помощи... обычно сам помогал другим... а тут на тебе... Глеб стремглав его пригласил к себе... и был удивлён при встрече... в школе Витя Мартынов был крепышом... но сейчас на Глеба смотрел не его одноклассник, а кто-то на десять лет старше... с залысинами на лбу... потухшими глазами и безвольным рукопо-

жанием... стал носить очки.

...Март жил у Городецкого пару месяцев... и Глеб обнаружил, что наконец-то нашёл собеседника, который мог понять то, о чём Глебу редко удавалось с кем-либо поговорить... с тех пор они стали видаться часто... постепенно Март стал вхож в Юркину компанию... а тот устроил его столом в Художественный комбинат.

...в Сибири случилась запутанная история, о которой Март не хотел рассказывать... очередь в монастырь оказалась покруче, чем на отдельную квартиру... он решил пойти в обход... устроился в монастырь внештатным лесорубом-сантехником... где-то под Иркутском... в конце концов за усердную службу был принят в братию... и скоропостижно произведён в завхозы... но потом что-то произошло.

...Глеб пару раз в откровенные минуты пытался расспросить его об этом *происшествии*... но каждый раз Март очень стеснялся... отделялся короткими общими фразами и менял тему... однако из многих недоговорённых фраз и бесед с Юлей у Глеба невольно сложилось, что Март поспорил с местным настоятелем о хозяйственных порядках... был обвинён в воровстве, совершённом другими... отсидел больше года... похоже, что регулярно ворующие трудники и послушники подставили Марта властям... всё это вызвало тяжёлое разочарование... и осталось по сей день глубокой незаживающей раной.

...после отсидки Март потерял прописку... и с трудом

вернулся в Петербург... жил здесь сначала нелегально... скитаясь по друзьям... вот и у Глеба пожил немного... а потом вернул себе прописку благодаря браку с Юлей... настоящему браку по горячей любви.

...после возвращения Март ограничил свои прежние диссидентские знакомства... и много времени уделял религии... Юля тоже сделалась очень религиозной, но в своей сфере... она была кришнаиткой.

...теперь диссиденты редко заходили к Марту, но квартира Мартыновых прославилась как тусовочный пункт неформалов... судя по всему, КГБ не оставил Марта в покое... разные странности происходили возле него... из Худкомбината его уволили без лишних объяснений, хотя он работал исправно... мытарствовал несколько месяцев... пока не нашёл работу в яхт-клубе... тоже столяром... за мизерную зарплату... в церкви, куда он ходил, вдруг стало известно про историю в Сибири... да ещё с судебными подробностями... о которых мало кто мог знать... по телефону неизвестные иногда звонили... говорили, что дети Марта на улице одни гуляют... а кругом машины ходят... мало ли что может случиться... Юля шёпотом рассказывала об этом Глебу... и с опаской выходила на улицу с детьми.

...несмотря на всё это, Глеб знал только два места в мире, куда он мог пойти в любое время дня и ночи, – это к Юрке или к Марту... Глеб никогда не сомневался в безграничной изначальной доброте, исходившей от его одноклассника Ви-

ти Мартынова.

.....

...а тем временем на Пороховых большой трёхэтажный деревянный дом, потревоженный браконьерским налётом, издавал разнообразные ночные звуки... натужно поскрипывал беспризорными болтающимися дверьми, шуршал обоями и кряхтел половицами... особенно под Юркой.

...Глеб створки из кухонной плиты вынимал... думал такой мини-бар себе сделать... плотно, суки, сидели на осях... струмента толкового с собой не взял... да и темновато было... такой аккуратный демонтаж с фонарём надо бы делать... злился Глеб на косную материю... не на шутку развоёввался с заржавелым железом, которое упорно стояло на своём... но тут снизу послышался истошный Юлин крик.

...Глеб в окно с выбитой рамой выглянул... и увидел, что какие-то мужики вытащили Юлю из дома и теперь крутят её, как куклу, посреди улицы... Март прогремел прохорьями вниз по лестнице... Глеб кинулся следом.

...на улице Март влетел в середину суматохи и вырвал Юлю оттуда... ему дали по морде... Март повернулся к обидчику и толкнул руками... ему дали сзади по голове... он опять повернулся... уже без очков... и снова толкнул кого-то... ему ещё раза в рог дали... и стали лупить сразу с нескольких сторон... мотая по кругу... их было человек шесть... или семь... кто их, бля, сосчитает впотьмах, когда

они туда-сюда мотаются.

...Марта повалили и били ногами... Леон раньше Глеба вылетел из дома... кинулся в гущу... принял каратистскую стойку, защищая лежавшего Марта... махался во все стороны... в основном мимо... но неутомимо... Глеб тоже рванул из дверей прямо в свалку.

...шопловые сразу вычислили, что Глеб – *тёртый калач*... и пошли на него вдвоём... Глеб урачен выдал, как учили – хлестанул переднего по лицу, отвлекая... и тут же, не глядя, со всего размаха дал ногой ему в колено... тот прозевал, конечно... и покатился в снег, колено жалея... Глеб пролетел вперёд на махе и заскользил по снегу... и второй чувак в паузе двинул Глеба по морде... обхватил его плотно, по-крестьянски... *в руки вцепился, сука... простору не даёт*... Глеб крутанулся по оси... дал второму ногой в живот... но тут ему сбоку такой жбан по башне отвесили... что Глеб чуть не слетел с копыт... в сторону его бросило... ногами беспорядочно перебирал, чтобы устоять... развернул своего вцепившегося супротивника... заслоняясь от нового удара... не помогло, всё равно ему по уху врезали, но не долетел удар... вполсилы пришёлся... мотанул своего вкруговую Глеб... *залип на мне, зуб гнилой*... кинул его от себя – на себя... трахнул мордой об колено... дал башкой в пасть... рухнул чуван... Глеб замахался раскидчиво туда-сюда по воздуху... пространство очищая... кинулся было на кого-то... тот улизнул... дал другому-третьему, к Марту пробираясь.

...Леон ветряной мельницей вокруг себя песочил... и воинственные крики испускал... толстый враждебный мужик на Марте сидел и бил его сверху вниз... Глеб дал тому сбоку в шею... хлёстко... от души... тот носом в снег поехал... но тут ему ногой, суки, сбоку впаяли... *не гнись!.. башку выше держи!.. секи по периметру!*

...краем глаза урюхал, что Юрка из дома вышел... темнея своей громадной фигурой... и двинулся от входа на авансцену событий... один деловик было дёрнулся на него... но Коробков одной рукой швырнул того на землю.

– ...а ну пошли на хуй, суки! – рывкнул на густых басах, показывая могучей ручищей вдоль по улице.

...драка сама собой распалась... все сразу всё поняли... словами дерзкими ещё метались... но задор пропал.

...пришлая кодла кучно собралась... пообещала завтра прийти и сотворить страшную месть... парень, которому Глеб в колено врезал, заметно хромал... и опирался на корешей... Март Глебу руку протянул... сцепились в замок... встал Март... Юля Мартовы очки в снегу искала... нашла... обняла его и в дом повела... Марту досталось... морда разбита... он шурился и кряхтел.

...притащили ящики и табуретки... уселись внутри у входных дверей (они же выходные) ...Глеб походную керосиновую лампу зафитилил... светила блёклым тёмно-жёлтым светом, кидая резкие тени... обозначая растерзанные обои, свешивавшиеся с потолка... обломки штукатурки

на полу... и коридорные дали с чёрными дверными проёмами... бездонными дырами выходов в никуда.

...Юля была вне себя и всячески ухаживала за Мартом... свитер на нём задираала... рёбра щупала... он крепился... но всё ж его били ногами... кривил лицо, когда она трогала рёбра.

...Леон перчатки снял... одну руку другой разминал... суставы разбиты... дрожали пальцы... Глеб зубы языком проверил... рукой прикрываясь... чтоб не видели... нормально было с зубами... помнили свои лунки.

...Юрка к двери пошёл... выглянул на машину посмотреть – проверить, чтоб не грохнули эти суки... потом фляжку из котомки достал... отхлебнул и молча Марту протянул... тот присосался и кадыком задвигал... Юрка отобрал:
– ...ну ты, стахановец... это ж НЗ для водилы.

...снегом руки помыли... Юля из багажника кастрюлю картошки притащила... замотанную в полотенца... ещё тёпленькую слегка... жадно ели... чай из термоса пили... и керосиновая лампа свет кидала, обозначая на лицах резкие тёмно-коричневые тени... «Едоки картофеля» Ван Гога... расслабились... почёсывались... спинами кряхтели и руки вширь разминали... заперезживали, давешние эмоции вспоминая... заулыбались друг другу... слова вставали неспешной чередой... и спокойная тишь гуляла по лицам... на улице никто не шёл... лампа из дверного проёма жёлтый свет на уличный снег кидала... светлая полоска песка посреди

ночного океана.

...Юля рассказывать стала... как подошли к ней... как заигрывали... как *лапать* начали... она их оттолкнула... её за руку из дома выдернули... за собой потащили... очень испугалась... а потом испугалась за Марта... и какой Леон молодец... и какой Глеб молодец... и какой Юрка герой... и Март – так храбро себя вёл.

...Леон умственные кружева строил... о суконных качествах тупых окрестных поселян... у которых всегда одни и те же две мысли и три желания... Март тихо возражал... молчали Глеб с Юркой.

...потом сообща дуван делили... маркитантствовали и демонстрировали коммерческую хватку... набазаренные цацки и безделки рассматривали... цокали языками, изображая понимание... к машине потащились... нагрузили полный багажник натыренным кунстом... и поехали развозить всех по домам.

– (*Леон*): ...но ты, Март, всё равно на зло ответил насилем... только насилие твоё было каким-то малахольным... поэтому тебе и досталось... пихать их недостаточно... это только раззадоривает на большее рукоприкладство... зло можно остановить только беспредельным ответным насилием.

– (*Март*): ...я виноват, что пихал их... только я не мог сдержать себя... и может, никогда не смогу... но я не мог бить по лицу... другого ударить – это всё равно что ударить себя.

– (Леон): ...Адольфа-то, как забодали?.. сплошным бес-пределом... и зверствовал при этом не только Сталин... но и *демократические* англичане и американцы... которые *невинных и мирных* немецких поселян днём и ночью неустан-но и безотлучно бомбили три года подряд... а в немецких городах к тому времени почти сплошняком были старики, женщины и дети... а после эти *демократы* совсем не ста-ли из-за этого как *нацисты*... значит, можно против зла использовать беспредел и не заразиться... Освенцим-то Ста-лин своим беспределом прекратил.

– (Март): ...Гитлер показал нам наши скрытые злые чув-ства... дал направляющую чёрную звезду... клеймо на лоб... а в том, что детей в городах бомбили... мирские богатства и жизнь – далеко не самое главное... я не могу это объяс-нить... может, в том была Высшая воля – остановить зло... я не знаю... не дорос ещё.

– (Леон): ...Адька и победить мог... ему бы после Ве-ны и Праги годочков десять твердыней постоять... никого не трогая и разлагая окрестные земли возможностью круто-го пинка... потом бы он все эти *угнетённые* народы на мет-рополии повернул... и стал бы во главе национально-осво-бодительного движения от колониализма.

– (Март): ...не мог он так... он родину больше, чем Бога любил... родину любить Богом указано по той же заповеди, по которой надо почитать отца и мать... но первая заповедь – это «не будет у тебя других богов...» А стало быть, Бога надо

любить больше, чем отца, мать и родину... нельзя из родины делать Бога... иначе обязательно появятся «евреи», «враги народа» и ненависть.

...ещё другую веру изобрели – гуманизм... то есть «Я» назначили Богом... и создали царство махрового эгоизма... любое зло называют добром, если оно хоть как-то приятно этому «Я»... у коммунистов свой божок – «Великое правительство»... оно всех осчастливит... и ради него неукротимо творили злодеяния... людское горе и убийства множили нескончаемо... и вот уж не осталось их идеалов... а есть только они сами по уши в крови так называемых «врагов»... да если любить что угодно больше Бога, то это – идолопоклонство... бесовское наваждение... пылких душой в адское марево уводит и рождает зло.

...а если Бога любить больше всего... то это значит любить всех без разбора... своих и чужих, цыган и негров, богатых и бедных, правых и неправых, злых и добрых, и всем желать добра... в этом и секрет Божьего Творения – в наличии всех этих лягух, червей, китов, работорговцев, олухов и совратителей малолетних в одном бурном аккорде... даже самых распоследних сволочей нельзя поголовно ликвидировать... ибо Творение должно быть таким... неправильным... неидеальным... лохматым... не знаю, как это называть... но в этом разнообразии и есть закваска будущего.

– (Глеб): ...ты вот, Март, говоришь, что, мол, надо всех любить... позволь широко заулыбаться над этим твоим пара-

графом... в наше кривое время души людские в таком трёпаном виде состоят, что счастием должна почитаться и ограниченная, временная любовь... к матери там... к сыну... к собаке соседской... к папиросам «Герцеговина Флор»... что-то делает в нас невозможной любовь.

...а если и влюбишься, бывает, то хочется или сдохнуть на этом самом месте, или задушить обожаемый предмет к ебёной матери... соображения отъезда... не соотносимые с данными координатами... помеха в нас какая-то сидит на пути к этой лучезарности... следовательно, любовь переживаем редкостными мгновениями... «чудными», согласно хрестоматии... то есть опять-таки не от мира сего... нельзя же бесконечно тянуть миг укола... и сразу после этого «чудного мгновения» проваливаемся в повседневные херовые бельмесы.

...вот меня лично интересует, любил ли Христос торговавших в храме в момент стеганья их ослиной плёткой... или Он любил их только до и после?.. сдаётся, что любил и во время... ну а если «сокруши рёбра сыну возлюбивому ради блага его» означает любовь, то тогда запретного и вовсе нет... ибо кто ж из нас, двуногих, злодеяния творит по какой иной причине, как не за ради *блага*?.. что ж тогда любовь, как не любое зло, совершённое с благими намерениями?

– (*Март*): ...нельзя без Бога узнать, что такое благо или любовь... смысл этих слов должен быть послан... открыт... или иначе как-то... я об этом даже говорить боюсь... даже

не пытаюсь назвать... но, когда я молюсь, я всегда точно знаю, что такое добро и любовь.

– (Леон): ...голубчик, Март, ты абсолютно во всём прав... но слово «*любовь*» тут совершенно неуместно... Глеб справедливо глаголет... любовь к соседской собаке... к театру... к солёной рыбе... всё это – разные чувства... с этим словом выходит бесконечная путаница... вообще из-за слов спорить не надо... они – такое тупое орудие... наши сердца гораздо богаче... мы всю жизнь разнаякие блистательные чувства в ограничительные слова переводим... а о Боге вашем – да смертным просто надо верить во что-то... это у них в генах, что не так уж плохо... ваша идея Бога уничтожает массу нелепых земных споров... у мусульман есть прекрасный ответ на все случаи жизни: *иншалла* – это оправдание всему и всегда... на всё обозримое будущее... зачем думать?

...как же всё-таки искренне и замечательно, когда какой-нибудь Менелай совершает гекатомбу и сжигает сразу сто быков... принося их в жертву Богу... а ведь быки – это богатство... быки – это еда... быки – это жизнь и будущее всей семьи... тут весь инстинкт самосохранения – против... вот Менелай и говорит своей гекатомбой: *любые богатства и самой жизнь отрину ради Бога!*.. зачем ему и прочим все эти христианские сложности?.. Христос принёс какую-то непонятную и глубокую истину... а европейцы очень даже натурально упростили её... и одели в свои языческие малахаи... одни в картинках и куклах всё объяснили... и назва-

лись католики... другие – в словах... и назвались протестанты... им не надо этого постоянного контакта... постоянных мурашек по коже... постоянных перемен... им просто нужно знать, что Бог выше любых мирских блестящих стекляшек... выше жизни... выше всего на свете... и вот, зная одно это, они уже будут хорошими.

– (*Юрка*): ...если Бог всё создал, то Он и дьявола создал... или уж, во всяком случае, знал, что какой-нибудь ангел превратится в дьявола... значит, так надо и надлежит терпеть... по уму всегда выходит, что нету дьявола... а сердцем чую: *есть!*.. конечно, Бог всех нас простит... ты же кошку свою прощаешь, чтоб она там ни выкинула... исключительно из-за пропорции... но моя душевная связь идёт мимо всех этих посланников, святых, угодников, мучеников и богородиц... а напрямик к Богу Отцу... этому изначальному, безумному и беспредельному художнику... который краски сам трёт, холст сам грунтует... мажет и снова поверх грунтует, и снова мажет... и работает не с кастрированными заменителями... а с живой плотью!

– (*Леон*): ...вот ты говоришь, *всех простит*... а я смотрю на Его физические законы, к примеру... и ни разу не видел, чтобы Его закон гравитации хоть когда-нибудь кого-нибудь простил или пожалел... если ты, Юрик, по пьяни вывалишься с балкона в квартире твоего всегдашнего собутыльника Балашова на восьмом этаже... из которой вы наблюдали милицейскую облаву на мясо-молочном комбинате... то

я не надеюсь, что какие-либо потусторонние силы изменят в лучшую для тебя сторону хоть один знак после запятой в твоём ускорении свободного падения... а если ты не веришь, что с тобой внизу случится, то можешь на кошке испытать... которую ты предварительно простишь.

– (Глеб): ...не надо ля-ля... у нас на работе один алкарь с бабой своей поцапался... и в окно вышел с пятого этажа... баба в ужасе вниз кинулась – тело получать... а тело это вылезло из огромного сугроба с кустами и попыталось на ноги встать... весь в крови, конечно – кусты его в хлам ободрали... но ни одного перелома, а?

– (Леон): ...да единичным случаем всё что угодно можно доказать... но у Вселенной свои законы... согрешил – получи... и вовсе не в наказание, а по причинно-следственной связи... если уж соприкоснулся с явной мразью и впустил её к себе в душу, то *наказание* в форме конфликта с Божьей гармонией наступает автоматически... и в эту стройную мою теорию прощение совсем не укладывается... его как бы вообще нет... но тут высовывается ехидна критического ума и говорит, что раз прощение по логике не получается – значит оно обязательно должно быть!.. потому что этот мир построен совсем не на логике... что опять же логично, а значит, всё может быть абсолютно иначе... тут возникает третья идея, что при помощи башки можно добраться только до утилитарных истин, а не до высоких... а к тем надо добираться каким-то иным способом... а каким – никто не на-

учил... так кого же мы тут ищем хором?.. при помощи чего?

– (Март): ...Бог приходит не через логику, а через сердце... и чтоб Его не знать... надо быть... уж не знаю каким помрачённым.

– (Глеб): ...именно с такими ты в автобусе каждый день и едешь... бормотать заученные словечки – это не значит знать... евреи тоже думали, что они с Богом на васях... а Он их рассеял по всей Земле.

– (Март): ...да они «не в изгнании, а в послании»... в поиске... в поучении через контакт... ещё Аврааму было сказано: «и в семени твоём благословятся все племена земные»... а изгнанием Бог показал, что нельзя бесконечно повторять одно и то же... они всегда за старое держались... и когда Моисей с Синая спустился с новыми заповедями, то его тоже чуть не прогнали... он во гневе даже скрижали разбил... но тогда они ещё смогли принять новую Правду... а когда Иисус пришёл – «окостенели их мысли»... а теперь и мы стали повторять одно и то же... и духовно совсем не растём.

– (Леон): ...все говорят о Нём так, словно это сосед по коммунальной квартире, о котором всё уже до зевоты доподлинно известно... резоны и мотивы Ему шьют... эдакое всезнание чудес и небес... да кто такой этот Он?.. что такое этот Он, хлопцы?!.. весь наш земной опыт – исключительно материальный... что мы можем знать о небесном?.. откуда?.. тут же начинается одна крошечная ощупь... и ну сопригаться в словах о невидимом и бестелесном!.. так вы ж

всегда правы будете... чем не счастье?! а значит, я снова не прав... и отвлекаю земных от их любимого занятия – беседы ни о чём, без толку и без пользы... вы же не можете просто сказать: *я этого не знаю*... для вас невозможно пожизненное отсутствие точного знания... хотя, по правде, именно так все и живут.

– (*Март*): ...да... так и живём... ибо всегда «мы знаем отчасти и пророчествуем отчасти»... но если мы все называем Его одним словом, и оно всем понятно без объяснений, то, стало быть, Он есть.

– (*Леон*): ...люди никогда не думают... они вечно чувствуют что-то, как собаки... подбирают факты под свою веру и очень обижаются, когда им указывают на другие факты... перпендикулярные их вере... Март, ну как можно было на-создавать такое количество олухов?.. для какой великой цели, спрашивается?.. а поскольку мы все сообщаем и есть Бог, то тут невольно выползает из кустов очень нехороший вывод...

– (*Март*): ...замолчи!.. как можешь ты?! есть вещи, о которых нельзя так легко... тебе надо всё сразу словами называть... обобщить... а значит, и справиться, воспребладать... возыметь власть, называя... тебе ж никогда ничего не откроется через этот умственный сумбур!.. пока правда не придёт, слов нет... как можно нахрапом... навалом... если тебе свыше не дано знать об этом?.. есть слова, которые нельзя просто так произносить.

– (*Юрка*): ...эй вы, агностики ёбаные!.. вы бы урюхали

хоть маленько... может, Богу трудно и плохо, когда в Него никто не верит?.. вот если бы в тебя, Леон, никто не верил?

– (*Леон*): ...нет, хлопцы, что бы вы ни говорили, а отношения этих землян с Богом – для меня сплошная загадка... так извращать суть любых Божественных скрижалей и всё считать себя верующими?.. это какую же асимметричную башку иметь надо?.. ты почитай Евангелие... христиан на этой Земле практически нет!.. есть только разнообразные секты самозванцев... всё – конец стёбу!.. моя станция... выходить пора... Юрок, подрули чуть дальше... минуя эту обильную лужу.

– (*Юрка*): ...три рубля двенадцать копеек.

– (*Леон*): ...в другой раз... и пустой посудой.

Олю привёл

...первый раз, когда Лёха пришёл с Олей к Юрке в мастерскую, он вёл себя напряжённо и сухо... видимо, боясь, что Коробков-старший или кто-либо из придворной шоплы отобьёт девку... или начнёт шутить над ними... но потом не выдержал... начал распорядителя из себя строить... наехал было на брата... получил в ответ мощного басистого «хуя»... успокоился и стал вновь нахальным самим собой.

...позже, убедясь в полной безопасности этих походов, таскал Олю в мастерскую регулярно... имея в виду произвести на неё впечатление заграничным видом городской оторвы... Лёха чинно и церемонно представлял подругу за-всегдаям коробковского логова... давая всем краткие возвышенные характеристики... Глеба он охарактеризовал как *с дворянским чувством вкуса*.

– ...угу, – буркнул Городецкий, представляясь, – «Чёрный Мститель Испанских Морей»⁶.

...Оля ответила мягкой улыбкой.

...посторонней мыслью Глеб отметил, что Оля держится весьма естественно... при знакомстве смотрит каждому в лицо... как бы вбирая что-то в себя... а потом скользит глазами дальше, не возвращаясь... эта ёмкость взгляда удиви-

---

⁶ Прозвище Тома Сойера.

ла его... и этот спокойный взор... как у баб на средневековых картинах... только смотрит повзрослее и позорче... есть сила во взгляде... по досужей молве, он Олю за давайку держал... и по Лёхиным рассказам именно так и получалось... но у тех всегда убитые глаза, а эта ещё живая вся... одета консервативно, без особых причуд... обтягивающий тёмный свитерок, тёплая шотландская юбка, сапоги... грудь, однако, держала прямо – напоказ... двигалась очень легко и плавно... *свободно ходит... словно голая... тело своё чувствует постоянно*, – подумал Глеб... инстинктивно начал её движения рисовать в уме... *прямой рукой о стол опёрлась... пальчиками одними... вытянутая рука... без усилия совсем... лёгкий наклон... такая упругая линия... и как бы дышит вся.*

...тут зазвонил телефон... Глеб вздрогнул... Леон кинулся наперехват... овладел трубкой... и обрадованно замяукал... елейно мёд струил... выпренно изображал голосом нюансы... на повышенных интонациях отмечал ударные места... внимательно слушал... дакал, как утка... и восторгался радостными междометиями чему-то сказанному на другом конце линии.

...Боже, как его девки недохнут от диабета?.. а может, с ними вот так и надо?.. нет, я так никогда не смогу.

...Глеб прошёлся туда-сюда по мастерской... Натали вчера звонил... оба мямлили что-то... занята... наверно, завела себе параллельного хлопца... Анне звонил – нет до-

ма... *вряд ли она сюда зайдёт...* одиноко стало... после того неудачного поцелуя он позвонил Анне через два дня... она обрадовалась... долго говорили... в конце концов забили стрелку на людном углу... не пришла.

...потом он как-то позвонил ей и напросился на визит... у неё оказались подруги... при них Анна обращалась с ним как с дальним родственником из деревни Горшки... скомкан был тот приход... Глеб пытался говорить... спешил, обрывал фразы... мелькал дальними малопонятными ассоциациями... застревал в порочных кругах... терял путеводную нить... обличал расхожие домыслы... летал на неверных воздушных... злился от подспудной уверенности в том, что никто и никогда его не понимает... но остановиться не мог.

...девушки не знали, как его выключить... молчали, мялись... стеснённо улыбались... смотрели друг на друга... а он неумоимо нёс замысловатую ахинею... эмоциями горел... словно на отходняк пошёл после плана... Анна пыталась прервать его рассказы... Глебу казалось, она ждёт, когда он уйдёт... что-то неказистое, недосказанное возникло тогда между ними... разборка созрела, но они её до конца не доиграли... Глеб сумел оборвать свой монолог... на часы закивал... и скоростно выкатился... остались едкие воспоминания.

...краем глаза увидел, что Оля рассматривает эскизы для гобелена в их общей рабочей папке.

...чего там рассматривать?.. так себе эскизики... Юрка

пытался поправить, потом рукой махнул и хмыкнул... Глеб понял этот хмык... цвета на пряже после окраски поплывут, как в прошлый раз, – и пойдёт вся гармония на хер... нельзя на оттенки ставить... нужен заметный резкий контраст.

...Оля листы перебирала... легко двумя пальцами на подъёме держа... *руки странные... она ж медсестрой работает... у них всегда натруженные руки... а у неё маленькие, чуть припухлые... свежие, как у графинь...* двинул к ней через зал... на руки глядя.

– (Глеб): ...приходила Оля с бутылкой алкоголя.

– (Оля): ...а кроме «испанских морей»... вас как... зовут?

– (Глеб): ...не вас, а тебя.

– (Оля): ...тебя, – улыбнулась ему.

– (Глеб): ...меня зовут торжественно и лаконично – Глеб.

– (Оля): ...я помню вас... тебя... с прошлого раза.

– (Глеб): ...почему ты всё время молчишь, Оля?

– (Оля): ...мы с Лёшей зашли... ненадолго.

– (Глеб): ...мне кажется, ты ждёшь чего-то... ты не жди...

ничего здесь не будет... мы всегда такие... ходим... сидим... болтаем... чай и водку пьём... ничего не происходит.

– (Оля): ...я жду, когда Лёша звонить кончит... он своих в Сосново гоношит.

– (Глеб): ...что, опять драка будет?

– (Оля): ...я ему говорила: *не звони...* но он же не понимает.

– (Глеб): ...ну да... твой прошлый, он – местный урково-

датель, насколько я знаю... и с ним лучше не связываться...
верховный злодей... районный туз в лаптях.

– (Оля): ...Лёша не знает, как надо... это не так делается... я сама должна.

– (Глеб): ...то есть ты сама должна его бросить.

– (Оля): ...да.

– (Глеб): ...но ты его ещё не бросила?.. ты с ним всё ещё спишь?

...она опустила глаза... потухла как-то... искренне застыдилась... совсем девочкой стала... не поднимала голову... сжалась внутренне... и послушно ждала, когда он ещё что-нибудь плохое про неё скажет... словно надо было, чтоб он вот такое говорил, а она – терпела.

– (Глеб): ...и с Лёшей?

– (Оля): ...да, – почти шёпотом... в пол глядя... подняла глаза... пусто посмотрела на него... но сразу же снова опустила.

– (Глеб): ...наверно, потому они и дерутся?

– (Оля): ...я знаю... я плохая.

– (Глеб): ...как того, второго, зовут?

– (Оля): ...Саша... но все привыкли звать Сашенька... я уйду от него, но... надо время.

– (Глеб): ...время-время... для всего надо время... а когда кончается это время, то кончается и жизнь... как если истратил все деньги... уезжай оттуда на это самое время... поживи у кого-нибудь... у тебя есть друзья?

– (Оля): ...я не могу так... тут мама... старенькая уже... на пенсии.

– (Глеб): ...то есть тебе помочь нельзя?

– (Оля): ...да это уже не про меня.

– (Глеб): ...а про кого?

– (Оля): ...девочку-соседку в карты проиграли... пятнадцать лет.

– (Глеб): ...что значит «проиграли»?.. убьют, трахнут?

– (Оля): ...тот, кто проиграл, её приведёт... разденет и привяжет... и кто выиграет... один за другим... ну, премьеры.

– (Глеб): ...а Лёша её спасает?

– (Оля): ...она соседка моя... у неё отчим-пьяница... лупил её... она ко мне прибежала... всё рассказывала... я помогала, чем могла... а тут недели две назад она пришла... Сашенька у меня был... её увидел и сразу так ласково с ней... и она с ним на балёшник пошла... я ей говорила: *дура, не ходи*... но она же ничего не понимает... думает, что ревную... я сказала, что если она с ним пойдёт, то всё – она его чувиha... и три дня назад он её, как свою уже, на кон поставил... кто-то выиграл и тоже поставил... ставки всё повышали... пока до премьеры.

– (Глеб): ...ты, наверно, думаешь, что это из-за тебя?

– (Оля): ...а из-за кого же?.. он нарочно это всё при мне делает... я знаю, что я плохая... из-за меня столько всего.

– (Глеб): ...поэтому ты хочешь ей помочь?

– (Оля): ...ей уже не помочь... тому теперь на ответ пахать надо... ну, если он не приведёт, его могут завалить... или ещё что-нибудь... он это знает... и приведёт... а Сашенька приказал, чтоб я её обняла и держала... привяжет её ко мне... ну, когда... ещё всякое нёс... чтоб я по головке её гладила и говорила, что я её мама... *мол, деточка, не плачь...* задумал себе кино.

– (Глеб): ...так ты туда пойдёшь?

– (Оля): ...нет... и ничего этого делать не буду.

– (Глеб): ...милиция тут, конечно, не поможет?

– (Оля): ...нет, конечно... ну, вызовут её, допросят... она же знает, кто наводку даст, того сживут... она козлить не пойдёт.

– (Глеб): ...можно писульку кинуть.

– (Оля): ...с неделю мент походит... а через месяц её... ещё хуже... отсрочка, конечно, но какой ценой... тут уже без игры пойдёт... всем трамваем... до третьей крови... и с пристратием... она ж теперь всё равно на интерес пошла.

– (Глеб): ...он тебя заставит как-нибудь, чтоб ты пришла.

– (Оля): ...изобьёт.

– (Глеб): ...но ты всё равно решила не ходить?

– (Оля): ...пусть бьёт.

– (Глеб): ...ну а Лёша, что может?... отпиздить Сашеньку?... он же блатной, его это не остановит.

– (Оля): ...я Лёше это и говорю... но он горячий и заводной... дурак совсем... и ничего не понимает... здесь не так

надо.

– (Глеб): ...а как?

– (Оля): ...ну не так.

– (Глеб): ...выходит, ту девочку всё равно трахнут... тебя всё равно изобьют... такой уж расклад... надо просто ни хера не делать... а вас обеих, интеллигентно выражаясь, оставить в покое, так?

– (Оля): ...лучше будет, если я сама попробую.

– (Глеб): ...да где тебе самой это остановить?.. этому тыщи лет!.. наверчено такими коленвалами через всю историю... а впрочем, спасибо, что ты хоть попробовать хочешь... в добрый час.

– (Оля): ...ты словно с кем-то борешься всё время... и тебе надо победить... но ты не огорчайся, Глеб... не всегда ведь можно победить... ты же знаешь, наверно.

– (Глеб): ...в общем-то, я перестал бороться... хотелка сохла... но тебе я завидую... ты ещё выходы ищешь... в твоём-то положении.

– (Оля): ...ты так со мной... по-военному... ты, наверно, один совсем?

– (Глеб): ...нет... не один... есть узы.

– (Оля): ...у тебя имя такое строгое – Глеб... а как тебя твоя барышня зовёт?.. может, Глебушка?

– (Глеб): ...нет, она меня так не зовёт.

– (Оля): ...а мама как зовёт?

– (Глеб): ...как ту девочку зовут?

– (Оля): ...Света... зачем тебе?

– (Глеб): ...в общий перечень на Судный день... когда припомнят мне всех по имени... кому я в жизни не помог.

...Глеб вздохнул и отошёл... Оля ему в спину посмотрела – *тугой мужик с работной походкой... слишком жёсткий... нету у него толковой барышни.*

...этот Глеб был какой-то не такой... все, кого она знала, хотели её... но Глеб вроде не хотел... мужики по-разному куражились перед ней... она видела, как они смотрели на её грудь... им нравилась её грудь... она любила потянуться эдак и подставить себя под их взгляды... сладкий озноб шёл, когда они пялились... но Глеб смотрел как-то иначе.

...она знала мужчин... спала со многими... ей постоянно надо было с ними спать... в этом было что-то, с чем она не могла справиться... иногда каждый день надо было... и не раз... так припирало, что хоть иди за мужиком к пивному ларьку и проси любого... шла и просила... и не только у пивных ларьков... она уже давно перестала стесняться... в глубине души чувствовала, что можно спать с разными мужиками и всё равно быть честной... в каком-то особом смысле... словно это – другая честь, никак не связанная с жизнью тела... она знала, что не сможет справиться с собой... ненавидела и прощала себя... *ты – просто сука... и течки у тебя, как у суки... а когда текёт, ты собой не владеешь... не хнычь и живи с этим.*

...в этом Глебе что-то задевало... он говорил о ней,

а не о себе... мужики редко так себя ведут... а ещё он говорил слова, которые она не хотела знать... ей трудно было думать про себя... обычно она не могла додумать до конца и сворачивала с полдороги... а он требовал ответов... задумалась Оля, когда Глеб отошёл... но тут из другого угла комнаты Лёха голос возвысил... чувствами засиял... он уж давно к Юрке кисой подплывал... честный молодой голос пробовал... мягкость характера проявлял... но сейчас решил пойти в бурную кавалерийскую атаку:

– ...Юрик, ну зачем вы вечно укоряете меня?! да ещё с таким матовым выражением лица... если натурально видеть всю подноготную людей... всю нестерпимую жизненную правду... то это можно вынести только в состоянии некоего забытья... вот вы, брат мой, избрали себе искусство и алкоголь... но, конечно же, вы не просто подзаборники какие... вы тут – культурно-пьющие... а я выбрал другие отвлекающие от реалий манёвры.

– (Юрка): ...слов-то порнушных, как мокрого белья, понаразвесил.

– (Лёха): ...мой брат, ты вызываешь меня на неприкрытый афоризм!.. слова твои, как иглы ядовитые!

– (Юрка): ...тебе, блядь, вечно штаны жмут... не дают простора душе в районе ширилки... а когда тебя, чалдона синеглазого, в гости взяли к отцу Ипполиту, то ты и там полез при всех чесать своего гондураса... и не под столом, а на диване, на общем виду... Ипполит перекрестился даже, нава-

ждение отгоняя... а женщины евоные на кухню гуртом ки-
нулись.

– (Лёха): ...Народная Воля... Чёрный Передел!.. какие на-
веты!.. Климент Ефремович!.. Забава Путятъевна!.. чтоб я
богоугодному лицу какой конфуз?.. да я – дядя самых чест-
ных правил... у Ленского спросите.

– (Юрка): ...промыслы твои мне видны невооружённым
глазом... мозги ты запудрить умеешь... как никто... за что ж
я тебя убить-то хотел?.. не припомню... ах да!.. на даче кто
опять нагадил?

– (Лёха): ...мой драгоценный брат!.. всё будет восстанов-
лено в наираспрекраснейшем виде.

– (Юрка): ...ты только пустые слова говорить умеешь...
а если мне вконец надоест с тобой пререкаться... то убью
я тя и всё... чтоб был мне вечный покой... словом, так...
кухню всю до небесного блеска отдраить... зубной щёткой!..
и потолок, понял?!

...Глеб сквозь стекло смотрел на замёрзшую Неву...
на набережной редкие такси с тусклыми извозчицкими ог-
нями... зенитные костыли троллейбусов на Васильевском,
устремлённые в небо... толстый иней на проводах.

...зазвонил телефон... Тростников ответил и стал сразу
орать в трубку решительными словами... супротивные аргу-
менты отрубая... чувства и настроения быстро менял... воз-
вышался над темой... матерился в сердцах.

...не позвонит... и не придёт она к тебе... что-то у вас

не так... прошлый раз налетели друг на друга в «Мухе» и пошли куда-то в кофейню... Глеб опять много говорил... Анна больше молчала... но когда вставляла несколько слов, то Глеб чувствовал, насколько ясно она понимала всё то, что он не смог сказать.

...Глеб видел, как Анна ведёт себя с другими... и знал, что их отношения совсем особые... будто они сто лет знакомы... и уж столько переговорено между ними, что теперь достаточно просто смотреть друг на друга... молча идти рядом, плечами слегка касаясь... казалось, он видел её насквозь... чувствовал её.

...настало так, что он не мог не думать о ней... смотрел на телефон и соображал, когда же она придёт домой, чтоб позвонить... казалось, ещё вчера Анна Гордон была запрятана в дальней камерке памяти... неощутимая среди мельтешения быстротекущих событий... а сегодня мысли о ней постоянно всплывали из ниоткуда.

Балёшник

...от дверей бурными голосами и шалой песней ударило... теплом и этим кислым знакомым запахом... Олю громко хором встретили... давно её здесь не было... сидели у длинного стола, уставленного снедью и посудой... и аляповато наряженная ёлка, как уличная девка, стояла в углу.

...Сашенька дал ей войти и сесть... и только после *заметила*... сдержанно и манерно кивнул через стол... в чёрной шёлковой рубашке сидел... часы с чёрным кожаным ремешком... в парикмахерскую ходил... завился странно... волосы чем-то подмазал... Оля с порога увидела, как все на него смотрят... он и впрямь стал другим человеком... смотрел вниз... но голову держал высоко и прямую спину помнил... девушка полная с ним была... за руку его держала... ногти ему и себе пилкой аккуратно шлифовала... он её по имени и отчеству называл – Еленой Николаевной... она тоже глаза всё больше вниз держала... говорила тихо... руками так плавно водила... но, когда к ней обращались, смотрела выпукло и бесстрастно... прямо в глаза... словно *кто первый моргнёт*.

...когда Сашенька заговорил с Олей, полная дева поняла что-то по выражению их лиц и стала смотреть холодно и сурово... Оля усмехнулась про себя... *новенькая... ещё ничего не знает*... услышала, как эта Николаевна шепнула Сашень-

ке:

– ...зачем она здесь?

– ...я ж не могу, если обещал, – сдержанно... отмеренно так... глаза неподвижно в стол... внебрачным сыном князя Юсупова от падчерицы Евдокии... покинутым на произвол судьбы беспутными родителями... и воспитанным старым слугой в комнатёнке под лестницей... но знающим себе цену и помнящим своё высокое происхождение.

...со стола кое-что уже было убрано... виднелись пятна на скатерти... сидели развалясь... головы клонили... с угла скатёрку загнули и в карты, конечно же, рубились... подросток мелюзга себя в мужиках пробовала и возбуждённо мельтешила... зубы друг перед другом скалили и морды щерили... барышни все поделены... сидят возле и ждут... на гитаре новый мальчик брэнчал... Мудей звали... то начнёт играть, то бросит... и колки вечно крутит... песни повторные, баламутные... старые и новые... а всё как раньше.

– *Меня маменька ругает,*

Тягька боле бережёт:

Как иду с гулянки поздно,

Он с поленом стережёт.

...давно сидели... бутылки полупустые... подспудно на-
кипело... (теперь не дай Бог кому чужому сюда сунуться).

– ...ты, сдвинь, крен бикосый.

– ...да тылом!.. сколько тебя учить, руковик хуев?

– ...боцман, я тя счас на полный бушлат застегну... буешь

в галюне очко шлифовать.

– ...а Оленька вся в наряде... слов нет смотреть на тебя... и шарф мохеровый.

– ...не завидуй, Нинок, всю тебя в мохер одену... и рейтузы в обтяжку тебе куплю.

– ...не... сверху до пупа – чтоб голая... а снизу – одни мохнатые рейтузы из мохера... как медведь... и с прорезью... чтоб сзади трахать.

– ...хер один от тебя, а не мохер.

– ...тож-же немало.

– ...не прижимайся ко мне яйцами, у меня губы покрашены.

– ...ты разбила моё сердце ржавую лопатой.

– ...Оленька, голуба, вам подушечку под это самое подложить?... вот сюда на диванчик... а то мы кировать будем обширно и можем чего не соблюсти.

...Оля улыбалась всем... говорила немного... сначала легко стало... это была её компания... и было как всегда... хорошо, что он эту бабу привёл... а то бы возле него сидеть весь вечер и малейшие движения ловить... а так можно второй постоять... вид подчинённый поделать.

...Сашенька недвижно молча сидел... через стол иногда взглядом шурился... улыбался барышням... не спешил... но Оля знала, что если он с ней заговорит (непрерывно тихо), то это пропустить нельзя... но тут он в разговор с Беговым пустился... и она облегчённо вздохнула.

– (Сашенька): ...я ж посреди тлятуару иду... а Многовик стоит у ларька и сурло воротит... словно он меня в упор не видит... мне ж самому подойти пришлось... на целых три шага в сторону... а когда спросил про Хворого, в фишки со мной играть решил... газету толкать начал.

– (Беговой): ...Полтора Ивана знаешь?

– (Сашенька): ...ну.

– (Беговой): ...тепицких собрал и на дачи в гости ходит... рулилам туда марух возит... эта вся дорога теперь его... и «Горка»⁷, считай, тоже... ну, они там думают, что за ними гэбло... что они сами по себе... но без него им теперь никуда.

– (Сашенька): ...конкретный пацан... себя не обидит... а Турухан что?

– (Беговой): ...пиздой накрылся... тихо и верно... в одну ночь... вечером ещё со своей Катькой на жигуле туда-сюда катал по Приморскому... а наутро Кося к нему в окошко тукнул... а там бумажки уже на полу покиданы и мебель пустая... никто не знает, где он... тут не Полтора Ивана, тут кто-то побольше... за ним много чего тянулось.

– (Сашенька): ...душистый был человек и хороших кровей... кто ж теперь за гетмана?.. барахлина-то была немалая?

– (Беговой): ...да как-то расхватали по мелочам... но Полтора Ивана больше всех.

– (Сашенька): ...прямот-таки вышло само собой, а?...

---

⁷ Ресторан.

и посреди всеобщего аплодисмана стал главный рухалла... угловой... знатно он вас окучил... а вам-то что перепало на общий раздербан?.. похоже, порассыпались вы, окуньки... дорога-то от Дегтярёва наша была... ну в натуре?

– (Беговой): ...против дач не попрёшь... сам знаешь.

– (Сашенька): ...ты мне дачами не тычь... ты ж шелестел: *рулилам возит?*.. это четвёртый эшелон.

– (Беговой): ...ну, рулилы-то, может, не себе... а так... ма-клатчат... а нас за последний год сапоги три или четыре раза мохерили... мы алтын понесли, а они не берут... говорят, им с дач не велели.

– (Сашенька): ...если подмаз не сунешь – ты повис... найди, кто возьмёт... разные концы найди... понял?.. Цыгана из Сестрорецка знаешь?

– (Беговой): ...в Питере он... наверх пошёл... может, и в Смольном.

– (Сашенька): ...да ты никак ничего не можешь?.. что ж ты такой тихий стал?.. ну полная мешковина.

– (Беговой): ...ну я не говорю, что не могу... я пойду.

– Где-то среди леса, среди леса

Шёл по спецэтапу эшелон

Вдруг на перегоне загорелся

Пятый сзади с зэками вагон.

Видно чифирнуть решили зэки

Караул вагонный крепко спал...

Ну а поезд мчался среди леса

Следуя на Западный Урал.

— ...ну, сядь рядом, Машенька, сядь сюда, лютик... вот по ручке его погладь.

— ...ей рядом нельзя, она сегодня на мокряк пошла... ха-ха.

— ...ты у ней ватку вынь... мы тебе румяна на щёчках делаем.

— ...ну зачем ты, дурак?!.. кто тебя просил!

— ...да ты сама говорила, что каплет, когда к тебе этот кучум лез.

— ...кто кучум?.. я тебе счас весь нюх распахаю!

— ...не бей его пока́ся... оставь на другоря́.

— ...хавло об стенку не сломай... ты, уёбище!

— ...кашалот... жопой в рот.

— ...ты шо, мартемьян?.. со свай сошёл?!

...Сашенька, всё ещё вниз глядя, палец поднял... заткнулись на полуслове... руки поопускали.

— (*Сашенька*): ...вы тут совсем дикие стали... просто локшёвые лобань и безлошадные алтушки... ре́гулу ни одна постная рожа не блюдёт... *колыван*, ты ж девочку обидел.

...тишина поползла... все подобрались как-то... и разбитной парнишка призывного возраста... только что так весело шутивший... вдруг завис... растерянно по сторонам залыбился... но сочувствия не встретил... и ликом ушёл в песок.

— (*Сашенька*): ...Машенька, иди ко мне, голубь... ах, какие у нас розовые щёчки... ну что ты за прелесть... ну иди

ко мне, иди... не слушай его, сиваря дремучего... ну приголубь... приголубь... смотри, *колыван*, какая она нежная и юная... а ты жентельменом с ней быть не хочешь... ай-я-яй... ну что мы сделаем с ним, Машенька, а?

– (*Машенька*): ...это... он это сейчас только такой... когда при всех.

– (*Сашенька*): ...ну что ты хочешь, чтоб он тебе сделал?

– ...да он-то ей уж всё что можно сделал... ха-ха!

– (*Сашенька*): ...мы на американку его пустим... Мудя, скинь-ка мне цветуху из стоса.

...Мудя заспешил... колоду тасовал... карты поправлял... вытащил одну... сразу к столу прижал рубашкойверху... и сунул Сашеньке... Сашенька её аккуратно поднял... со стороны рассматривал... повернул к парню тому:

– ...ты видишь, *колыван*, красная масть тебе вышла... а это значит – эдельвейс.

...девки в кодле захихикали... *колыван*, весь бледный, в пол смотрел... Машенька серьёзное личико сделала, своего елдаря копируя.

– (*Сашенька*): ...лапочка моя, ты знаешь, что такое эдельвейс?

– (*Машенька*): ...ну... цветок.

...грохнули девки за столом... хлопцы тоже залыбились... плечи разминать стали... баб к себе прижимать... вспоминалось со сладостью.

– ...ну, идём, моя киса, я тебе на ушко шепну, – Сашенька

наклонил её головку к себе и доверительно шептал.

...она слушала, глазки опустив... прыснула потом... озорно кинула взглядом, всем просияв... смутилась и опять скромно глазки потупила.

– (*Машенька*): ...сейчас не надо... а пусть лучше не говорит такое.

– (*Сашенька*): ...ты слышишь, *колыван*?.. выручила тебя твоя девочка... а противиться ей я не могу... иди встань на колено, ручку целуй и извиняйся... да не так... Веник, покажи ему.

...Веник (шестёрка местная) выбежал и стал делать балетные политесы... все заржали... *колыван*, как мог, на колено встал... неуклюже вытянул шею и поцеловал Машенькину ручку... на Сашеньку посмотрел... Сашенька только устало рукой махнул:

– ...ну хоть бы кто на камер-юнкера тянул... а это ж была самая низшая должность... Машенька, цветок мой, ты мне потом на ушко шепнёшь, как он себя ведёт... потому что нехорошо девочек обижать.

...разрядилась тишина... бабы одобрительно захихикали... Мудя гитарой забренчал... загудела турма по-новой... вид сделали, что сошло.

– *Я убью его, милая мама,
Тем кинжалом, что он подарил,
Обагрюсь его кровью я алой,
Чтоб девчат он, как я, не губил.*

– ...помнишь, мы тогда с Кухариком в Лисий Нос приехали... вот там у нас с ней и завертелось... Лобан с той плотненькой всю ночь отпахал... как стахановец... а я на этой ляле уже все зацепки расстегнул и пупырышки пощупал... крутой, бесстрашный бабеч!.. так навстречу пошла... только дай... я мимо всей репы скажу, если бы не те двое, то...

– ...да вовремя слиняли... это ж их торф... тот аргамак, бля, свистнул бы только... и в айн момент остались бы на голье... я заебался жопу рвать, когда нас всегда два к шести.

– ...я его ещё найду, суку... когда мы линяли, этот тутель уже на неё мони раззявил... а я ему говорю: *отрыжкой не подавись*.

– ...кто там на чикарике?.. плесни в носок... осьмушку завари.

– ...да это ж всё мимо вымя!

– *Рыжсий фриц всё чаще приходил,*

Шоколад, конфеты приносил,

И она довольно рада до конфет и шоколада

И тому, что фриц её любил.

– ...ты ж не слушаешь ни хуя!.. те двое, которые с садунном ейным были, снялись и ушли... ну а эти бабы ему тюльку гнали, что она, мол, счас придёт... разговоры нежные вели, и обхождение началось... ну а он, бля, в тепле киселём потёк... а те табаку в вино по-тихому... и чтоб уж насовсем – водку стали доливать... ну он с катыхов... так они его через коридор катили... на стуле с колёсиками... в другую комна-

ту, где на праздник уехали... там – на кровать... нитками мулине по рукам и ногам к кровати примотали... а когда очнулся – рот заткнули и за дело.

– ...я тя не даганяю... что ж он, фишер, порвать их не мог?

– ...я те грю: последовательно прикрутили!.. нитками по всему тулову... два дня лежал весь обтраханный... они ему туда из медчасти судно таскали... а чуть заголосит – клубок с нитками в пасть.

– ...да я б их, сук, размыл начисто!

– ...а как у него, стоял-то?

– ...ну, они ему отсосут не до конца... ниткой перетянут... и на него верхом... и водкой поили.

– ...не, я смотрю, местами у него жизнь была ништяк.

– ...он потом два дня в общаге мебель крошил... и понад-тыкстрашному матерился... а они, суки, попрятались.

– ...а евона клавa, когда вернулась и узнала, так с этими суками махаловку устроила... но знаешь, как все бабские разборки... а у него с тех пор с ней разладилось.

– ...тоже мне, килёк давлённый... бабам сдался!

– ...это мотря кахёркие бахёрбы.

...ржали все... Сашенька улыбку мягкую сделал... сидел прищельцем в спокойствии чинном и был занят посторонней думой... но снисходил и был милостив к окружающим... почти не пил, правда... Оля подбородок на стол на руки положила и смотрела на него... знала, что подойти нельзя и говорить тоже... ждать надо... он медленно глаза поднял на неё:

– ...что, дворняжка, мириться будешь?

– ...буду, – улыбнулась ему... голову на стол щекой положила и глядела искоса.

– ...старенькава захотелось... жди тогда... и до тебя очередь дойдёт.

...по посадке и манере его поняла, что сейчас ни в чём нельзя ему перечить... уж сделал того пацана напоказ... потом, один на один, ещё можно будет.

– *Мадам хохочет, поручик хочет*

И все застёжки трещат по швам

И началось здесь дрипер турцер

Дурцер герцер нарцер верцер

перваксан шишика с перцем перволит.

– ...Хома, он опять из-под низу таскает... чё это у него там в кулаке?.. такой маленький кацулик... клеит тузей небось втихаря... помпей-химик.

– ...руки выложь на стол, мотыль сучий!

– ...иди на х... засадили штуцер, так расслабься.

– ...я в ахуе от тебя, муфлон педальный!

– ...чё ты сощурился, как задница?.. мальчика козырного не видел?.. у меня их полный иконостас!.. ха-ха.

– ...не колупь грызло... колбаса с глазами.

– Куды седьма чулок монета

Хиляешь ты наперекос?

Тебя надену я за это,

И не спасёшься, недонос.

– ...Барклай тогда на спор в банку из-под майонеза начал... помнишь, казбек этот... который с вокзала с мешком травки тащился... на такси ехал и пах... и весь дом от него, на хуй, пропах.

– ...а вы, суки, из его спермы себе маски понаделали и склизкие целоваться лезли.

– ...рукой у него брала, так это ж пальцами вперёд не обхватить.

– ...ка-ак ты брала?.. а Тёшенька твой?

– ...не, ну только потрогать... он, натюханный, всем давал подержать.

– ...Галеньке дай подержать... она уж второй час млеет, синеглазка наша.

– ...иди, мой сладкий, иди рядом... сисей прислонись... ну, иди, не строй куру... ах, волосики какие.

– ...ну не надо тыкать так рукой... уйди, дурак... Толя, скажи ему.

...Сашенька головой плавно в сторону разговора повёл... интерес изобличая:

– ...эй ты, шоха... то ж прямым углом не в цвет... я вас, новых, искренне не фаямаю... вы что?.. Тору больше не читаете?.. иди, Галенька, я тебя по головке от них поглажу... куклёнок мой... бубленька... ты же знаешь, что все мальчишки – дураки... а ты чё, козей?.. всё сумлеваешься, как девушки устроены?.. к барышням с фаянсами надо... платочек расписной какой принеси с пряником... чему вас в гим-

назиях учат?.. зря вам греческий отменили.

– *Пыльной забытой дороженькой*

Между лохматых могил

Добрый и ласковый Боженька

Нынче во сне приходил.

Боженька, ласковый Боженька,

Что тебе стоит ведь мне

Глупой и малой безноженьке

Ноги приклеить во сне.

– ...ну, идём ко мне сладкими булочками на колешу... будешь ласковой кисой, я тебе бусы дам.

– ...«по тебе скучала – прыгала с причала»... не люблю, когда ты лезешь, как дурак.

– ...ну потом... хорошо?.. ты ж всегда хорошая, когда потом.

– ...вечно при всех гадости говорит... а когда один, то совсем другой.

– *На суде вдруг увидел*

Свою бабушку в зале,

Подошла она робко,

Тихо внуку сказала:

«Ох, какой стал красивый,

Похудел только очень... —

И, вздохнув, прошептала:

– Как же это, сыночек?»

– ...ну что ж ты, ананий?!.. опять за листы не в свой раз

схватился.

– ...его сдача... ты, мохра.

– ...счас... его... жди, когда я тебя застегну на прицепе.

– ...плевал я на твой прицеп с трёх шагов меж выбитого зуба.

– ...отойди, линкор, рыба идёт зелёная.

– ...заглоти на всасе, манюня.

– ...чё ты там скатерть-то натянул?.. мухлюешь, пензик.

– ...во, бля!! на гвоздя очком сел... и сверху козырного фраера!

– ...я те говрю, он тузей клеит.

– ...жирно срать будешь.

– ...закрой верхнее очко.

– *Я не стерпел такой обиды,*

На аксельратор надавил,

И с полной скоростью машины

Того я гада задавил.

Прощай, жена, прощайте, детки,

Прощай, любимый мой гараж.

Прощайте, други-мотористы,

Я не увижу больше вас.

– ...Пантюша, стелька тощая, уж полчаса, как за фанерку со своей босявкой ушалманил... тащи его за пятку, пиздокрыса лапшёвого!

– ...а помнишь, как он на Новый год шкафом дверь припёр?.. в нашу единственную интимную опочивальню.

– ...он тогда с Людочкой был... я бы с Людочкой тоже припёр.

– ...у ней же, бля, недра ненасытная!.. она как вздыхать пошла... я, блядь, фигуристом, жопой накрывшись, под потолок улетел... а знаешь, какой у неё там мускул?.. даже качать не надо... как в руку взяла и доит.

– *Есть среди вас продажные скотины,*

К немцам вы ложились на перины,

За конфеты вы смеётесь, за чулки вы продаётесь,

Вот, друзья, вам ясная картина.

– (Сашенька): ...я ж тебе ясно изложил, куда рыть надо: на Самару выйди... и Баширу шпаргалку скрипни... рогами пора шевелить... а ты?

– (Беговой): ...тык они к тебе не пошли, потому что тебя в часть таскали.

– (Сашенька): ...да, по елунде то было... менты поначалу проходу не давали... ряботать, мол, где-то надо.

– (Беговой): ...а кто тебя в лабаз сунул?

– (Сашенька): ...Лялька... одна супротив всех... там толчок образовался на это место... но с Лялькой не поспоришь.

– (Беговой): ...ну, это не баба, а бульдозер... а ты чё?.. был с ней?

– (Сашенька): ...да не... старый должок.

– (Беговой): ...не такая она, чтоб ей долги поминать.

– (Сашенька): ...ну, этот она сама помнит.

– (Беговой): ...Беня у неё теперь все дела крутит.

– (Сашенька): ...все, да не все.

– (Беговой): ...её уж за ворота к маршалам пару раз вызывали... с ними у неё дела... а с нами она больше мараться не хочет... лабаз ей тоже теперь до фонаря.

– (Сашенька): ...я заметил... говорю ей, *желаю зайти с духами и цветами*... а она своё *потом* коротёнько бросила... и полный оверштаг... ну, я понял, что это расчёт... совсем-то меня отфуфырить она не могла... ну хоть целковым замудоханным откупилась... да и мне с ней не резон сейчас вразрез идти... если бы Дегтярёво наше было, то мы бы с ней иначе поговорили... а сейчас... кто мы ей?

– (Беговой): ...но тот лабаз у железки ещё наш.

– (Сашенька): ...без дороги тебя оттуда как соплю снимут... ревизия теперь тебя тоже в упор не видит... про Полтора Ивана мне найди, где бывает... где халя евоная... пора его удивить один раз.

– (Беговой): ...ты зря вот так напрямки...

– (Сашенька): ...я тебе сказал: *найди*... и смотри – не бути на сторону... наши с ним дела для тебя пока – туман... пусть так и будет.

– (Беговой): ...но не с хали же?.. он же копыта оборвёт, если узнает... я мог бы через людей... тусануть маляву.

– (Сашенька): ...я сказал: *халю найди*... и не бери в голову, зачем она мне – не твоего ума дело.

– (Беговой): ...видел её пару раз... из Питера она, говорят.

– (Сашенька): ...ну вот... ты уже и адрес знаешь... а стес-

нялся.

– Я шабер носил за голяшкой
Скрипучих своих хромачей,
Имел под рубахой тельняшку —
Подарок одесских бичей.

– (Кабанчик): ...ну, чё ты там на мой фарт написал?.. под-
нял на брудершафт... с Галенькой!.. ништяк!.. да, за такие
чудеса.

– (Толян): ...ты, гондон штопаный... ты откуда картинку
вытянул?!

– (Кабанчик): ...ну, чё бурлы пядишь?.. семёрку сбросил,
и джек при тузе... панорама ясна?

– (Толян): ...там джека не было!.. джеки уже все ушли!..
сиди стройно... на шмон пойдёшь... коцаные стирывсунул.

– (Кабанчик): ...чё ты моргаешь?! плювень в бельмо по-
пал?

– (Толян): ...вынь всю колоду, арап хуев!.. вертушки ле-
пишь.

– (Кабанчик): ...будешь лязгать, я те конопарики повыл-
даю.

– (Толян): ...тож вынырнул из парашаи и сразу мотю ты-
рить.

– (Кабанчик): ...срыгни в туман... гребун кошастый!

– (Галенька): ...нет!.. Паша, не надо!.. Толь, скажи ему!

– (Толян): ...не лезь к ней, я сказал.

– (Кабанчик): ...ты ж её сам, сука, на кон поставил... убе-

ри гребло... я тя на жмоть зацежаю... хребет погну!.. на чистяк!

– (Толян): ...да я тебе всю фасю размахую!.. твои мозги ложкой с пола собирать будут.

...выигравший, Паша – крепкий, приземистый, с короткой шеей, кабанчик такой... накидыш выкинул... маханул им по воздуху два раза... под носом у второго... а второй, проигравший, Толян, тоже перо из кармана рванул.

...Сашенька медленно голову поднял... посмотрел на обоих со значением... враз ослаб натяг... опустились ноги.

– (Сашенька): ...прямо мне в ухо ботву лепят... развели гнилой базар... и меня расколебали... (Кабанчику): ...ты когда орёшь, у тебя изо рта брызги летят... в общий салат... что нам на это санэпидстанция скажет?.. поклади кёсарь... на стол, я сказал.

...Кабанчик осторожно, глядя на Толяна, положил нож на стол... Толян посмотрел было на Сашеньку... осёкся взглядом... тоже положил свой нож.

– (Сашенька): ...мы ж тут по-братски... сегодня у нас красный уголок и изба-читальня «Северная Пальмира»... чистой воды праздник... со скоротечными и пока что неубиенными нашими попутчицами по жизненному пути... и вдруг какие-то братоубийственные речи и угрожающие предметы... прямо возле меня... думу сбили... где ж тут у вас уважение к седидам и дедидам?.. ты эти два обод-

ка на рукоятке видишь?.. была деловая вещь... пока к тебе не попала... по пустой шняге нитки рвёшь, понял?

...Сашенька шило взял со стола... пальцами погладил... изящно покрутил... поиграл... обратно положил... на склочников уничижительно глянул... те друг на друга зыркали... соком наливаясь в ожидании.

– (Сашенька): ...ну?.. парашютисты от слова «*парашиа*»... что теперь с вами делать, сохатые?.. если по рёгуле: *достал пису — рисуй*... только если вы нам балёшник похерите, то мы вас, – взглядом жёстко повёл... пальцы мял, словно давил в руке что-то... но сменил тон на отеческий, – в следующий раз не пригласим.

...вскинул рукой... отрезая... рукав его шёлковой рубахи птицей метнулся... отменяя их обоих... как оплеуху дал... жёстким голосом:

– ...в коридор! – глаза опустил, как если бы был обижен в лучших чувствах.

...хлопцы ножи со стола похватали и выкатились за дверь... сцепились в коридоре... кодла к дверям смотреть кинулась... Сашенька через стол на Олю взглянул... как бы на разговор вызывая... она улыбнулась ему... но нет, он отвёл глаза... кивнул Венику:

– ...скажешь демонам, чтоб не до конца... а то победителю бубенцы вырежу.

...шестёрка в дверь кинулся... новость доставлять.

...в коридоре драка шла... но там тесно было... дверь

выходная громко хлопнула... и кодла покатила за дракой из коридора на улицу.

...Кабанчик пёр и пёр на Толяна... а Толян – порывистый, нескладный, длинный, в белой рубашке, вывалившейся из штанов... как олень молодой... отчаянно кидался на Кабанчика и отскакивал обратно... оба уже окровавленные... широко махались и кинжальные выпады делали... вдруг, как сговорившись, бросились один на другого и покатились в снегу, обнявшись... порошу вздымая... друг дружке руку с ножом выкручивая... Кабанчик бульдогом вцепился в Толяна... а Толян его коленом под дых бил и бил... жилы до предела напрягали... руки выворачивали... чтоб до ножей достать... резались молча... рычали и выли... пятна крови от них по снегу.

...разлепились... пар от них шёл... вскочили и лезвиями широко махались... снова друг на друга кинулись... и разлетелись... тут Кабанчик быстренько ножом засверкал, направления меняя... быстро-быстро заметелил... задёргался Толян... не зная, откуда удар пойдёт... ногами переступал неуклюже... попёр Кабанчик на Толяна... чиркал и чиркал по воздуху... вперёд, как шпагой, тыкал... обманки кидал... плавные круги лезвием давал... паузы делал... вдруг морду искажил... заорал и резко кинулся вперёд... буйно хлеща ножом во все стороны... полоснул Толяна... и пока тот опешил – ещё полоснул... тут же отскочил... красной полосой прочеркнуло по белой рубашке... завыл молодой олень и пока-

тился по снегу, зажался, живот зажимая... а Кабанчик опять кинулся на Толяна... чуть не всадил в спину, но ему уже руки ломали.

— ...Сашенька не велел!

...Кабанчик вывернулся... лицом полыхал, ни на кого не глядя... но порох уже прогорел... стоял посреди упрямым огнедышащим пеньком, обламывая себя... словно ждал чего-то... под ноги смотрел и тяжело дышал.

...Галенька, девочка Толяна, кинулась к своему раненому мужику... и ещё две девки из кодлы рядом на снег присели... холили его по-всякому... длинный скрючился, хрипел и глухо ревел.

...Кабанчик постоял... плечами передёрнул, словно от холода... медленно внутрь пошёл... кодла длинного подняла и внутрь потащила... он валился... еле ноги переставлял... голову запрокидывал... волокли его кое-как... он скрёб полусогнутыми бессильными ногами по снегу и по полу в коридоре.

...в комнате Кабанчик за стол было грохнулся... рассеянно взглядом шарил... ёрзал... порезан во многих местах... но не чувствовал ни хера... всё ещё полыхал... девчонки его на кухню увели... мыть и латать... Толяна на диван положили... рубаху растёгивали... он выл и не давался.

...Сашенька Венику пальцем на дверь указал:

— ...снег затусуй, чтоб кагору ни капли.

...шестёрка рысцей кинулся в дверь.

...Оле кивнул на длинного:

– (Сашенька): ...заштопай... ты знаешь.

...Оля у трюмо нитки с иглой нашла... на кухне – спички... у Машеньки – ватку... водку со стола... из комода рубашку вытащила... пошла к дивану... Толян за живот держался... еле руки отодрала... рана была резаная и поверхностная... это подождёт... пусть держится... Оля по нему везде шарила... много мелких порезов... у левого плеча колотую рану нашла... небольшую, но глубокую... из неё тугими судорожными шматками выходила тёмная кровь... ватку туда вставила... выше предплечье ремнём перетянула... теперь и за живот можно приниматься... кровило там по всей длине.

...ребят попросила, чтоб держали... водки Толяну дали... подушку диванную углом в пасть... Оля водкой рану залила... взвыл и забушевал длинный... закрутился... *пусть воет*... ребятам сказала, чтоб воли не давать... те Толяна прижали... нитку в иголку вдела... на спичке обожгла... наложила стежки поперёк... выл длинный, подушку зубами рвал... знала всё наперёд... не первый раз... Сашеньке делала... и другим... затянула рану на животе рубашкой, завязав рукава.

...с плечевой раной надо подождать немного... пусть от боли отойдёт... а там пока кровь присохнет... кивнула ребятам, чтоб отпустили... Толян подушку откинул... закашлялся... заорал... задышал... слюной и соплями залил-

ся... оклемался немного... сел даже... ему ещё водки дали... он держал стакан и не пил... живот гладил и охал.

...Сашенька одними глазами у Оли спросил: *мол, как?..* Оля плоско ладонью вдоль бросила – *всё в ажуре...* Сашенька слегка головой одобрительно качнул.

– *Споем, жиган, нам не гулять по воле
И не встречать весенний праздник «Май».*

*Споем о том, как девочку-пацанку
Ночным этапом угоняли в дальний край.*

...Кабанчик с кухни притащился... тоже в повязках... сперва у дверей встал... потом к столу подсел... неказисто так... мимо уставился... Галенька сидела возле своего раненого чувака на кушетке, вытирала пот с его лица и хлюпала носом.

...Сашенька Кабанчику на Галеньку глазами показал... тот не понял сперва... сомнение по его лицу прошло... а когда усёк, двинул было к ней, но неуверенно... на Сашеньку оглядываясь... мол, правильно ли понял... она увидела Кабанчика и заорала изо всех сил... рукой лицо закрыла.

...Сашенька палец поднял... помахал им из стороны в сторону, не одобряя... как-то так помахал, что Галенька смолкла... да и все вокруг поняли, что шутить не стоит... тем же пальцем Галеньку к себе поманил... она встала и на деревянных ногах пошла к нему.

...Сашенька за руку её взял и аккуратно на колено к себе посадил... по спинке погладил... и тут разревелась она рё-

вой-коровой навзрыд... рухнув головкой к нему на плечо... приобнял её Сашенька... по головке и спинке гладил... шептал ей на ушко... ждал... и стали утихать слёзы.

– ...ты, цветик мой, знать должна, – тихо говорил ей, но как бы для всех, – нельзя быть с тем, кто не может тебя защитить.

...Галенька подняла лицо и с отчаянием посмотрела на него.

– ...но пока ты с ним... если он поставил тебя на кон... то нельзя сказать «нет», – Сашенька говорил мягко... глядя на неё с участием и пониманием... прямо как папа... и по спинке гладил... она смотрела ему прямо в глаза, не отрываясь.

– (*Сашенька – Чумерек*): ...двинь баш ...да не паль, а пудру.

...тот засуетился, стал кульки из карманов вытаскивать.

– (*Чумерек*): ...крутой пан... по топу брал... протащит по полной.

– (*Сашенька*): ...у Гасана?

– (*Чумерек*): ...дык у него всегда есть.

– (*Сашенька*): ...он – жох скребучий... арапа заправит на полные рейтузы.

– (*Чумерек*): ...на десну тёр... я лакшовую дурь на раз чухаю.

...Сашенька средний палец протянул... как протыкая... Чумерек осторожно отсыпал на палец. Сашенька снова

на Галеньку посмотрел, и она смутилась.

– (*Сашенька – Галеньке*): ...не бойся его... он ласковый котик... он тебя не обидит... дай носик... у нас такой нежный красивый носик... ну, ближе подвинься, моя хорошая... и надо сразу... большим вдохом.

– ...но я... – Галенька объяснить хотела... но Сашенька палец к её губам приложил, и затихла она.

– (*Сашенька*): ...а теперь втяни... нет, не так... быстро надо.

...Галенька резко втянула... закашлялась... задышала... глаза стала вытирать... Сашенька гладил её по спинке.

– (*Сашенька*): ...и во вторую... только сильнее тяни... всё-всё втянуть надо... сегодня у тебя юбилей, цветочек мой.

...Галенька втянула второй ноздрей... уже не кашляла, но громко дышала.

– (*Сашенька – Кабанчику*): ...что в писухе-то было?

– ...брудершафт, – не своим, заплетающимся языком прохрипел Кабанчик

– ...так что? – Сашенька холодно посмотрел на него.

...Кабанчик задвигался весь... озираться стал... кивнул одному чалману:

– ...Генок, давай две рюмахи.

– ...чё я те?.. должен, что ли?

– (*Кабанчик*): ...а за станцию?.. а то в другой раз сам разбираться поползёшь.

– ...чуть что – станцию лепит.

– (*Кабанчик*): ...ну, давай ты... будет чалдонить.

...Галеньку усадили и дали две рюмахи в руки... она испуганно озиралась... кодла к столу потянулась... про охавшего молодого оленя забыли... иной интерес прорезался... лица просветлели и зацвели сердца.

– ...держи, Галенька, держи... нет, на стол ставить нельзя.

– ...обе ручки подними над столом... вот так.

– ...да она у него совсем необученная... потеснись, кореша́!

– ...лысявую полянку небось не подстригла.

Кабанчик рядом с ней сел... серьёзный такой... руку под стол опустил.

– (*Галенька*): ...нет!.. нет!.. нет!.. не лезь, не лезь!.. Сашенька, скажи! – кричала, но держала рюмки.

– (*Сашенька*): ...голубушка, тут я ничего не могу... что на кону – то на кону... ну, он немножко только... чуть-чуть... ты ведь сама себя трогаешь, правда?.. а когда мальчик – куда как лучше.

– (*Галенька*): ...Паша, не надо... Паша!.. я прошу... ой, больно!.. больно!

– ...чё ты мусю состроила?.. он же к тебе с лаской... похорошему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.